

FIRST IN A NEW SERIES

THE MIST-TORN WITCHES

"Hendee has a gift for intricate psychological plots, and her characters are some of the best in current fantasy."

—Booklist

BARB HENDEE

NATIONAL BESTSELLING COAUTHOR OF THE NOBLE DEAD SAGA

В маленькой деревушке страны Древинка сёстры-сироты Селин и Амели Фоу зарабатывают на жизнь продажей лекарственных трав в аптечной лавке. Селин добывает дополнительные деньги, выдавая себя за провидицу и притворяясь, что читает судьбы людей.

Но они живут на земле великих благородных домов, борющихся за власть, так что, когда сестры отказываются подчиниться приказу княжеского военачальника, им приходится бежать. И в конечном итоге они находят временное пристанище у брата военачальника, князя Антона.

Через странных смертей красивых молодых девушек изводит деревни вокруг замка князя Антона. Он предлагает Селин и Амели постоянную защиту, если они смогут использовать свои «навыки», чтобы найти убийцу.

Не имея особого выбора, сестры вынуждены войти в неизвестный для них мир — изысканные платья и банкеты, ухаживания влиятельных мужчин. Их выживание зависит от поимки убийцы, который будто бы ходит сквозь стены и исчезает без следа. Опасность вокруг них растёт с каждым днем.

Переводчики: Inohor Roskoni, Игорь Фролов, Светлана Смирнова, Риша Каулитц, Anna Lebedeva, Александр Паринов, Геннадий Мартынов, Oksana Proshina

Вычитка: Наталья Бурмагина, Ксения Климова, Ксения Согол, Ирина Зуева
Неминушая Александра

Переведено для группы vk.com/club68806729

Пролог

Меня зовут Селин Фоу, и я ведьма-провидица. Когда мне было пятнадцать лет, я и представления не имела, что это значит, потому что ни одна из моих способностей ещё не заявила о себе. Я знала лишь то, что моя мать только что умерла, её аптекарская лавка перешла ко мне, а также заботы о моей двенадцатилетней сестре Амели. Моего отца убили много лет назад, и, с уходом матери, мы остались совсем одни.

Что бы вы сделали, окажись на моём месте?

Я поступила так, как сделал бы каждый — положились на свои сильные стороны: способность слушать и лгать.

Разумеется, я даже не подозревала об этих своих талантах до тех пор, пока не прошла неделя с похорон матери, и в нашу дверь не вошёл молодой человек. Его дикий, мечущийся туда-сюда взгляд напомнил мне жеребёнка, впервые запертого в стойле.

Но я была настолько оцепеневшей, что едва могла дышать, и потому не спросила его, что ему нужно и зачем он пришёл.

— У меня назначена встреча, — сказал он нерешительно. — С Элеанор.

Элеанор была моей матерью.

— Она умерла, — ответила я.

К моему удивлению, разочарование, вспыхнувшее на его лице, тронуло меня, и в первый раз за это время я внимательно его оглядела. Он был среднего роста, с каштановыми волосами, заправленными за уши, одетый в бордовую тунику, и имел при себе меч. Я предположила, что ему около восемнадцати лет.

— Умерла? — повторил он. — Нет... Она собиралась рассказать мне...

Он замолк, но ему не нужно было продолжать. Моя мать была провидицей, и он хотел

узнать что-то о своём будущем. Я уже собиралась попросить его уйти, как заметила небольшой мешочек с монетами в его руке.

Я немного помедлила. Я не была провидицей, как моя мать. Я могла вырастить лечебные травы или наложить небольшое заклинание, чтобы прекратить плохие сны, или облегчить боль от безответной любви, но я не могла предсказывать будущее.

Однако наш кухонный шкаф был почти пуст, а мешочек с монетами так и манил. Исцеление от ночных кошмаров не приносило много денег.

Рискованная идея пришла мне в голову, и я немного растерялась в тот момент.

— Я дочь Элеанор, — сказала я. — Я унаследовала её дар. Присядьте, и я помогу вам.

Облегчение, появившееся на его лице, заставило меня устыдиться, но не настолько, чтобы я отказалась от задуманного. Я пригласила его сесть.

— Что вы хотите узнать? — спросила я.

Он опустил на стул за выцветший стол моей матери и повернулся ко мне лицом.

— Я... я хочу жениться, но мой отец этого не одобряет.

— Почему нет?

— Потому что у Джозелин нет приданого. У её отца есть титул, но у семьи нет денег, и мой отец заключил соглашение с бароном Дризе. Он рассчитывает, что я женюсь на дочери барона — Рианнон.

— А вы не хотите жениться на Рианнон?

Он покачал головой, а затем остановился.

— Я не знаю! Под властью барона находится половина серебряных рудников в северо-восточной провинции, и приданое Рианнон принесёт моей семье большое состояние. Брак же с Джозелин не сулит ничего.

Я наклонила голову. Выбор казался простым. Жениться стоило на богатой девушке. Но я знала, что моей матери это не показалось бы таким простым решением.

— Тогда что вас тревожит? — спросила я. — Рианнон безобразна? У нее выпадают волосы? Она покрыта оспинами?

Он моргнул, вероятно, найдя мои вопросы детским, какими они, в принципе, и были, но, имейте в виду, мне было всего пятнадцать лет.

— Нет. Во всяком случае, большинство людей находит её привлекательней, чем Джозелин, — сказал он. — Но когда я с Джозелин, я не чувствую себя одиноким.

Я посмотрела на него, и это было моё первое знакомство с миром взрослых.

— Если вы не женитесь на Рианнон, может ли ваш отец лишить вас наследства? — спросила я. Уже в пятнадцать лет я была прагматичной.

— Нет.

Это всё, что мне нужно было знать. Я видела, как моя мать проделывала это сотни раз.

— Вы принесли какую-нибудь вещь Джозелин? — спросила я, зная, что моя мать снабдила его указаниями.

— Да, локон её волос.

Я забрала их у него, держа мягкие светло-каштановые пряди в своих пальцах. Другой же рукой я потянулась к одной прядке, которая, свернувшись, ускользнула от моих пальцев, будто стараясь уклониться от прикосновения, но я перехватила её.

Я закрыла глаза. Хотя я ничего и не видела, я заставила себя вздрогнуть раз, затем качнулась из стороны в сторону, глубоко дыша через рот. А потом открыла глаза.

— Ты увидела? — спросил он, наклонившись вперёд. — Ты увидела моё будущее?

— Да, — ответила я без колебаний. — Вы женитесь на Джозелин и будете счастливы. Я видела вас двоих после вашей свадьбы, и всё было так, как и должно быть.

Он шумно вздохнул, будто только что спасенный от утопления, и протянул мешочек через стол.

— Спасибо. Огромное тебе спасибо.

Так всё и началось.

Глава 1

Пять лет спустя

— Я не называла тебя лжецом, — ровно сказала Амели Фоу. — Я сказала, что ты пытался меня обмануть. Это разные вещи.

Джарет, деревенский мясник, нахмурился, всё ещё продолжая держать в руках две бараньи отбивные. Они стояли на улице посреди столов и палаток утреннего рынка, и морозящий дождь ронял мелкие капли на их головы. Он пытался продать ей товар по завышенной цене, и они оба знали об этом.

Амели вздохнула. Она не обвиняла его и не собиралась торговаться из-за пары кусков мяса. Но она и её сестра, Селин, были в числе тех немногих жителей Шетаны, у которых водились деньги. Большинство же их соседей по деревне сдавали Джарету репу в обмен на кости для супа. Амели думала, что Джарету уже некуда девать овощи.

У неё не было умысла угрожать ему, но, вопреки обыкновению, её рука потянулась к рукояти короткого меча у левого бедра. По правде говоря, она лучше управлялась с кинжалом, что был в ножнах справа, но меч производил более сильное впечатление, что сейчас было кстати.

Её сестра Селин, стройная и красивая, была добытчицей в их семье. Они ни от кого не зависели, и Амели давно уже взяла на себя обязанность защищать их обеих. Им никто не был нужен, кроме друг друга.

— Хорошо, — сказал Джарет, нисколько не обращая внимания на попытку напугать его и руку Амели на рукояти меча. — Полпенса, но это чистой воды грабёж.

Она улыбнулась ему и вручила монету.

— Селин спрашивала о твоём плече. Принести тебе ещё лаврового масла?

Выражение его лица смягчилось, и он уже собирался ответить, когда звук топота копыт остановил его. Амели проследила за его пристальным взглядом, устремлённым на дорогу, ведущую в деревню, и увидела четырёх всадников, показавшихся из-за деревьев.

Трое из них носили чёрные короткие плащи поверх кольчуг — солдаты княжича Дамека. Амели с отвращением узнала человека, скачущего впереди, — капитан Коче, глава стражи князя и сборщик налогов.

— Как думаешь, зачем он пожаловал? — тихо спросил Джарет, пряча отбивные и вытирая руки о свой испачканный кровью фартук. — До сбора налогов ещё два месяца.

Окружавшие их жители деревни, одетые в потёртые обноски, торопливо крались от палаток, но Амели не сводила глаз с солдат.

— Кто это с ними? — спросила она, указав взглядом.

Четвёртый всадник, намного меньше остальных, целиком скрытый плащом, ехал прямо позади капитана Коче.

— Не знаю, — ответил Джарет.

Амели подождала, пока всадники подъедут ближе. Её желудок сжался, когда они остановили лошадей на границе деревни у маленького двухэтажного здания с нарисованной

вывеской «Лаванда и чабрец».

Это была аптечная лавка, которой владели они с сестрой.

Это был их дом.

Все четыре всадника остановились прямо перед лавкой, и капитан Коче спешил с коня.

— Ох, семь преисподней! — сдавлено выругалась Амели, забыв про бараньи отбивные. — Он пришёл за Селин!

Маленькая фигура в плаще тоже спешила.

Джарет схватил тесак со стола.

— Хочешь, чтобы я пошёл с тобой?

Но Амели уже бежала по грязной дороге.

— Нет, я разберусь сама.

Ей и Селин никто не был нужен, кроме друг друга.

К несчастью, у Селин Фоу сегодня не было посетителей, так что она решила сварить немного листьев алтея, чтобы потом приготовить средство от укусов насекомых и пчёл. Уже была середина весны, а значит, скоро их будут тучи. Напевая, немного фальшиво, она развела огонь, надеясь, что Амели не доставит Джарету много хлопот, торгуясь из-за цены на мясо. Как бы то ни было, у сестёр водилось не так уж много денег, поэтому она, как правило, отправляла на рынок Амели. Она поступала малодушно и знала об этом, но Амели лучше вела такие дела.

Селин также было известно, что, даже сводя концы с концами, они всё равно жили лучше, чем подавляющее большинство их соседей по деревне. Но они жили в некотором роде отдельно от всех остальных. Их маленькая лавка со спальней на верхнем этаже была построена в непосредственной близости от деревни, но не в ней самой, как если бы она не имела отношения к другим магазинам и домам. Селин и Амели всегда чувствовали, что и они сами так же оторваны от других жителей. Хотя их отец вырос в Шетане, мать их, Элеанор, была родом из другого места, о котором никогда не говорила.

Отец был одним из деревенских охотников и после продолжительной охоты, длившейся один год, вернулся домой с невестой. Они сразу же построили аптечную лавку для Элеанор и дом на двоих. Элеанор умела читать и писать и привезла с собой тексты и свитки о травничестве. Она обучила грамоте и обеих девочек, хотя Селин перенимала знания более охотно.

В конце обучения речь Селин и Амели отличалась от речи жителей Шетаны, как отличался и их взгляд на мир. Иногда они говорили слова, которые никто не понимал. Это выделяло их среди остальных.

И всё же из близлежащих поселений и деревень приходили люди, чтобы посмотреть на провидицу Селин и узнать своё будущее. О её репутации знали далеко на севере, за рекой Вудрашк.

Сёстры были благодарны судьбе за их тёплую лавку с добрым очагом. Хотя у них не было передней с прилавком, главная комната могла похвастаться парой крепких столов. Стены комнаты представляли собой сплошь полки, уставленные бесчисленным количеством горшков и кувшинов.

Их маленькое заведение выглядело достойно.

Аптечная лавка «Лаванда и чабрец» была уважаемым местом и гордостью Селин.

По-прежнему напевая, она собиралась было направиться в чулан за листьями алтея, когда стук копыт снаружи заставил её смолкнуть и обернуться. Топот прекратился, и затем она услышала, как кто-то спешил с хлюпающим звуком прямо в грязь перед её лавкой. Кто бы это мог быть?

Прежде, чем она успела задаться этим вопросом на мгновение дольше, дверь распахнулась и она застыла на полпути. Капитан Коче появился в дверном проёме, вода стекала с его промокшего камзола на пол. Он изучающее посмотрел на неё, как делал всегда, оказавшись рядом с ней. Он был неприятным: высокий, но с выдающимся животом, с сальными волосами и тонкими усами, что тянулись до самого подбородка.

Селин усвоила от своей матери, что для успешного исхода дела провидица должна выглядеть подобающе. Она постоянно носила красное бархатное платье своей матери, которое плотно облегалo её тонкую фигуру. Копна русых локонов спускалась по её спине. И Селин, и Амели унаследовали от своей матери глаза цвета лаванды. Селин прекрасно понимала, что с такой внешностью её где угодно сочли бы привлекательной, но в Шетане любая девушка с чистой кожей и целыми зубами уже расценивалась как красавица.

Иногда это мешало.

Капитан провёл языком по своей нижней губе, и Селин вытянулась во весь свой невысокий рост.

— Могу я помочь вам? — спросила Селин, всем тоном показывая, что не испытывает ни малейшего желания делать это. Она не имела представления, что ему нужно. Налоги были уплачены сполна, а княжич Дамек не вспоминал о Шетане до тех пор, пока кто-нибудь не оказывался должен ему денег или он не решал наказать кого-нибудь за дерзость. Дороги здесь были ужасными, но больше ему уже никто на это не жаловался.

— Нет, моя дорогая, — произнёс голос за спиной капитана, — но ты можешь помочь мне.

Коче отступил в сторону, и позади него появилась согнутая фигура. Скрюченная рука откинула капюшон плаща, являя морщинистое лицо престарелой женщины, которая улыбнулась, обнажив жёлтые зубы. Она закрыла за собой дверь.

— Я — мадам Зелинка. Ты, должно быть, знаешь обо мне?

Это было правдой. Она слышала это имя от некоторых своих родовитых посетителей, но никто из них не был близко знаком с мадам Зелинкой. Она занималась тем, что устраивала браки в домах великих нобилей, сплетая паутину связей, которая должна была увеличить благосостояние или возвысить титул одного из благородных родов.

Что ей понадобилось здесь?

Селин не хотела проявить неуважение и потому вежливо поклонилась.

— Да, мадам. Вы оказали мне честь. Могу я предложить вам чашку горячего чая?

Улыбка старухи стала шире, и от этого озноб пробрал Селин до костей.

— Какая ты милая девушка, — сказала мадам Зелинка, двигаясь к стулу и садясь. — Чай был бы очень кстати.

Её седые волосы были уложены в простой узел на голове, и даже через мокрый плащ от неё долетал запах пыльного чердака.

Капитан Коче продолжал стоять в стороне от дверного проёма. Сего одежды всё ещё стекала вода. Взгляд его бы прикован к талии Селин. Она постаралась не замечать его, когда двинулась за чайником.

Но прежде, чем кто-нибудь проронил ещё хоть слово, входная дверь распахнулась

настежь и Амели вбежала внутрь, тяжело дыша и сжимая в одной руке кинжал.

— Селин! — выкрикнула она, но затем немного успокоилась, увидев сестру у очага.

За спиной Амели появился стражник, который стоял снаружи. Он явно был удивлён внезапным появлением и посмотрел на капитана, ожидая указаний. Тот махнул ему рукой, и стражник закрыл дверь.

Повернувшись к капитану, Амели выпалила:

— Что ты здесь делаешь?

Селин внутренне содрогнулась. Амели и капитан Коче терпеть не могли друг друга, и ни один из них не утруждал себя скрывать этот факт. Если бы лавка не давала хороший доход для налогов Шетаны, то Селин пришлось бы всерьёз беспокоиться о безопасности сестры.

Дело также усложнял тот факт, что Коче предпочитал, чтобы женщины выглядели и вели себя как... женщины. Амели в свои семнадцать лет была ниже Селин. В то время, когда фигура сестры была хрупкой и изящной, телосложение Амели показывало её физическую силу и мускулы. Она упрямо одевалась в брюки, выцветшую синюю рубашку, короткую холщовую куртку и сапоги. Она унаследовала такие же, как у Селин, глаза цвета лаванды и маленький нос, но волосы у неё были прямые и чёрные, как у отца, и острижены так коротко, что пряди доходили только до подбородка.

Когда она и Селин осиротели, то стали казаться лёгкой добычей для рыскающих солдат. Но Амели быстро развеяла их уверенность. Она полагалась на свою скорость и внезапность и могла в считанные секунды нанести противнику удар кинжалом, что висел на бедре.

— Он — ничего, — ответила мадам Зелинка. Голос её теперь звучал менее дружелюбно. — Это у меня дело к твоей сестре.

Селин поспешила встать между ними.

— Амели, это мадам Зелинка. У неё может быть работа для меня.

Амели быстро перевела взгляд с Селин на женщину. Не смотря на свою воинственность и вспыльчивость, она не была душой и прекрасно понимала, что этот визит сулит деньги.

— Она хочет выпить чаю, — продолжала Селин. — Не могла бы ты его приготовить?

Их взгляды встретились, и Амели коротко кивнула, направляясь к очагу. Коче не шевелился. Пока что он не проронил ни слова.

Когда дело касалось работы, этим всегда занималась Селин. Она повернулась к столу и села напротив мадам Зелинки.

— Чем я могу помочь вам в вашем деле?

Улыбка вернулась на лицо старухи, обнажая её жёлтые зубы, и она вытащила три серебряные монеты из кармана своего промокшего плаща.

— Ничего сложного, всего лишь пустяк.

Судя по размеру оплаты, это едва ли был пустяк, но Селин продолжала хранить молчание, вежливо ожидая продолжения. Она давно усвоила, что люди рассказывают больше, если предоставить их тишине. Амели поставила дымящуюся кружку на стол.

— Сегодня вечером у вас будет ещё один гость, — продолжала мадам Зелинка, — молодая девушка из семьи нобилей. Она спросит тебя о своей предстоящей помолвке. Она слышала о твоём даре и не согласится обручиться до тех пор, пока не поговорит с тобой и не узнает своё будущее. Всё, что тебе нужно сделать — это убедить её, что замужество будет счастливым, и она должна согласиться без промедлений.

— Как её зовут? — спросила Селин. — Так я смогу её узнать.

— Рианнон, старшая дочь барона Дриезе.

Что-то в этом имени было знакомо Селин... что-то из прошлого, но она никак не могла вспомнить, что именно.

Мадам Зелинка пустила серебряные монеты через стол.

— Ты можешь это устроить, моя дорогая?

Для Селин дело обстояло предельно ясно. Пожилая дама работала на отца будущего жениха — или, возможно, на самого жениха — и хотела быть уверенной, что свадьба состоится, обеспечив ей щедрую плату.

Но если мадам Зелинку сопровождал капитан Коче, это означало, что в деле каким-то образом был замешан княжич Дамек, так что Селин не могла отказаться от работы, даже если бы захотела.

— Да, я с лёгкостью могу устроить это, — ответила она.

— Будь уверена, ты сделаешь это, — пробасил капитан Коче, впервые подавая голос. — Девушка скажет да.

Селин моргнула и посмотрела на Амели. Каков был его интерес в этом деле? Он был далёк от мира нобилей, так что ничто из забот мадам Зелинки не могло быть связано с ним.

— Разумеется, она всё устроит, — сказала старуха, вставая и ковыляя до двери. Она не прикоснулась к чаю. — Прощай, моя дорогая. Что за удовольствие было прийти сюда.

Капитан Коче открыл перед ней дверь, но не отвел взгляд от Селин: глаза его перебежали от её талии к груди. Его волосы, которые уже успели немного обсохнуть после дождя, стали выглядеть ещё грязнее. Селин сдержалась, чтобы не передёрнуться.

Затем, без лишних разговоров, оба визитёра удалились так же быстро, как и пришли.

Селин покачала головой. Хотелось бы ей знать обо всём этом больше.

— Как думаешь, что всё это значит?

Амели пожала плечами.

— По крайней мере, он ушёл.

Она подошла и посмотрела на серебряные монеты.

— И это лёгкие деньги.

Да, Селин должна была признать это. Это были лёгкие деньги.

Лейтенант Яромир укрылся за купой деревьев, всматриваясь в окраину деревни. Хоть он и вырос в промозглой сырости Древинки, даже ему докучал холодный весенний дождь. Его кольчуга промокла, как и его жёлто-коричневый табард.

— Что они там делают? — тихо спросил он. — Они даже не въехали в деревню.

Он хотел сказать что-то ещё, но слова застыли у него на губах, когда он посмотрел на своего спутника. Княжич Антон, его господин и ближайший друг, побледнел.

— Это аптечная лавка, — прошептал Антон. — Они приехали к провидице, что живёт там.

— К провидице? — спросил Яромир. — В этой крысиной норе, именуемой деревней? Ты уверен?

— Да, я уверен. Я был там.

Яромир посмотрел сквозь деревья на двухэтажную лавку, с трудом представляя себе своего господина в таком месте. Двое солдат в чёрных табардах ожидали снаружи у двери, где были привязаны кони, в то время как капитан Коче и старуха сваха вошли внутрь.

— Зачем Дамек прислал сюда Зелинку? — спросил он.

— Я не знаю, — ответил Антон. — Последнее, что я слышал, так это то, что женитьба моего брата устраивалась тайно.

Он вздрогнул.

На Антоне был плащ, но Яромиру не нравилась мысль, что он так долго стоит под дождём. В свои двадцать три года Антон уже показал себя как хороший предводитель, но телосложение его не отличалось силой, как и его здоровье. Его каштановые волосы только делали кожу бледнее, да и круги под глазами не улучшали картину.

— Думаешь, Рианнон смотрит иначе на женитьбу твоего брата? — спросил Яромир.

— Я не знаю, — повторил Антон.

Яромиру захотелось испустить вздох. Проблема заключалась в том, что они не знали всего и ситуация стремительно ухудшалась. Его никогда не занимали политические перипетии, но он заботился о людях этой страны и больше всего его беспокоил Антон. Наступали большие перемены, и если бы Яромира спросили, что он об этом думает, он сказал бы, что Антон не только останется в живых, но и победит в сражении.

У Древинки не было наследного короля. Вместо этого страна представляла собой объединение княжеских земель. Каждый князь возглавлял свой собственный благородный дом и следил за несколькими вотчинами. Но... все они служили одному великому князю, который избирался каждые девять лет собравшимися вместе главами благородных домов. Такой порядок правил в стране уже более сотни лет. В настоящее время во главе Древинки был князь Родек из дома Энтов.

Но в последующие два года будет избран новый великий князь.

Антон и Дамек были сынами дома Пэленов. Их отец, князь Ливен, контролировал обширную область на западе Древинки. Он пожаловал Дамеку, старшему из братьев, древний замок и семь крупных вотчин для надзора. Антону достался замок получше и шесть поместий поменьше. Такое разделение было для каждого молодого человека возможностью проявить себя.

Однако князь Ливен стал быстро стареть в последнее время, и, по слухам, в скором времени мог назвать преемника на посту главы дома Пэленов. Это было его право выбирать между сыновьями, и победитель должен быть определён в течение следующих двух лет, тогда он сможет внести имя своего преемника в список претендентов на место великого князя.

В результате Дамек тянул из крестьян последние жилы, облагая их непомерными налогами, чтобы увеличить свою армию. Он считал это проявлением силы. Но только потому, что армия у него уже была. Затем, два месяца назад, Антон узнал, что Дамек вёл переговоры о вступлении в брак с дочерью мелкого нобиля, у которой было огромное приданое, достаточное, чтобы резко переменить расстановку сил. Это стало полной неожиданностью.

И всё же никакой свадьбы не было, как и не было объявлено никаких дат.

Так что все действия Яромира и Антона сейчас сводились к тому, чтобы или зависеть от шпионов, или шпионить самим в попытке узнать исход дела. И они проследили этим утром за капитаном Коче и старой каргой Дамека — свахой Зелинкой.

— Бедная Рианнон, — прошептал Антон. — Её отец снова пытается сбыть её.

Яромир с удивлением посмотрел на него. Почему Антон жалеет дочь барона, который располагает ничтожным количеством серебряных рудников? И теперь уже сам Яромир пожалел ту девушку, которой грозит возможный брак с Дамеком.

Антон посмотрел на небо сквозь полог нависших над головой веток, словно пытаюсь определить время. Затем он обернулся, вглядываясь за ствол дерева, что стояло позади него. Он увидел четверых своих стражников в жёлто-коричневых табардах, которые вместе с лошадьми ожидали его в глубине леса.

— Я должен вернуться в Сеон, — сказал он. — Не стоит нам двоим покидать замок ещё на одну ночь.

Яромир хранил молчание. Оба они беспокоились, покидая своих людей даже на одну ночь, потому что, вдобавок к козням Дамека, дома их ожидала другая проблема, показавшая свою уродливую голову.

— Ты хочешь, чтобы я остался здесь? — спросил Яромир.

— Да. Я оставлю капрала Павла с тобой. Сделай всё возможное, чтобы узнать, что происходит, и... — Антон помедлил в неуверенности, что хочет сказать. — И проследи, чтобы с провидицей ничего не случилось. Присмотри за ней.

— За провидицей?

— Да, она... Просто не позволяй ничему с ней случиться.

Это неожиданное поручение вызвало у Яромира замешательство, но он кивнул.

— Я присмотрю за ней.

Во второй половине дня, когда Амели вернулась в деревню, чтобы завершить свои дела, и оставила Селин одну, в их дверь тихо постучали. Селин собралась, понимая, что пришло время отрабатывать свои серебряные монеты. Она подошла к двери и открыла её.

На пороге одиноко стояла молодая девушка, а на почтительном расстоянии от неё ждали несколько всадников. Она была красива, с прямыми рыжими волосами. На ней был серо-голубой плащ и перчатки в тон ему. Таких девушек, как она, редко встретишь в Шетане.

Выглядела девушка на двадцать с небольшим, что удивило Селин. Нобили, как правило, использовали своих дочерей как пешек в политических играх, выдавая их замуж, как только им минёт шестнадцать лет.

— Я... — начала она. — Я — леди Рианнон. Я надеюсь, вы примите меня. Я хорошо заплачу.

Из её слов Селин поняла, что девушка понятия не имеет, что её ждали здесь. Она отступила в сторону, открывая дверь шире.

— Конечно. Пожалуйста, входите.

Напряжённое выражение на лице девушки сменилось таким облегчением, что Селин не удержалась от вопроса:

— Как вы узнали обо мне?

— Один друг рассказал мне. Несколько лет назад, — в голосе её угадывалась горечь.

Она вошла в лавку и сняла свой плащ. Под ним оказалось шерстяное платье небесно-голубого цвета.

Селин никогда ещё не видела ничего настолько нового и прекрасного.

— Вы хотите, чтобы я прочитала ваше будущее? — спросила она.

Огонь потрескивал в очаге, наполняя комнату слабым запахом дыма. Рианнон оглядела горшки и сосуды на полках.

— Да, — ответила она. — Мой отец хочет выдать меня замуж.

— А вы против?

— Нет, это не... — Рианнон смолкла, а затем продолжила, — У меня есть сомнения. Он

выше меня по положению.

Выше по положению? Тревога зародилась в Селин ещё прежде, чем она спросила:

— Кто жених?

Рианнон обернулась и посмотрела ей прямо в лицо:

— Княжич Дамек.

— Князь Дамек? — задохнулась Селин.

Сын дома Пэленов не станет жениться на дочери мелкого барона. Он выберет себе в супруги только дочь из другого знатного дома.

Её явное потрясение нисколько не задело Рианнон. Напротив, девушка подошла ближе.

— Вот видишь? Я боюсь, что он хочет жениться на мне только из-за моего приданого, и если это так ... что будет со мной, если я соглашусь? Будет ли он дорожить мной? Буду ли я счастлива?

Острое чувство вины накатило на Селин, но она тут же вспомнила жёсткий взгляд капитана Коче, когда он сказал ей: «Будь уверена, ты сделаешь это. Девушка скажет да.»

Неужели она собиралась сказать этой несчастной девушке, что она будет счастлива в браке по расчету с тираном? У Селин был дар говорить людям то, что им нужно было услышать, но в то же время она пыталась убедить себя, что давала им здравый совет.

Наедине с самой собой Селин посоветовала бы леди Рианнон бежать.

Но... она не хотела бы столкнуться с последствиями такого поступка. Княжич Дамек отправил Коче, чтобы быть уверенным: Селин поняла, что Рианнон лучше сказать «да».

— Садитесь, пожалуйста, — сказала Селин. — Вы принесли что-нибудь из его вещей?

Рианнон в нетерпении протянула кожаную перчатку.

— Он часто их носит и одолжил мне одну. Это подойдёт?

— Вполне.

Обе женщины сели за стол. Селин взяла перчатку в одну руку и мягко обхватила пальцы Рианнон другой рукой.

— Подождите немного и дайте мне почувствовать ваш дух, — сказала она. — Это поможет мне увидеть будущее.

— Спасибо, что вы согласились.

С новым приступом вины Селин закрыла глаза. Она не хотела делать этого, поэтому не спешила «впасть в транс». Удерживая пальцы Рианнон, она почувствовала сильную энергию. Рианнон обладала жизнерадостным духом. Селин чувствовала его, как чувствовала дух каждого из тех, кто приходил к ним в лавку.

Но через несколько секунд ей предстояло изобразить транс: она станет раскачиваться из стороны в сторону и содрогаться всем телом, будто через него прокатывается что-то неведомое, а потом откроет глаза и вынесет вердикт, который, вероятно, разрушит девушке жизнь.

А затем... внезапно Селин почувствовала настоящий толчок, будто её тело неслось по туманному тоннелю. Она позабыла обо всём, кроме ощущения стремительно вихрящегося вокруг неё тумана. Он клубился оттенками серого и белого.

Туман исчез, и перед ней предстала следующая картина. Она увидела большую спальню из отёсанного камня.

В середине стояла огромная кровать с балдахином. Рядом с ней в кресле сидела Рианнон, уставившись в пространство ничего не видящим взглядом. Один только её вид наполнил Селин тревогой. Казалось, она потеряла всякую надежду.

Дверь скрипнула и открылась, и в комнату вошёл капитан Коче.

Рианнон рассеянно посмотрела на него.

— Да? Вам что-нибудь нужно? — по тону её голоса становилось понятно, что его нужды для неё не имеют никакого значения.

Но он вошёл внутрь и закрыл за собой дверь. Это вызвало у неё лёгкое беспокойство.

— Капитан, вы не должны здесь находиться. Это моя спальня.

Он быстро пересёк комнату и схватил её за шею, притягивая к себе. Он прижал свои губы к её губам. Девушка пыталась вырваться, но находилась в полубморочном состоянии от потрясения.

Как по заученной роли в этот момент в комнату вошёл княжич Дамек в сопровождении троих стражников. У него были длинные тёмные волосы, а кожа была настолько бледной, что казалась почти белой. Одет он был в тёмно-синюю вышитую тунику.

Он остановился, холодно глядя на Коче, целующего Рианнон, и затем сказал:

— Шлюха.

Коче отпустил девушку, и она ахнула.

— Нет... мой господин. Я не...

— У меня есть глаза! — закричал Дамек. — Ты прелюбодейка. Я подозревал это уже несколько недель, — он подошёл ближе. — Родить ублюдка, чтобы он занял место в доме благородного нобиля — это измена.

Он повернулся к своим стражникам:

— Она виновна. Придушить её. Сейчас же.

Когда Селин увидела это, ей захотелось закричать. Она хотела позвать Амели, но потеряла голос. Она просто смотрела.

Глаза Рианнон расширились. Она попыталась увернуться от Коче и броситься к двери, но один из стражников с лёгкостью перехватил её и поставил на колени. Другой обмотал её шею верёвкой и дёрнул обеими руками. Девушка задыхалась и боролась с диким выражением на лице. Но стражник потянул верёвку сильнее, и дыхание Рианнон оборвалось.

Дамек смотрел на это с довольной улыбкой.

— Нет, — закричала Селин, обретя наконец голос.

Каменная комната исчезла, а Рианнон сидела рядом за столом, глядя на неё. Селин выпустила её руку и выронила перчатку.

— Что? — взволнованно спросила Рианнон. — Что ты видела?

Селин всё ещё была потерянной и испуганной от увиденного, и от этого утратила самообладание.

— Он задушит вас, — выпалила она. — Он ложно обвинит вас в измене и задушит прямо в вашей спальне... Я думаю, это случится спустя несколько недель после свадьбы.

Рианнон поднялась.

— Задушит?

Женщины посмотрели друг на друга, и Селин постаралась успокоиться. Что только что произошло? Неужели она сейчас увидела чьё-то будущее, как делала это её мать? Всё было так реально.

Но затем видение обрело смысл. Дамек хотел завладеть приданым Рианнон — достаточная причина для брака. До того, как появятся наследники, он захочет заполучить невесту из знатного дома, а для этого надо избавиться от прежней жены.

— Вы не можете согласиться на брак с ним, — сказала Селин.

Рианнон закрыла глаза.

— Я снова разочаровала своего отца.

Селин не знала, что это значит, да это её и не заботило. Рианнон переживала, что ей грозит брак без любви, и Селин была готова толкнуть её на это, но после видения...

— Если вы выйдете за него, он убьёт вас.

Рианнон открыла глаза и кивнула.

— Я отправлю ему ответ сегодня днём. Я скажу ему «нет».

Покопавшись в кошельке на талии, она вытащила две монеты. Чувствуя себя нездоровой, Селин хотела было отказаться, но поняла, что это будет выглядеть странно.

— Полагаю, я должна поблагодарить тебя, — сказала Рианнон. Голос её дрожал. — Но я не представляю, что со мной будет теперь.

«По крайней мере, ты будешь жива», — подумала Селин.

Рианнон накинула свой плащ и направилась к двери. Обернувшись, она сказала:

— Спасибо тебе. Думаю, я догадывалась. Я всегда подозревала, иначе я бы не приехала сюда.

Она выскользнула за дверь, предоставив Селин своим мыслям. Два вопроса мучили её теперь. Правда ли, что она настоящая провидица? И что сделает княжич Дамек, когда получит ответ Рианнон?

Лейтенант Яромир наблюдал за лавкой из-за деревьев весь день. Единственным событием за долгие часы стало появление симпатичной девушки с короткими волосами, которая была одета, как мужчина да, вдобавок, хорошо вооружена. Она вышла из дома далеко за полдень. Такая юная девушка не могла быть провидицей, значит, она всё ещё внутри.

Но кроме этого, больше ничего не произошло.

Дождь прекращался, и Яромир стал подумывать, чтобы вернуться к своему коню за плащом. Этим утром он затолкал его в седельную сумку, чтобы защитить от сырости, на случай, если сегодня вечером плащ заменит ему одеяло.

— Как долго мы здесь пробудем по приказу князя? — спросил капрал Павел, стоявший рядом.

Хотя Антон был ещё только княжичем, большинство его людей на протяжении многих лет называли его князем.

— Столько, сколько потребуется, — ответил Яромир. — Пока мы не узнаем что-нибудь полезное.

Павел хмыкнул, явно недовольный этим заданием. Но Яромир всё равно был рад его компании. Павлу было немного за двадцать, долговязый, с коротко остриженными волосами. При одном взгляде на него можно было подумать, что он совершенно безобиден, но это было не так. Он был хорош в бою, и Яромир часто брал его с собой, отправляясь на вылазку из Сеона.

— Постой, — сказал Павел внезапно. — Я слышу топот копыт.

Небольшая группа всадников двигалась к деревне. Оба, Яромир и Павел, припали к земле, когда увидели, что всадники приблизились к аптечной лавке. Это была стража, сопровождающая одну единственную женщину в серо-голубом плаще. Она спешила, и часть её капюшона откинулась назад, выставляя на обозрение блестящие рыжие волосы.

— Это леди Рианнон, — сказал Яромир.

Разумеется, он никогда не заговаривал с ней, но видел её на нескольких государственных обедах, где он исполнял обязанности телохранителя Антона. Её волосы ни с кем нельзя было спутать.

— Так она приехала повидать эту провидицу? — спросил Павел.

— Похоже на то.

Они ждали. Но Рианнон недолго была внутри, и когда она вышла, то так стремительно бросилась к своей лошади, что запнулась и чуть было не наступила на полу плаща.

— Что-то не так, — разочарованно произнёс Яромир. Он ничего не мог узнать, скрываясь за деревьями. — Пошли.

— Что ты собираешься делать? — спросил Павел с тревогой.

— Просто пошевеливайся!

Они побежали к своим коням и затем повернули назад. Мерин Яромира двигался быстро и уверенно даже в грязи. Он напролом пробирался сквозь деревья. Коротким путём он вышел на главную дорогу за деревней. Затем замедлил ход, как если бы Яромир и Павел совершали неспешную поездку в Шетану.

Через мгновение Яромир увидел группу всадников с Рианнон во главе, направляющихся к ним. Он с трудом сглотнул.

Будучи уже в сознательном возрасте, Яромир заметил, что что-то в нём действует на женщин располагающе. Он не был красавцем, но носил небольшую бородку и собирал свои светло-каштановые волосы в хвост. Всё в его внешности говорило о том, что это закалённый в бою солдат: от обветренной кожи до шрамов на руках. Он привык этому, потому что таким и был на самом деле. Он принимал себя таким, какой есть, любил хорошую шутку и добрую историю. И женщинам нравился его лёгкий нрав. Сейчас же он собирался проверить на деле, какое впечатление производит. Он хотел заговорить с леди Рианнон и отчаянно надеялся, что она не сочтёт это оскорблением.

Когда вся группа подъехала ближе, он смог лучше рассмотреть её лицо. И понял, что его чутьё не подвело. Она была бледна, и боролась с подступавшими слезами.

Направляя лошадь к центру дороги, он улыбнулся:

— Моя госпожа. Рад снова видеть вас.

Её стража остановилась, и один из стражников схватился за рукоять меча, но Яромир остановил его. Верная своему воспитанию, несмотря на обрушившееся на неё потрясение, Рианнон подняла глаза. Казалось, она пыталась узнать человека, стоявшего перед ней.

— А... Ты человек Антона... Лейтенант?..

— Яромир, — закончил он. Его улыбка стала шире. — Я вижу, что поздравления будут уместны. Когда я смогу сопровождать моего господина на вашу свадьбу?

Она содрогнулась, будто ей стало плохо, и крепче сжала поводья.

— Свадьбы... свадьбы не будет.

Он знал, что сейчас испытывает свою удачу на прочность, но пользуясь её временным смятением, быстро спросил:

— Это из-за того, что провидица сказала вам?

Она дёрнулась в седле. Яромир только что признал, что следил за ней. Он не ждал от неё ответа, он хотел увидеть её реакцию на вопрос.

Этого ему было достаточно. Её глаза расширились, рот приоткрылся. Провидица что-то поведала ей.

Затем она выпрямилась с присущим ей достоинством настоящей леди.

— Передай своему господину, — холодно начала она, — что он может не бояться. Казна его брата в скором времени не пополнится деньгами моей семьи. Свадьбы не будет.

Пустив свою лошадь, она проехала мимо него.

Он чувствовал себя ничтожеством от того, что так воспользовался ею, но он сделал бы это ещё раз, если потребуется.

Когда они остались на дороге одни, Павел заговорил.

— Что ж, дело сделано. Теперь мы можем вернуться в Сеон и рассказать всё князю.

Да, вернуться сейчас домой было бы разумным решением.

Но Антон сказал ему проследить, чтобы провидица была в безопасности... И Дамек должен был получить плохие вести.

— Нет, — сказал Яромир. — Я думаю, нам лучше задержаться здесь.

Капрал Павел вздохнул.

Примечание переводчика:

Княжич — молодой сын князя, не имеющий собственного княжения.

Табард — накидка свободного покроя с короткими рукавами, открытая с боков, имеет небольшую длину до колена.

Капрал — начальник команды, младший воинский чин.

Глава 2

— Что ты сделала? — недоверчиво спросила Амели этим вечером за ужином. — Ты сказала ей отказать ему? Ты в своём уме?

Селин часами пыталась придумать, как сообщить сестре о содеянном. В конце концов, она выпалила, что женихом был Дамек, и что она посоветовала Рианнон не соглашаться на замужество с ним. Но как она могла объяснить свой поступок? Амели часто выражала недовольство тем фактом, что большая часть их денег была заработана Селин, изображающей провидицу. Что она почувствует, если Селин расскажет ей, что часть дара её матери действительно могла перейти к ней? Такое известие могло встать стеной между ними.

Пламя в очаге отбрасывало тени на стены. Никто из них не притронулся к жареным бараньим отбивным, что стояли на столе.

— Я должна была, — сказала Селин неуверенно. — Я не могла посоветовать ей выйти за него. Дамек опасен.

— А разве это не так? — Амели почти сорвалась на крик. — Как ты думаешь, кого он сейчас обвинит в случившемся? — Её лицо покраснело. — Разве после смерти родителей мы не пообещали себе, что будем заботиться только друг о друге?

Это напоминание причинило ей боль, но сейчас Селин не могла думать о родителях. Не этим вечером.

— Послушай, — сказала она, вставая из-за стола. Торопливо подойдя к одной из полок, она вытащила запечатанное письмо, что было спрятано между двумя банками. — Я написала мадам Зелинке и вложила в письмо серебряные монеты, что она дала мне. Я сообщила ей, что всеми силами старалась убедить Рианнон стать женой Дамека и обещала ей, что брак будет счастливым, но она ещё до приезда сюда была настроена против него, так что ничего нельзя было поделать.

Амели посмотрела на письмо с монетами, но по её лицу трудно было определить, о чём она думает.

— Первым делом, мы заплатим завтра одному из деревенских мальчишек, чтобы он

доставил письмо, — продолжала Селин. — Зелинка ни к чему не сможет придраться, если подумает, что я сделала всё возможное и вернула деньги, потерпев неудачу. Дамек, вероятно, не готов принять отказ Рианнон и предпримет ещё одну или две попытки. Со временем он поймёт, что это потерянное дело, и позабудет о нас.

Она увидела, как её слова понемногу успокаивают сестру.

В конце концов, Амели кивнула.

— Отлично. Возможно, мы ещё сможем остаться в живых, — она откинулась на спинку стула. — Но даже если так, это была большая сумма, Селин. Неужели ты просто не могла сказать ей, чтобы соглашалась?

— Нет, — твёрдо ответила Селин. — Не могла.

Ей будет сниться в страшных снах, как Дамек улыбается, глядя на одного из своих стражников, удушающего Рианнон на полу спальни. Селин прогнала это видение из своего сознания, подошла к своему стулу и опустилась на него. Она сделала всё возможное, чтобы помочь Рианнон, и жизнь продолжалась.

— Стоит съесть отбивные, пока они совсем не остыли, — сказал она. — Хочешь хлеба?

Амели кивнула, и её гладкие чёрные волосы шевельнулись вперёд и назад, будто жили своей собственной жизнью.

— Ты правда думаешь, что мы в безопасности? Что Дамек не попытается наказать тебя?

— Да, если Зелинка покажет ему моё письмо. В любом случае, наказывая меня, он не получит желаемое, так что стоит ли ему об этом беспокоиться? Это не похоже на то, что кто-то открыто высказывает недовольство его лидерскими качествами. Вероятно, он даже захочет замять эту историю.

Как оказалось, Селин была права, и её планам отправить письмо не суждено было сбыться. Вместо этого, стоило ей потянуться за хлебом, как лезвие длинного меча обрушилось на створку их окна, и в комнату что-то влетело, ударилось об пол и покатило дальше.

Это была бутылка.

Она была наполнена маслом, а горлышко заткнуто тряпкой.

И тряпка горела.

Через секунду полетела вторая бутылка. Она разбилась, расплескав масло по полу. Тут же занялось высокое пламя.

— Селин! — закричала Амели, вскакивая на ноги и сдёргивая с крючка плащ, в попытке загасить им огонь.

Селин металась в панике, стараясь найти что-нибудь, чем могла бы помочь сестре, но её плащ и все их одеяла были наверху.

Несмотря на все усилия Амели, пламя продолжало распространяться. Затем в окно влетела третья бутылка. Она разбилась о ряды полок, и стену объял огонь.

— Надо выбираться отсюда! — послышался голос Селиниз-за рёва пламени. — Беги назад!

Амели была не из тех, кто легко сдаётся, но комната почти целиком была охвачена огнём, и воздух заволкло дымом. Уже через секунду после возгласа Селин обе они неслись к задней двери. Амели остановилась только для того, чтобы схватить свой меч. Она почти никогда не расставалась со своим кинжалом, так что он всё ещё висел на её бедре.

Селин первой вылетела в ночь. Она бежала по своему любимому саду из лечебных трав, перепрыгивая высокие стебли лаванды и кошачьей мяты. Амели спешила следом.

Но даже охваченная паникой, бегством спасая свою жизнь, Селин не могла избавиться от ужаса, что волной накатил на неё, когда она осознала, что их лавка, их дом горит сейчас по её вине.

Хуже того, перед её глазами всё ещё стоял длинный меч, крушащий ставни. Её не покидало ужасное предчувствие, что беда ещё не миновала. Она остановилась на мгновение, чтобы убедиться, что Амели не отстала.

— К задним воротам и дальше к деревьям, — сказала Амели так тихо, как смогла, и чтобы Селин услышала её за рёвом пламени. Было понятно, что и она думает, что худшее ещё могло быть впереди.

Селин пронеслась мимо всего, что ей было дорого, прокладывая путь через свои травы. Схватившись за ручку задних ворот, она толкнула их. Слыша рёв пламени за своей спиной, она могла думать только о том, как достичь безопасного места за деревьями и где-нибудь укрыться.

Но она едва вышла за ворота, когда сильная рука схватила её за волосы и сильно дёрнула назад, так, что она спиной прижалась к чьей-то груди. Человек приставил нож к её горлу.

— Амели! — выкрикнула Селин.

Она не могла видеть своего захватчика, но ощущала лопатками его кольчугу. В лунном свете она ясно видела двух мужчин в чёрных табардах, стоявших перед ней. Один из них бросился за ворота, а затем послышался боевой клич Амели и звон стали.

Другой солдат не шевелился. Когда же он обернулся к Селин, её сердце чуть не остановилось. Она увидела выдающийся живот и сальные волосы капитана Коче. Его глаза светились в темноте, когда он медленно переводил взгляд с бёдер Селин к её лицу.

— Не убивай её пока, — сказал он стражнику, державшему её. — Я хочу с ней ещё побеседовать.

Селин похолодела и в туже секунду её затошнило. Сквозь рёв пламени она всё ещё слышала лязг стали, доносившийся из сада. У Амели было преимущество, когда она нападала внезапно, но Селин не знала, как долго она продержится в схватке с обученным солдатом.

Селин проклинала себя. Что за душой она была!

Но потом Коче оторвал на мгновение свой взгляд от Селин и повернул голову на звуки сражения в саду. Возможно, он размышлял, не помочь ли своему человеку быстро покончить с этим.

Громкий удар донёсся до ушей Селин, и она так быстро освободилась, что повалилась вперёд. Жёлто-коричневая вспышка промелькнула мимо неё, и когда Коче развернулся, чтобы посмотреть назад, воин в табарде цвета охры замахнулся дубиной и обрушил её на челюсть капитана.

Коче, застигнутый врасплох, рухнул на землю как мешок с зерном.

Селин оглянулась назад и увидела, что её захватчик в чёрной форме сейчас валялся на земле без сознания. Другой солдат в охровом табарде стоял там же, сжимая дубину. Встревоженный и отдувающийся, он был высок, с коротко остриженными волосами.

Мужчина, сокрушивший Коче, посмотрел в сад, а затем перевёл взгляд на Селин. Его меч всё ещё был в ножнах.

— Где провидица? — спросил он. — Она всё ещё в этой лавке?

Он был мускулистым, с небольшой бородкой и носил волосы, собранные в хвост.

Селин не знала, сможет ли произнести хоть какой-нибудь звук, но все же кое-как

выдавила из себя пару слов.

— Я — провидица.

Он уставился на неё в удивлении, а потом прогремел приказ.

— Павел, на лошадь её! Я за второй.

— Сэр, не убейте никого из людей Дамека, — сказал Павел. — Или расплата будет ужасной.

— Вперёд!

Прежде чем Селин успела поддаться новой волне страха, её ноги оторвались от земли, и она оказалась на плече Павла.

В представлении Яромира, провидица была старухой с хрустальным шаром, а не прекрасной молодой женщиной в красном бархатном платье. Он всё ещё пытался осознать это, вбегая в задние ворота. И едва не вскинул руку, чтобы защитить лицо от жара пылающей аптечной лавки.

А потом его остановило представшее перед ним зрелище.

Девушка с тёмными волосами, которую он видел сегодня днём выходящей из лавки, отчаянно сражалась с одним из людей капитана Коче. Оба противника сильно шатались, и девушка большую часть времени энергично уворачивалась, а не блокировала удары. Скорость её движений была поразительной. В одной руке она держала короткий меч, а в другой был кинжал. Но её противник был значительно крупнее и орудовал длинным мечом, так что она не могла нанести ему порез или удар. Опыт Яромира подсказывал ему, что девушка устала.

Они были так поглощены схваткой, что никто не заметил его.

Он быстро двинулся вперёд, и когда солдат завершил манёвр, вновь упустив девушку, тяжело взмахнул дубиной и обрушил её сзади на голову воина. К несчастью, он не упал сразу, и девушка бросилась на него, вонзив свой кинжал в незащищённое кольчугой место у основания горла. Брызнула кровь.

— Нет, — закричал Яромир с опозданием. — Не делай этого.

Она выдернула свой кинжал, и солдат упал. Вероятно, он оказался мёртв ещё до того, как его тело ударилось о землю.

Охваченная яростью и паникой, девушка дико озиралась.

— Селин!

Её глаза остановились на Яромире, и она бросилась на него, замахнувшись коротким мечом, который он блокировал своей дубиной.

— Прекрати! Я пытаюсь помочь тебе.

Казалось, она даже не слышала его, всё происходило так стремительно, что Яромир не успевал разобраться. Она снова начала атаковать, но он увернулся и выронил дубину. Ухватив её за запястье, он замахнулся и обрушил свой кулак на её челюсть. Послышался хруст, она обмякла в его руках. Яромир глухо проклинал себя.

Он не хотел этого делать.

Хуже того, на грядке с петрушкой лежал убитый солдат в чёрномтабарде.

Но он уже мог слышать голоса деревенских жителей, которые что-то выкрикивали, спеша к аптечной лавке. Наклонившись, он сунул меч и кинжал девушки обратно в ножны. Потом он забросил её на плечо и бросился к воротам.

Оказавшись снаружи, всё, что он услышал позади себя, было ревящее пламя.

Селин была так ошеломлена, что даже не чувствовала холода. Она сидела на лошади впереди солдата по имени Павел. Он крепко придерживал её одной рукой, а в другой держал поводья, пробираясь через влажный лес.

Она слышала, как в темноте позади них скачет другая лошадь, но всё ещё не видела Амели и понятия не имела, что происходит. Она знала только то, что навлекла на них угрозу смерти... и их дом был разрушен.

Скорее инстинктивно, а не в надежде спастись, она несколько раз сопротивлялась руке Павла, но он не обратил на это никакого внимания и продолжил погонять свою лошадь.

— Хорошо, — раздался низкий голос позади них. — Уже достаточно далеко.

Павел натянул поводья и повернул лошадь, глядя назад.

— Вы уверены, сэр?

— Да, остановимся на пару минут.

Селин захотелось плакать от облегчения, когда она повернулась.

Солдат с бородкой держал впереди себя на лошади Амели. Она была без сознания, но дышала, и на ней не было заметно никаких следов крови. Потом Селин увидела, что её руки были связаны небольшой верёвкой, и её глаза метнулись к лицу солдата.

— Я сделал это из предосторожности, — сухо сказал он. — Остаток ночи вам двоим предстоит вести себя так, как я скажу, и делать то, что я велю.

Всё ещё ошеломлённая, Селин уставилась на него. Она не знала, кто он и что ему нужно. Знала только то, что руки Амели были связаны, а её саму удерживали против воли на лошади незнакомца... а ещё их дом был сожжён.

Выражение лица солдата смягчилось, он почти сострадал.

— Меня зовут лейтенант Яромир, — сказал он, — и я клянусь, что попытаюсь вам помочь.

Обретя голос, Селин смогла ответить ему.

— Почему вы помогаете нам?

— Потому что мой господин приказал.

— И кто же ваш господин? — спросила она, ещё больше смутившись.

— Княжич Антон из дома Пэленов, младший брат Дамека.

Глава 3

Где-то посреди ночи оцепенение Селин прошло, и ледяной ночной воздух стал пробирать её сквозь тонкое платье.

Она спохватилась, что у неё не осталось ничего, кроме платья на ней. Не было даже плаща.

Павел, должно быть, почувствовал, что её пробирает дрожь, потому как остановил свою лошадь и завернул их обоих в свой.

— Придерживай, чтоб не распахивался, — сказал он.

По какой-то причине этот небольшой акт доброты тронул её и, чувствуя себя в тепле и безопасности, спустя пару мгновений она позволила себе откинуться на него и закрыть глаза.

Лошади медленно двигались по влажным лесам.

Следующее, что она помнила, это звук голоса Яромира.

— Что ж, уже достаточно светло. Буди её.

Она резко открыла глаза и поняла, что уже наступил рассвет следующего дня. Её первая мысль была об Амели, и она быстро бросила взгляд на свою сестру: бодрствующую, с синим

синяком на челюсти, и все еще сидевшую перед Яромиром со связанными руками.

В глазах Амели мелькали раскаты грома, и Селин начала опасаться, что она может сделать с Яромиром, когда ее руки станут свободны. Селин попыталась незаметно покачать головой, надеясь, что Амели поймет. Хотя ничего не было известно, но двое этих мужчин, по крайней мере, всю ночь вели себя как их защитники.

Но затем взгляд Селин скользнул выше Амели, и она чуть не задохнулась.

— Где мы?

Павел ответил ей на ухо:

— Дома. В замке Сеон.

Вид был впечатляющим. Ров размером с реку окружал огромный холм, походивший на маленькую гору. Недалеко от того места, где сидела Селин, она могла увидеть закрытые ворота из решетки в конце поднимающегося через ров моста. Стены с многочисленными оконцами тянулись с обеих сторон ворот на всем пути вокруг площади у подножия холма.

Она увидела, что по другую сторону ворот идет дорога, ведущая вверх через половину холма к еще одной воротной решетке, установленной в каменной стене, которая опоясывала верхнюю часть холма. На вершине стоял замок.

Это место было бы трудно захватить.

Скрип достиг ее ушей.

— Они поднимают решетку. Нам нужно идти, — объявил Яромир.

— Туда? — с тревогой спросила Селин. Это место секунду назад показалось ей неприступным; как она с Амели, оказавшись внутри, смогут выбраться?

Без предупреждения Амели резко откинула голову назад и затылком ударила Яромира по подбородку, заставив его хрюкнуть от боли. Она взмахнула одной ногой над седлом и попыталась спрыгнуть, но он проворно перехватил ее и дернул к себе.

— Прекрати! — приказал он, более раздраженно, чем зло. Ее руки были связаны, но она могла проявлять немалые усилия в борьбе. Его подбородок кровоточил. — Мой господин просто хочет поговорить с вами. Он только хочет знать, что замышляет его брат. Потом вы будете свободны, — Яромир помолчал. — Если у вас есть, куда пойти.

Амели перестала сопротивляться, но ее лицо осталось темным от ярости.

— Отлично, — Яромир спрыгнул с лошади и посмотрел на нее. — Я собираюсь освободить твои руки, чтобы мы не смотрелись так, будто идем с заключенными, но вам все равно нужно продолжать делать то, что я говорю.

Взяв из-за пояса нож, он посмотрел на нее.

— Попытаешься снова ударить меня или же отобрать кинжал, пожалеешь об этом.

— Она не станет, — быстро вмешалась Селин. — Амели, скажи ему.

Возможно, Яромир говорил правду. Возможно, этот княжич Антон просто хотел узнать, что там с предстоящей свадьбой брата, и отпустит их, когда они расскажут все, что знают. Селин лишь надеялась, что у Антона не слишком много общего со своим братом. Его люди, во всяком случае, не были похожи на людей Дамека.

Амели посмотрела на нее, а затем протянула мужчине обе руки. Яромир перерезал верёвки, но, казалось, был готов ко всему, настороженно наблюдая за ней.

— Амели! — снова призвала Селин. — Мы просто поговорим с их княжичем. Затем мы пойдем... — она замолчала, и ярость в глазах Амели потухла. Куда они пойдут?

Павел спрыгнул с лошади и мягко приземлился на землю.

Перед тем, как Селин осознала, что происходит, он повел свою лошадь через мост к

первым воротам следом за Яромиром. Двое солдат в жёлто-коричневом, стоящих внутри открытых ворот, вытянулись по струнке при виде Яромира.

— Сэр, — сказали они вежливо, почти благоговейно.

Яромир кивнул и повел Амели дальше через ворота в туннель. Селин начала подозревать, что Яромир был выше по званию, чем простой лейтенант в страже княжича. Но она не успела удивиться, как все они направились вверх по дороге в сторону второй проходной.

Когда они дошли до нее, охранники и там отнеслись к Яромиру с таким же почтительным уважением, и Селин обнаружила, что проезжает через вторые ворота к внутренней части высокой каменной стены...

Там даже Амели удивленно огляделась.

Они вошли в то, что казалось процветающим городом, построенным вокруг замка. Люди, животные и всевозможные дома простирались так далеко, насколько Селин могла видеть. Кузница и кожевенная мастерская стояли чуть впереди. Сапожники, ткачи, производители свечей, пекари и мясники продавали свой товар. Но более того, Селин увидела огромное, сразу выделяющееся скопление домов слева. И люди вокруг выглядели сытыми.

— Все они живут здесь, во внутренней части стены? — потрясённо спросила Амели, вцепившись в гриву коня. Это было первое, что она сказала с прошлой ночи, и Яромир оглянулся на нее.

— Конечно. Здесь безопаснее — за стеной.

Это казалось ему само собой разумеющимся, но для Селин всё было не так. Под княжичем Дамеком жили совсем по-другому. Из того, что она знала, в его замке жили только его солдаты, любовницы, слуги и ряд мелких дворян, ищущих его благосклонности.

А замок Сеон больше походил на шумный город.

Яромир продолжал двигаться вперед и вверх, не оглядываясь на людей, лавки и жилища, пока они не достигли другого моста, который был короче и вел через ров к огромным деревянным воротам. Он не охранялся, но Селин отметила систему шкивов на другой стороне, которая позволила бы поднять мост, тем самым отрезав доступ к замку.

— Вот мы и пришли, — объявил Яромир, останавливаясь в начале моста и протягивая руку Амели. — Слезай.

Она проигнорировала его и спешила сама. Селин восхитилась ее духом, но когда Павел подошёл, чтобы помочь спешиться ей, Селин позволила ему, а затем схватилась за стремя, чтобы не упасть, когда ее ноги угрожающе подкосились. Она никогда в жизни не проводила целую ночь на спине лошади. Всё явно будет болеть ещё нескольких дней.

— Ты в порядке? — нахмурившись, спросил ее Яромир.

— В порядке, — ответила она, пытаясь выпрямиться и как можно скорее подойти к Амели.

Они пересекли мост и вошли в обнесенный стеной внутренний двор. Яромир и Павел вели своих лошадей, но из ниоткуда появился мальчик и принял у них поводья.

— Будь щедр с зерном, — сказал ему Яромир. — Они были в пути всю ночь.

— Да, сэр, — ответил мальчик, уводя лошадей.

Яромир и Павел направились через двор, не оставляя Селин с Амели другого выбора кроме как последовать за ними. Они двинулись через большой вход внутрь самого замка, вниз по каменному проходу и вышли в то, что, казалось, было большой столовой. Огромный

очаг располагался в стене напротив арочного входа. Слуги и несколько солдат в жёлто-коричневых табардах толпились вокруг, но все обратили внимание на Яромира, когда тот вошел. Зал оживляли собаки: спаниели, ищейки и волкодавы. Волкодав с небольшим белым пятном на морде лежал у огня, но вдруг вскочил на лапы и кинулся к Яромиру.

— Лиззи, — произнес он, когда собака к нему, — ты слишком стара, чтобы так бегать.

Он погладил ее по морде, пока она продолжала выражать свою радость по поводу его возвращения, облизывая его руки.

Затем Яромир взглянул на слугу, несущего поднос, и приказал:

— Иди и скажи моему господину, что я вернулся, и что я привел провидец.

Слуга поставил поднос и поспешил удалиться.

Селин не могла не задаться вопросом, каково это — просто отдавать приказы, и каждый будет их выполнять... она не думала, что ей бы это особенно понравилось.

Продолжая гладить собаку, Яромир повернулся к Павлу.

— Ты свободен. Иди найди себе что-нибудь поесть.

Когда Павел удалился, Яромир подошел к столу и налил два бокала вина, волкодав хвостом следовала за ним. Вернувшись с бокалами обратно, он протянул один Амели.

— Вот.

Девушка не шевельнулась.

— О, просто возьми! Ты не ела всю ночь. Я устрою завтрак, как только смогу.

Селин протянула руку и приняла у Яромира второй бокал. Ей не нравилось зависеть от него, но казалось, что он все больше и больше контролирует ситуацию, и в ней выиграл инстинкт самосохранения.

— Спасибо, — поблагодарила она.

Он не ответил и только, вскинув бровь, посмотрел на Амели. Та наконец потянула руку и взяла бокал.

— Спасибо, — прорычала она, тоном едва ли выказывая благодарность.

К удивлению Селин, Яромир засмеялся, как будто нашел Амели забавной. Это был не самый мудрый шаг.

Но прежде чем Амели успела сделать какую-нибудь глупость — к примеру, плеснуть лейтенанту вином в лицо, — люди вокруг них начали кланяться. Селин обернулась и увидела молодого человека в бордовой тунике, идущего прямо через зал.

— Мой господин, — произнёс Яромир, слегка поклонившись.

Селин застыла, когда молодой человек встретился с ней взглядом. Она узнала его и видела, что он так же вспомнил ее, хотя его глаза поблескивали, будто он был несколько ошеломлен. Он не видел ее с пятнадцати лет, но Селин не особо изменилась. Он тоже. Он был все еще бледен, с каштановыми волосами, заправленными за уши, но теперь у него под глазами темнели круги. Без них он был бы очень красив.

Он был ее первым посетителем пять лет назад. Он попросил ее помочь решить, должен ли он жениться на девушке, которую любил, по имени Джозелин или же на богатой девушке по имени...

Рианнон.

Селин с трудом справилась с эмоциями, когда прошлое и настоящее столкнулись. Дамек и Антон были братьями. Отец Рианнон сначала пытался выдать ее замуж за Антона, но тот отказался жениться на несчастной девушке. Каким же ударом это должно было оказаться для Рианнон... Спустя пять лет ее отец снова попытался выдать её замуж — за

Дамека, и теперь уже Рианнон отказывалась от брака. Неудивительно, что она так беспокоилась о том, как отреагирует отец.

Яромир быстро подошел к князю Антону, наклонился и зашептал ему на ухо. Темные глаза Антона расширились, когда он взглянул на сестер.

— Сгорела? — спросил он.

Яромир продолжил говорить, и Селин начала нервничать. Что он докладывает ему?

— Что думаешь обо всем этом? — прошептала Амели.

— Я не уверена. Но думаю, нам нужно играть вместе, — у неё перехватило дыхание. —

Прости за лавку.

— Почему ты извиняешься? Не ты же её сжигала.

Но Селин слышала холодный гнев в голосе сестры. Оставалось лишь надеяться, что Амели сможет сдержать себя в руках еще немного. Амели не могла сердиться на Селин, но она явно злилась и чувствовала себя в ловушке.

Княжич Антон отвернулся от Яромира и посмотрел на Селин.

— Туда, — сказал он, указывая на небольшую боковую камеру. — Я хочу поговорить с тобой наедине.

Тон его был надменным, как будто он не ожидал ничего, кроме повиновения.

— Нет! — категорично отрезала Амели.

— Все в порядке, — успокоила её Селин. — Правда, в порядке.

Прежде чем Амели смогла возразить, Селин вошла в боковую комнату и поняла, что даже не нервничает, когда Антон вошел вслед за ней и закрыл дверь.

Может, он и княжич, но по какой-то причине, после того, что произошло сегодня ночью, она не боялась его.

— Почему мой брат пытался убить тебя? — спросил он.

Это был не первый вопрос, который она ожидала, и Селин помедлила, осматривая обстановку. Комната была очень маленькая, с одним столом, двумя стульями и без окон. Несколько свечей горели на столе.

Антон смотрел на ее красное платье.

— Почему? — повторил он. — Яромир сказал, что ты говорила с леди Рианнон. Что ты ей сказала? И почему в то утро к вам приезжали мадам Зелинка и капитан Коче?

Значит, часть истории он уже знал. Она задалась вопросом, насколько большую часть.

Вздыхнув, Селин поняла, что ничего добьется недомолвками.

— Мадам Зелинка заплатила мне три серебряные монеты, чтобы я, прочитав будущее леди Рианнон, сказала ей, что она будет счастлива в браке с вашим братом. Я согласилась. Я боялась, что может случиться со мной и моей сестрой, если я этого не сделаю.

Он озадаченно покачал головой.

— Но я обнаружила, что не могу сдержать свое слово... после того, как увидела ее будущее.

— Что ты видела?

— Как он ложно обвиняет ее в прелюбодеянии, а затем душит. Я не могла посоветовать ей выйти за него.

Антон вздрогнул и опустился на стул.

— Бедная Рианнон, — тихо проговорил он. — Ее отец не поймет.

На самом деле, это было не совсем то, чего Селин ожидала от брата Дамека. Антон казался почти мягкосердечным. Но он ни секунды не сомневался, что его брат способен на

убийство.

Затем его глаза в гневе сузились.

— Ты говоришь мне правду? Ты действительно провидица?

Селин ступала на зыбкую почву. В их первый разговор она не знала, что он княжич великого дома. Если он когда-либо заподозрит, что она притворяется...

— Да, — ответила она, горделиво выпрямляясь. — Как моя мать до меня.

Гнев в его глазах исчез, сменяясь чем-то, похожим на боль.

— Но ты сказала мне жениться на Джозелин. Ты сказала, что я буду счастлив.

Селин пришлось призвать на помощь все свои навыки. Что-то ужасное произошло в его жизни, что-то, связанное с Джозелин, но когда он произносил ее имя, только боль и печаль звучали в его голосе — не гнев. Это показывало, что Джозелин не сделала его несчастным, не сбежала с одним из стражей замка.

Он был в трауре.

Джозелин была мертва. Селин могла поставить на это свою жизнь.

— А вы не были счастливы? — бросила она вызов, выпрямляясь ещё сильнее.

Все внутри Антона рухнуло, он отвернулся.

— Да, — ответил он после долгого молчания. — Я был счастлив.

Внезапно он встал и снова повернулся к ней. Печаль бесследно исчезла, он снова был надменным княжичем. Без лишних слов он повернулся и шагнул к двери, толчком распахнул ее и вышел.

Селин в недоумении последовала за ним. Всего в нескольких шагах от большого зала он остановился и кинул через плечо, даже не взглянув на нее.

— Ты свободна.

«Ну и куда нам идти?» — с отчаянием подумала она, глядя через зал на Амели.

Но когда Антон снова направился к выходу, Яромир шагнул вперед и остановил его.

— Мой господин, у меня есть мысль.

Он наклонился и начал что-то тихо говорить на ухо княжичу. Сначала Антон хмурился, но потом начал серьезно слушать и, наконец, повернулся, чтобы взглянуть на Селин.

— Очень хорошо, — медленно произнёс он. — Но тебе нужно будет показать им все. — Он сделал паузу, будто слова, произнесенные ему на ухо, ещё звучали в его голове. — Сначала покажи им лавку, а затем подготовь для них комнату в замке.

И ушел.

Какая ещё лавка?

Яромир улыбнулся Амели, а Селин почувствовала, будто внутри всё упало. Он хотел от них чего-то большего.

Амели держалась поближе к Селин, пока они следовали за Яромиром обратно через оживленный город, и почти не могла поверить, насколько изменилась ее жизнь менее чем за сутки. Их дома теперь не существовало, а, поскольку она провела полночи без сознания, она понятия не имела, где они находятся и как далеко от Шетаны уехали.

После попытки Дамека убить их — особенно, учитывая, что ее нож остался в горле у одного из его солдат — они не могли вернуться домой, даже если кто-то там собирался принять их. Хуже того, этот ублюдок Яромир продолжал улыбаться ей, как будто рано или поздно она найдет его очаровательным. Ей очень хотелось провести кинжалом по его горлу. Просто подумав о том, как легко он сбил ее с ног, а затем схватил за руку, она холодела

внутри. Если бы он не был таким сильным, сегодня утром она бы сбежала от него за пределы рва.

Но... после того как она оказалась внутри стен, ее мнение о ситуации изменилось. Коровы, козы и куры добавляли шуму людям, занимающимся торговлей, все казались тепло одетыми и сытыми. Это было нечто невиданное по сравнению с их серой деревней, и не было похоже на большой город, который она видела во время своего однодневного визита в Энемуск — там существовал резкий контраст между богатыми и голодающими.

Она никогда не видела ничего, похожего на это место.

Никто не боялся солдат, и многие люди либо кивали, либо приветствовали Яромира, как будто он им нравился.

Лейтенант остановился перед прочным деревянным домом в один этаж, покрашенный в насыщенный коричневый, с желтыми расписными ставнями.

— Вот она, — объявил он.

Амели едва взглянула на дом, не понимая, на что он указывает, но Яромир открыл дверь и вошел внутрь.

— Проходите.

Оказавшись внутри, Селин резко втянула воздух, и Амели мгновенно поняла, почему. Они стояли в передней комнате лавки. Там был прочный прилавок на полдлины комнаты, в стены были встроены полки с глиняными горшками и банками. На пыльном столе громоздились пестик со ступкой, медные весы, маленькие деревянные миски и открытая коробка с трупом и кремнем. Большой гостеприимный очаг находился в центре южной стены.

— Сюда, — Яромир повел их за стойку и дальше через несколько распахнутых дверей в кладовку.

— Там есть большая спальня, — он указал на закрытую дверь, — но самое лучшее здесь. Яромир открыл задний вход в лавку и придержал дверь, пока Селин не выглянула на улицу.

Она сделала еще один резкий вдох, и Амели поверх плеча сестры посмотрела на остатки того, что когда-то было цветущим садом травника.

Разделенные на восемь больших грядок, травы теперь либо заросли сорняками, либо без ухода погибли: тмин, фенхель, мята, любисток, шалфей, рута, чабер, наперстянка, душица, розмарин, лилии и розы... Амели потеряла им счет. Хилые красные маки выстроились у забора, а один угол украшала яблоня.

Селин переступила порог и опустилась на колени в то, что осталось от грядки с наперстянкой.

— Многие из растений еще живы, — произнесла она. — Это можно вернуть в прежнее состояние.

Селин всегда любила травы. Ей нравилось целительство. Но это было жестоко — позволять Селин сидеть так в чужом саду, когда ее собственный был потерян.

— Зачем ты привел нас сюда? — требовательно спросила Амели у Яромира. — Почему показал ей это?

— Потому что владелец мертв, — ответил он. Яромир стоял так близко, что она могла разглядеть отдельные волоски на его козлиной бороде. Амели отошла назад. — Он умер прошлым летом, и с тех пор у нас не было аптекаря. Собственность вернулась к княжичу, но место стояло пустым.

Глаза Селин погрузнели.

— Лейтенант, надеюсь, ты не думаешь, что мы можем купить это место у вашего княжича? У нас особо-то нет накоплений, — она вздохнула. — В настоящее время это платье — все, чем я владею.

Он покачал головой.

— Нет, я хорошо знаю, что вы потеряли всё вчера вечером. Но княжич дал мне разрешение предложить эту лавку вам, если вы сможете решить нашу проблему.

Амели обошла его.

— Предложить нам... ты имеешь в виду возможность жить здесь, как его люди?

Селин поднялась на ноги, не менее потрясенная.

Здесьнее сообщество процветало, у людей были товары для продажи и деньги, которые можно тратить... и дочери, которые могли умолять Селину прочесть их будущее, дочери с монетами в кошельках.

Лавка была идеальна, намного лучше их старого дома. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но ничего подобного не может даваться легко.

Амели скрестила руки на груди поверх своей холщёвой куртки.

— Он хочет, чтобы мы решили проблему? Какую?

Селин с пристальным вниманием прислушивалась, но на этот раз Яромир не выглядел забавляющимся. Он стал смертельно серьезен.

— Я не могу просто сказать вам. Я должен показать, — он выдержал паузу. — И предупреждаю, зрелище не слишком приятное.

Звучало не очень хорошо.

Но Селин оглядела большой заброшенный сад и красиво покрашенный фасад аптеки.

— Покажи мне.

Селин стояла среди бесчисленных бочек эля в холодильной камере под кладовой замка, глядя в то, что когда-то было лицом девочки-подростка.

— Я предупреждал, — заметил Яромир.

Тело девочки лежало на столе рядом с двумя другими в том же состоянии. Все трое были высушены, сморщены, одни кожа и кости. Две были одеты в прекрасные платья, но третья носила простое домотканое. Их длинные волосы разметались вокруг их голов. Будучи целителем в деревне, такой как Шетана, Селин повидала мертвых тел, но она никогда не видела ничего подобного.

— Это была чума? — шепотом спросила Амели рядом.

— Нет, — ответила Селин, и какое-то оцепеневшее чувство, оставшееся с ночи, вернулось и заставило ее руки дрожать. Ей нужно было время, чтобы оправиться от ужаса и потерь, которые она испытала, но жизнь продолжала терзать ее. Лежа там в веере своих волос, мертвые девушки выглядели такими хрупкими, такими ломкими.

— Как это произошло? — спросила она Яромира.

Он тоже просто смотрел на тела, и Селин подумала, что даже для него, закаленного солдата, это зрелище было тяжелым.

— Всего было четверо... я имею в виду, с первого случая. Однажды исчезла девушка, отец нашел ее в конюшне, спрятанной под сеном. Он послал мне сообщение, потому как боялся чумы и думал, что я должен знать. Мы сожгли тело. Прошло несколько дней, и никто больше не заболел... но я всё задавался вопросом, что же может сотворить такое с девушкой

ее возраста? Ей было всего шестнадцать.

Он выглядел настолько расстроенным и потерянным, что, несмотря на обстоятельства, Селин задалась вопросом: каково это — жить в обществе, где люди могут безбоязненно сообщить о смерти солдатам, и кто-то вроде Яромира возьмет на себя ответственность и позаботится о них.

— Но потом это случилось снова, примерно через неделю, только на этот раз жертва была найдена в собственной постели, — он указал на девушку в домотканом платье. — Она поцеловала родителей на ночь и легла спать, а на следующее утро ее нашли такой. Тогда я сообщил о смерти двух девушек моему господину, и он приказал мне сохранить тело. У нас в замке есть королевский врач, мастер Федор, и княжич Антон попросил его осмотреть тело, но он сумел рассказать не больше меня. Бедная девочка стала просто высушенной оболочкой.

Селин уставилась на тело и покачала головой.

— Это случилось еще дважды?

— Опять же, примерно через неделю. И только ночью. Они просто ложились спать, а на следующее утро кто-то находил их такими. Только эти две были из... более богатых семей — дочери купцов, но всем им было шестнадцать или семнадцать лет, и говорили, что они были необыкновенно красивы. Мне удалось замять это на некоторое время, но слухи начинают распространяться.

Затем его тон изменился, он снова казался солдатом.

— Княжич Дамек известен своей склонностью к жестокой силе. Как это ни печально, его отец, князь Ливен, уважает это. Антон слывет хорошим лидером, который заботится о своих людях. Его отец тоже это уважает, но я не знаю, какое качество окажет на него большее влияние. Я знаю только, что если Антон потеряет свое положение лидера, способного защитить свой народ, это может уничтожить его шансы стать наследником.

Селин вновь покачала головой.

— Что именно ты хочешь, чтобы я сделала?

— Используй свои силы. Я могу составить список девушек приблизительно этого возраста, которые считаются красивыми, а ты можешь прочесть их будущее. Если ты прикоснёшься к следующей жертве и увидишь, кто или что ее убьет, то расскажешь мне. Я не могу бороться с тем, чего не вижу, зато можешь ты.

— Прочитать их будущее? — спросила Селин. — Но разве это не вызовет ещё больше слухов?

Он замешкался.

— У меня есть несколько идей, как мы можем сделать это похожим на игру... развлечение, обеспеченное княжичем.

— Игру? — переспросила Амели, взглянув на Селин. — Это может сработать.

— Вы можете это сделать, так? — допытывался Яромир у Селин, не обращая внимания на ее сомнения. — Я имею в виду, я знаю, что княжич Антон считает, что ты настоящая провидица, но у него доверчивое сердце.

Она снова посмотрела на три мертвых тела, но Яромир не закончил.

— Это сделка. Если вы решите это для нас, поможете мне положить этому конец, лавка ваша безоговорочно. Вы можете жить здесь и вести дела под защитой Антона столько, сколько захотите.

— А если я провалюсь?

— Тогда ты не провидица и не нужна нам здесь. Вы пойдёте своим путем.

Селин закрыла глаза и внутренним взором увидела красивую аптеку с желтыми ставнями и садом трав. Она представила себе жизнь в мире, где солдаты действительно защищали людей, а княжич заботился об их благополучии. Она вспомнила вспышку уродливой реальности, которая ударила ее, когда она читала будущее Рианнон. Это повторится? Она унаследовала дар матери? А если это не повторится, то как она узнает, кто или что убивает здесь молодых девушек?

Она только знала, что не собирается упускать этот шанс, и если придётся, будет искать причину без помощи видений, сама... опираясь на свою способность читать людей и видеть секреты под их лицами.

— Сможешь? — спросила Амели, и Селин увидела, что ее сестра хочет остаться так же сильно, как и она.

Селин прямо посмотрела в глаза Яромира.

— Да, — сказала она. — Я могу это сделать.

Глава 4

Селин поспешила вверх по лестнице за Яромиром, Амели шла следом. Казалось, что стоило им заключить сделку, как он уже спешил заняться другими делами.

Выведя их из погребов, где хранились тела, на главный ярус замка, он прошёл большой зал и привёл их к лестничной площадке внутри северной башни. Поднявшись на три пролета, он ступил на следующую площадку и быстро зашагал по холодному каменному коридору, попутно совершив несколько поворотов, пока Селин окончательно не заблудилась. Это путешествие заставило её осознать, как мало она ещё видела.

— Лейтенант, — сказала она, запыхавшись и стараясь не слишком отставать. — Не могли бы вы сбавить темп?

Он остановился.

— О, простите.

Но он всё ещё казался рассеянным. Возможно, он хотел доложить княжичу Антону о заключённом соглашении.

— Вот, — сказал он, указывая на дверь. — Это пустая комната для гостей. Я пришлю кого-нибудь, чтобы её приготовили для вас немедленно. Заходите.

— Спасибо, — ответила Селин, не зная, что ещё сказать.

Не дожидаясь, пока они зайдут внутрь, он прошёл мимо них и направился обратно тем же путём, что и пришёл.

Амели оглядела Селин, подняв свои тонкие чёрные брови.

— Что ж, по крайней мере, он ушёл.

Не зная, хорошо это или плохо, Селин подошла к двери и открыла её. Комнату едва ли можно было назвать «пустой», но она совершенно точно никем не была занята. Селин вошла внутрь.

Амели последовала за ней, громко выдохнув.

— Это для нас? Он, должно быть, ошибся.

— Не думаю, что он часто ошибается.

Кровать из красного дерева с балдахином стояла посреди комнаты, застланная стёганым одеялом солнечно-жёлтого цвета. Внутренние ставни у высокого окна были открыты, позволяя неясному свету просачиваться в комнату. Селин подошла к окну и посмотрела вниз, понимая, что они находятся во внутренней стороне башни, ибо у них из окна

открывался вид на внутренний двор.

Она повернулась, чтобы оглядеть остальную часть комнаты.

Зеркало в полный рост в оловянной раме стояло в одном углу, в другом был платяной шкаф из красного дерева. Изящные стулья, обтянутые узорчатой шёлковой тканью, стояли перед туалетным столиком, который мог похвастать серебряными щётками и фарфоровым умывальником. Трёхпанельная ширма предоставляла необходимое уединение, на случай если потребуется сменить одежду. А лучше всего оказалось то, что в комнате был свой небольшой очаг.

Селин никогда не видела таких комнат, тем более ей не доводилось в них спать.

Она подошла к туалетному столику и заметила миниатюрный портрет прекрасной женщины с каштановыми волосами, прислонённый к зеркалу. Из-за этого портрета казалось, что у комнаты уже есть хозяин, поэтому Селин убрала его в выдвижной ящик. Она коснулась одной из серебряных щёток, мечтая обрести хоть несколько минут покоя, и, решив, что после длинной череды событий прошлой ночи не сможет справиться с ещё одним даже незначительным происшествием или встречей. И теперь...четыре смерти ждали от неё своей разгадки. Но она была такой уставшей, опечаленной и голодной. Селин была уверена, что Амели чувствует себя не лучше.

— Может, нам стоит отдохнуть? — сказала Амели, словно прочитав её мысли.

В любом случае, больше им нечем было заняться. Даже если они захотят отправиться на поиски еды, Селин сомневалась, что они смогут найти дорогу к большому залу. Единственное, что она прочно запомнила во время их стремительного путешествия сюда, была спина Яромира.

— Хорошо, — сказала она, — но мне придётся спать в моей одежде. Больше у меня ничего нет...

Дверь без стука распахнулась, и в комнату вошла коренастая сутулая старушка, неся удивительно большой груз из сложенных одеял и полотенец, деревянный поднос с едой, и сверху вдобавок высился фарфоровый кувшин.

— А, вы уж здесь, — объявила она. — Его величество господин лейтенант сказал мне, что вы уже в комнате, но говорить с мужчинами — пустое дело. Половину времени они сами не знают, что болтают.

Непочтительное обращение к Яромиру заставил Амели с некоторым интересом обернуться и посмотреть на женщину. Селин последовала её примеру, а стареющее существо продолжало бесноваться.

— Я вижу, что вам нужны одеяла, но я не вижу здесь ванны. Так на что, спрашивается, вам нужны купальные полотенца? Мужчины! Никогда не знаешь, что у них на уме. Теперь вы обе, подойдите сюда и возьмите хлеба с сыром. Он сказал, что вы и не ели даже. Но теперь здесь Хельга, и она вас накормит.

Она выглядела не моложе семидесяти лет, её густые седые волосы были собраны в узел, который выглядывал из-под зелёной косынки. Её морщинистое лицо было смуглым, а одета она была в выцветшее домотканое платье, которое когда-то было пурпурным.

Ещё одной тайной, требующей разгадки, для Селин стало выяснение, кто есть кто в этом замке. Начать с того, что Яромир носил чин лейтенанта, а не капитана, но почему же тогда он занимал второе место по полномочиям после князя? И эта пожилая женщина... Хельга. Она казалась скромной прислугой, но назвала Яромира «его величеством» с изрядной долей сарказма, что нельзя было не заметить.

Кем она была?

— Не стойте там, мои девочки, — продолжала Хельга. — Подойдите и поешьте.

Она положила одеяла и полотенца на кровать и отнесла поднос к туалетному столику. Подхватив щедрый ломоть мягкого жёлтого сыра, и поместив его на кусок белого хлеба, она протянула угощение Амели.

Селин ела белый хлеб всего несколько раз в жизни, поскольку это лакомство могли позволить себе только богатые.

— Я... — попыталась сказать она в замешательстве, — я...

Амели тоже засомневалась, но потом потянулась и взяла предложенную пищу.

— Две провидицы, — бормотала Хельга, готовя очередной бутерброд. — Хорошо, хорошо, это то, что нужно замку в данный момент. Из рода Фоу, — кивнула она в одобрении. — С какой разницей вы родились?

У Селин отвисла челюсть. Что она имела в виду под «двумя провидицами» и как она узнала их фамилию? Об этом знал Антон, он мог сказать об этом Яромиру. А тот, должно быть, рассказал женщине.

— Три года, — ответила Амели, откусывая сыр.

В этот момент во всё ещё распахнутую дверь постучали один раз, и все три женщины обернулись.

Ещё одна женщина стояла в дверном проёме, и что-то в ней заставило Селин напрячься.

Она была молода, около восемнадцати, стройная, как тростинка, и стояла так неподвижно, будто хотела оказаться где угодно, но не пороге этой комнаты. Первое слово, которое пришло на ум Селин, чтобы описать эту девушку, было «бесцветная».

Её волосы были такого серовато-русого оттенка, будто вода в канаве, и глаза имели такой же цвет. Она носила простое серое платье с высоким воротом, сделанное из хорошей шерсти. В ушах у неё были маленькие золотые кольца. И снова Селин не могла понять, кто перед ней. Вряд ли девушка была придворной дамой, но и слуги обычно не расхаживали с золотыми серьгами. Хотя черты её лица были тонкими, и их даже можно было назвать привлекательными, само оно было измученным и выражало обеспокоенность или тревогу. Когда она посмотрела на Селин, глаза её вспыхнули неприкрытой злобой, возможно даже ненавистью.

Селин опустила взгляд, чтобы увидеть, что в руках у неё были два шёлковых платья: одно было насыщенного янтарного цвета, а другое тёмно-синее.

— Это Инна, — объявила Хельга, указывая одной рукой на девушку, будто это могло помочь Селин и Амели лучше понять, где она находится.

Инна, казалось, не решалась войти в комнату, и Селин оглянулась на Амели, которая отложила свой хлеб и сыр и настороженно наблюдала за этой новой фигурой в дверях.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она у Хельги. — Возвращайся на кухню.

— Горничных сегодня не хватает, — проворчала Хельга. — Его величество господин лейтенант отправил меня помочь.

— Не называй его так! — приказала Инна. Затем неприязнь на её лице сменилась отвращением. — Что ж, вполне ожидаемо. Цыгане прислуживают цыганам.

Селин почти было открыла рот, изо всех сил стараясь оставаться спокойной. Чем они заслужили презрение этой молодой девушки?

— Чем мы можем вам помочь? — спросила она.

Услышав голос Селин, Инна переключила своё внимание на них.

— Князь Антон, — начала она, сделав глубокий вдох, будто ей было трудно говорить с Селин, — пригласил ряд лучших семейств на банкет и развлечения этим вечером в большом зале. Вы и ваша сестра должны там присутствовать.

Она бесцеремонно вошла и кинула оба платья на кровать.

— Леди Карина была настолько любезна, что отправила вам пристойные наряды для вечера.

Хотя намёк на то, что их одежда не подобает случаю, ещё больше оскорбил Селин, она не удержалась от вопроса.

— Леди Карина?

Но ответила ей Хельга.

— Тётка княжича. — И закивала себе. — Да, да, его тётушка.

— Я не ношу платья, — ровно сказала Амели, глядя на Инну. — И с нашей одеждой всё в порядке.

Однако пока она говорила, Селин покраснела от смущения. Её красное бархатное платье когда-то принадлежало её матери. Тем не менее, цвет его сохранился довольно хорошо спустя множество стирок, швы были носкими, а ткань тонкой. Хотя до сих пор она видела немного женщин в замке, никто здесь не носил платье такого яркого алого цвета или настолько хорошо облегающее тело.

Инна сначала холодно уставилась на Амели, а потом на Селин, оглядев их сверху вниз.

— Что ж, если вы хотите украсить стол княжича Антона, одетые как бандитка и шлюха, это не моё дело. Мне велели принести вам платья и пригласить вас в большой зал к закату.

При слове «шлюха» Амели сжала кулак и выступила вперёд, но Селин схватила её за руку. Инна, казалось, ничего из этого не заметила. Она развернулась и вышла из комнаты.

— Кто это был? — спросила Селин, слегка потрясенная этой дамой.

— Это была Инна, — повторила Хельга, всё ещё кивая. Затем она цокнула языком. — Я собаку съела на цыганах. Несведущая, грубая девица. Мондьялитко могли бы научить её кое-чему.

Селин обернулась к туалетному столику.

— Кто такие мондьялитко?

Хельга моргнула.

— Вы.

— Мы?

Бедная старуха была совсем чокнутой.

— Имя вашей матери — Фоу, не так ли? — спросила Хельга. — И ваш отец взял её имя, когда они поженились?

Она повесила оба платья в платяной шкаф, и снова начала говорить сама с собой.

— Две? Обе от одной матери? Рождённые с разницей в три года? Число три — магическое число, две стороны одной монеты, разум и тело, будущее и прошлое. Да, да. Хорошо, что они появились сейчас.

Селин посмотрела на Амели, которая покачала головой, будто удерживая её от дальнейших разговоров.

— Всё сделано, — объявила Хельга, оглядываясь с некоторым удовлетворением. — Вы обе наелись, и если вам снова потребуется Хельга, просто потяните за этот шнурок, и я тут же приду. Не хочу получить выговор от его величества господина лейтенанта. Совсем не хочу.

Сказав это, она наполовину прошла, наполовину проковыляла из комнаты и закрыла за собой дверь, оставив Селин и Амели одних, смотрящих друг на друга.

— Что ж... — сказала Амели, — сыр оказался очень хорош.

Желудок Селин заурчал, и она потянулась за куском белого хлеба. Но даже берясь за еду, глаза её были устремлены на платья, висящие в шкафу, а мысли заняты размышлениями над тем, как Хельга узнала о том, что их отец согласился взять фамилию их матери?

Едва село солнце, как Селин и Амели вошли в большой обеденный зал, по пути они дважды останавливались, чтобы спросить дорогу.

Селин чувствовала себя бодрее после того как поела и проспала большую часть дня, но всё равно была не в своей тарелке. С того самого момента, как Инна принесла платья, Селин хотела примерить то, янтарное, и посмотреть на себя в большое зеркало. Так она и сделала.

И сейчас она была в этом платье.

Широкий вырез обнажал часть груди и плечи. Рукава были узкими, и платье прекрасно сидело на тонкой талии. Широкая юбка вилась вокруг неё ярдами ткани, имевшей лёгкий золотой оттенок. Этот цвет подходил к её русым волосам, заставляя светлые локоны сиять в свете жаровен, висящих по стенам. Она распустила волосы, и теперь они волной падали ей на спину.

Она знала, что этим вечером ей предстоит сыграть свою роль, и каким-то образом этот наряд заставлял её чувствовать себя больше похожей на провидицу, нанятую таким человеком, как княжич Антон.

Амели по-прежнему была одета в свои штаны, рубашку и холщовую куртку. Она прихватила с собой свой кинжал, но, к счастью, оставила короткий меч в комнате. Однако штаны и куртка после долгой ночной поездки все были в пыли и конских волосах.

— Мы среди богов, — прошептала Амели, оглядываясь вокруг.

В обеденном зале была, по меньшей мере, сотня хорошо одетых людей, если не больше. Они сновали туда-сюда с кубками в руках и общались друг с другом.

Слуги накрывали пять длинных столов, в то время как гости не обращали ни малейшего внимания на их труды. Во главе зала, рядом с помостом, стоял княжич Антон, окружённый разношёрстной свитой. Яромир и Павел стояли справа от него, оба сменили свои кольчуги и табарды на более удобные туники. Старейший волкодав Яромира, Лиззи, держалась рядом у его ног.

Сразу слева от Антона расположилась красивая женщина чуть за двадцать с кожей цвета слоновой кости и каштановыми волосами, уложенными в высокую причёску. Она была одета в светло-зелёное атласное платье, которое подчёркивало цвет её глаз, и было в ней что-то смутно знакомое.

Рядом с ней стоял стройный мужчина с длинными тонкими усами. Он был в чёрной шёлковой тунике, которая, вероятно, стоила как годовой крестьянский заработок.

— О, там эта женщина, — тихо простонала Амели, и Селин тут же поняла, кого она имела в виду.

Инна в своём сером шерстяном платье находилась позади Антона. На лице её было нетерпеливое и обеспокоенное выражение, будто она ждала распоряжения, как собака приказа от своего хозяина. Но выглядела она так, что её нельзя было отнести ни к слугам, ни к придворным дамам.

Краткий приступ паники охватил Селин. Кто были все эти люди? Если она должна

убедительно сыграть роль провидицы, то ей нужно знать, с кем предстоит иметь дело.

Все эти размышления занимали её в те минуты, когда она и Амели вошли в большой обеденный зал. Взгляд княжича Антона остановился на Селин, жадно впитывая её наряд, а потом переместился на её лицо и волосы.

Она ожидала, что по правилам хорошего тона он отведёт от неё глаза через секунду другую, но он этого не сделал.

Возможно, при всём его видимом воспитании, никто не объяснил ему, что такое поведение не вежливо. Не зная, что ещё делать, она вместе с Амели направилась к нему.

Они с лёгкостью пробрались через толпы гостей, а когда достигли Антона, Селин, повинувшись порыву, отвесила небольшой поклон. Сейчас он выглядел даже бледнее, чем этим утром, и круги под его глазами приобрели слегка фиолетовый оттенок. Она задумалась, здоров ли он?

— Мой господин, — поприветствовала Селин.

Он всё ещё смотрел на неё.

К счастью или нет, момент нарушил смешок Яромира, когда он повернулся к Амели.

— Семь преисподней, — сказал он, глядя на её пыльный и усыпанный шерстью наряд, — неужели Инна не смогла найти какого-нибудь мальчишку, чтобы тот одолжил тебе чистую одежду?

Рот Амели сжался, и она стиснула свой кулак. Для Селин это был тревожный сигнал.

— Лейтенант, — предостерегла красивая женщина с каштановыми волосами. — В самом деле.

Антон бросил на Яромира мрачный взгляд, а затем вспомнил о своих манерах. Он указал на женщину.

— Позвольте мне представить вам мою тётю, леди Карину.

Селин скрыла своё удивление. Карина была лет на шесть старше Антона. Вблизи она казалась ещё более ошеломляющей с узким лицом и необычными раскосыми глазами. Не зная, как точно ей следует ответить, Селин просто наклонила голову ещё раз.

— Моя госпожа.

В ответ Карина улыбнулась.

— Антон рассказал мне о вашем любезном предложении... помощи. Я так рада вашему присутствию здесь, и я должна сказать, что ваше появление стало сюрпризом. Я не знала, чего ожидать. Вы прелестно выглядите в этом платье, моя дорогая.

Селин была слегка озадачена её поведением. Она тактично использовала слово «помощь» и открыто призналась, что не догадывалась, кто перед ней предстанет. В её голосе слышалась доброта. Она выглядела искренней.

— Благодарю вас за платье, моя госпожа, — ответила она. — Я понимаю, что это вы его отправили.

— Ну, я отправила два... — леди Карина беспомощно умолкла, когда посмотрела на Амели, глядевшую в этот момент в противоположную сторону.

— А это мастер Фёдор, — быстро вставил Антон, указывая на стройного мужчину с длинными усами, — наш придворный лекарь.

— Я очарован, — сказал мастер Фёдор, но его тон предполагал, что это едва ли было так. Селин он сразу же не понравился. Он произвёл на неё впечатление... льстеца.

Инна чуть приблизилась к плечу Антона и удостоила Селин взглядом, полным неприкрытой ненависти. Что не так было с этой молодой девушкой?

По всему залу прокатился звук гонга, эхом отразившийся от стен.

— Угощение готово, — сказал Антон с облегчением, будто осознав, что эта небольшая смешанная компания не в состоянии вести вежливую беседу.

Но это также могло быть вызвано и поведением Павла. Селин заметила, что Антон был не единственным мужчиной, уставившимся на неё. Рот Павла приоткрылся, а глаза были прикованы к ней.

Селин подавила вздох. Всё это мало походило на хорошее начало расследования убийства.

Павел был таким же высоким, каким она его запомнила. Но сейчас он был в чистой и сухой одежде, и его коричневая туника идеально подходила к его смуглому лицу и коротким тёмным волосам.

К её удивлению, он выступил вперёд и предложил свою руку.

— Пройдемте, — сказал он.

Антон нахмурился, но ничего не сказал.

Селин приняла руку Павла с небольшой растерянностью. Он отвёл её ко второму столу и жестом пригласил занять место на скамье, и сам расположился по одну сторону от Селин, а Амели по другую.

Антон, Яромир, леди Карина и мастер Фёдор все вместе сели за первый стол, что располагался на помосте. Антон занял место в центре. Инна не присела, а всё так же осталась стоять позади князя, напоминая собаку в ожидании команды.

За короткое время скамьи за столами заполнили гости, большинство из которых носили платья и туники купцов и мелких нобилей. Но среди присутствующих было необычайно много симпатичных девушек-подростков с их семьями.

— Взгляни на всё это, — прошептала Амели, указывая на еду, что была на столе, впечатлённая помимо своей воли.

— Это только первое блюдо, — сказал Павел, а затем добавил, — но мы не едим так каждый вечер, только когда мой господин устраивает банкет.

Обильное угощение, расставленное перед ними, было действительно впечатляющим и включало в себя вытянутые деревянные подносы с бараниной под соусом, жареным картофелем и зеленью. В изобилии стояли караваи дымящегося белого хлеба. Чаши, наполненные весенней клубникой, передавались по кругу, и каждый кубок был полон красного вина.

Амели без колебаний сделала глоток вина и тут же набросилась на баранину. Селин была более сдержанной, особенно с вином. Она едва проглотила два кусочка, когда в зале появились новые слуги, несущие на своих головах огромные блюда с жареными индейками — по две на каждый стол.

— Второе блюдо, — сказал Павел, отпив из кубка.

Селин никогда не видела ничего подобного. Ей стало интересно, что подумает Антон, когда узнает, что ей и Амели не повезло остаться без дома, где их ждали бараньи отбивные и чёрствый зернистый хлеб с чаем на ужин.

Но Амели явно наслаждалась, испуская вздохи удовольствия с каждым новым куском и бормоча что-то о восхитительности соуса, в то время как Селин не могла перестать думать о будущем. Возможно, княжич Дамек сделал им одолжение.

Если она сможет добиться успеха здесь и стать не только придворной травницей, но и официальной «провидицей» Антона, то тогда ей и Амели не надо будет больше

беспокоиться о том, как наскрести достаточно пенсов, чтобы купить пару кусков мяса.

Кроме того, чтобы получить для себя постоянное место здесь, ей нужно было узнать больше об окружении Антона: кому можно было доверять, а кто был опасен. Всё это было необходимо, если она хочет стать незаменимой.

К тому же, ей нужен был максимум информации, чтобы расследовать эти странные смерти.

— Я чувствую себя здесь неуверенно из-за того, что не знаю никого, кроме вас и лейтенанта, — осторожно сказала Селин Павлу, заметив, что тот снова отпил вина из кубка.

Он опустил кубок, желая завязать с ней беседу.

— С кем вы хотите познакомиться?

— Не то, чтобы познакомиться, — она улыбнулась, — но кем приходится леди Карина князю Антону? Она сестра его отца?

Её взгляд устремился на женщину, сидящую рядом с Антоном, его тётку Карину. Даже отсюда Селин могла видеть, что у неё с князем хорошие отношения, близкие, но без деспотизма.

Павел выглядел довольным этим разговором. Он покачал головой.

— Нет, она младшая сестра его матери. Мать Антона умерла, когда он был всего лишь мальчишкой. — Он сделал паузу. — Леди Карина прибыла сюда около четырёх лет назад, после того, как супруга князя Антона, леди Джозелин, умерла. Мой господин был плох, и леди Карина приехала из южных земель, что рядом с Эверфеном, чтобы помочь. Теперь он зависит от неё. Она составляет меню, следит за поварами и управляет придворными слугами. Мой господин прислушивается к её советам в государственных вопросах и в деле управления вотчинами.

Селин молча выслушала его. Она была права в своём предположении, что Джозелин мертва. Но эту историю стоит оставить до лучших времён.

Амели слышала этот обмен репликами и хмыкнула под нос.

— Яромиру, кажется, нравится быть главным советником Антона. И как же он отнёсся к приезду леди Карины?

Павел помолчал.

— Лейтенант пришёл на службу к князю Антону вскоре после прибытия его тёти, так что он никогда не знал замка без неё.

Это сообщение завладело вниманием Селин. Яромир руководил стражей Сеона всего четыре года? Он был окутан ореолом власти в замке, будто родился здесь

Ей нужно было узнать больше о каждом, кто окружал Антона.

Хотя она чувствовала укол вины, используя столь очевидную симпатию Павла к ней для выуживания информации, единожды начав, она не могла остановиться.

— А кто такая Инна?

Довольное выражение на его лице исчезло, будто она сказала что-то неприятное.

Инна всё ещё нависала над Антоном. Неудивительно, что она такая худая. Она никогда не садилась, чтобы поесть.

Павел колебался.

— Она прибыла сюда ещё девчонкой около пяти лет назад вместе с леди Джозелин. Она была её личной горничной. Люди говорят, что леди Джозелин спасла её из плохого дома, и она была ей очень благодарна за это. И, возможно, чересчур предана. Но теперь... она заботится о моём господине.

Так Инна была своего рода прислугой, которая появилась здесь, когда ей было тринадцать лет или около того. Селин обдумала всё, что сказал Павел, пытаясь понять, о чём он умолчал.

Джозелин вытащила Инну из беды и обучила её прислуживать даме, что вызвало у неё нездоровую привязанность, которая теперь была направлена на Антона. Она определённо будет за ней присматривать.

— А что на счёт мастера Фёдора? — спросила Селин.

Рот Павла сжался, и он стал выглядеть ещё менее довольным, чем прежде. Селин отметила, что его глаза были необычного зеленовато-голубого оттенка.

— Он... — начал Павел, но затем остановился на пару секунд. — Он здесь по просьбе отца моего господина, князя Ливена. Они говорят... — Он снова умолк, а Селин задумалась, кого он имел в виду под словом «они». — Они говорят, что мой господин не здоров, — продолжил Павел, понизив голос. — И иногда я думаю, что он сам внушает себе, что болен. Но мастер Фёдор делает всё, чтобы он поверил в это: заставляет его много отдыхать, даёт ему микстуры, пускает кровь и бог знает, что ещё делает. — Его голос стал глуше. — Но мой господин стал выглядеть только хуже. Я не уверен, что мастер Фёдор знает, что делает.

Это заинтересовало Селин, и ей захотелось узнать, какими микстурами Фёдор поил Антона.

Она знала по опыту, что люди склонны смотреть на врачей и целителей со слепым доверием, и она надеялась, что Фёдор не был шарлатаном, пытающимся заработать себе место у двора Антона, изображая, что он необходим князю.

Могло ли такое лечение навредить больше, чем её метод?

Она покачала головой. Разумеется, могло. Она никогда никому не давала лекарства или рекомендации без особой на то надобности... Хорошо, почти никогда.

Но Павел не закончил.

— Я никогда не служил княжичу Дамеку, не был в его армии, но он более жёсткий человек, чем мой господин. И я думаю, что великий князь должен обладать этим качеством.

Это утверждение всколыхнуло что-то в мозгу Селин, хотя она и не знала, чем это вызвано.

Ещё больше слуг засуетилось, подавая ягодные пироги, когда заиграла музыка. Она посмотрела в сторону первого стола, чтобы увидеть музыкантов с инструментами, расположившихся позади помоста. Они играли на флейте, лютне и арфе. Мелодия была весёлой, и люди начали подниматься из-за столов и выходить на открытую площадку, чтобы потанцевать.

Несколько солдат собрались на свободном месте в конце одного из столов и вытащили колоду карт. У Амели загорелись глаза.

— Селин, ты не против, если я...

— Иди, — сказала Селин, радуясь, что её сестра смогла найти для себя развлечение, поскольку больше ей здесь нечем было заняться. Но как только Амели ушла, Павел поднялся и протянул свою руку.

— Потанцуете со мной?

— Я не умею, — призналась Селин, слегка при этом вздрогнув.

Танцы едва ли были распространённым занятием в Шетане. Люди там больше были заинтересованы в том, как пережить зиму или случайный визит солдат Дамека.

— Это легко, — сказал он. — Я покажу тебе.

Как она могла отказаться, не обидев его? Всё ещё неуверенная, она приняла его руку и позволила отвести себя.

Когда они подошли к танцующим людям, она увидела, что все делают шаг в сторону, держась за руки. Двое танцоров разомкнули руки, чтобы Селин и Павел присоединились к ним. Через несколько секунд Селин обнаружила, что улыбается.

Ощущение было приятным... необычным, но приятным.

Через несколько мгновений шаги переменились, и она увидела, что все женщины направились к мужчинам на противоположной стороне круга. Она без колебаний двинулась вперёд, и дородный мужчина с отеческим лицом взял её за руку и закружил. Ярды ткани, из которых состояла юбка её платья, взметнулись, и странное чувство, зародившееся в ней, казалось, росло. Она чувствовала лёгкость. Счастье.

Потом она поняла, что должна продолжать двигаться и вернуться к Павлу. Когда она достигла его, одной рукой он крепко сжал её руку, а другую положил на её поясницу, притягивая ближе. Он был так высок, что на уровне глаз Селин была его левая ключица.

Ощущение счастья исчезло так же быстро, как и появилось, уступив место тревоге. Она продолжала совершать быстрые танцевальные движения, позволяя ему вести. Селин прекрасно знала о силе его рук и что не сможет освободиться, даже если захочет.

Ей это не понравилось, и она задалась вопросом, как же так вышло, что она позволила ему так уверенно удерживать себя. Она и Амели прекрасно знали, на что это похоже.

Стараясь сохранить спокойствие, она попыталась убедить себя не быть такой трусихой. Он не был одним из солдат Дамека. Разве прошлой ночью она не спала у него на руках, пока они ехали на лошади? Но музыка зазвучала быстрее, и он закружил её, всё ещё крепко удерживая двумя руками. Мир начал вращаться, и у неё закружилась голова.

— Павел, — пролепетала Селин.

К счастью, с последней пронзительной нотой песня закончилась и музыка смолкла. Когда Павел остановился, она попыталась освободиться из его рук, но замерла, когда её глаза наткнулись на бледное напряжённое лицо человека, стоявшего у танцевальной площадки.

Это был Антон.

Его челюсти подёргивались, и он направлялся прямо к ним. Павел не заметил его и лишь в последний момент обратил на него внимание.

— Капрал, — холодно сказал Антон, — эта дама здесь для того, чтобы помочь лейтенанту Яромиру, а не для того, чтобы танцевать с тобой.

Лицо Павла побледнело, и он отступил назад.

— Простите, мой господин, — пробормотал он.

Несмотря на своё недавнее беспокойство, Селин испытала искушение возразить Антону, что такой выговор едва ли необходим. Но на самом деле у неё действительно была причина находиться здесь, и она заключалась не в том, чтобы провести вечер, танцуя с солдатами в прекрасном одолженном платье.

— Благодарю вас за танец, капрал, — сказала она Павлу. — Как я сказала вам ранее, это поможет мне лучше освоиться среди гостей.

Павел моргнул в удивлении, а затем кинул.

— Это было честью для меня.

Потом он ушёл, и Селин осталась стоять в одиночестве рядом с Антоном, который наблюдал за ней с осторожностью, будто стараясь её понять.

Что ж, она могла бы приступить к своим обязанностям.

— Как вы хотите это устроить?

Но ему не было нужды отвечать, потому что она заметила, что в одном углу зала, рядом с огромным очагом, установили два мягких стула.

Леди Карина улучила момент между песнями, поднялась из-за стола и улыбнулась.

В зале воцарилась тишина, когда взгляды всех присутствующих обратились к ней.

— Дорогие друзья, — произнесла она так, будто была рождена обращаться к залам полным людей, — княжич Антон приготовил для этого вечера особое увеселение.

Селин посмотрела на Яромира, находившегося на помосте. Он вежливо слушал Карину.

— Он пригласил провидицу, чтобы она предсказала будущее наших дочерей, — продолжала она, улыбаясь. — Они могут спросить её, о чём пожелают... О будущей помолвке, возможно. И она ответит.

Последнее было сказано как шутка, так что люди в зале оценили юмор и посмеялись, но впервые с тех пор, как Селин вошла в большой зал, она почувствовала напряжение, почти страх, под наружной весёлостью окружающих. Эти люди не были дураками. Четыре молодые женщины из их числа были мертвы, и теперь Антон пригласил провидицу, чтобы предсказать будущее незамужних девиц.

— Кто хотел бы пойти первой? — спросила Карина, голосом подсказывая, что это большая честь.

Отцы и матери начали переглядываться.

Ощущая, как нарастает беспокойство в зале, Селин вышла из толпы с высоко поднятой головой и направилась к одному из мягких стульев, что стояли у огня.

Она села, держа спину прямо.

Пухлая девушка пятнадцати лет, одетая в розовое платье, стояла рядом, наблюдая за ней.

Селин протянула свою руку. Она знала достаточно. Она знала, как сыграть свою роль.

— Подойдите и присядьте, моя дорогая. Хотите узнать что-нибудь о вашем суженом?

Девушка улыбнулась и кивнула.

— Да.

Селин улыбнулась в ответ.

Так всё и началось.

Наблюдая за Селин, Яромир старался сохранять выражение своего лица как можно более учтивым и бесстрастным. От его глаз не укрылся неожиданный и резкий выговор Антона Павлу. Что это было?

Но сейчас его занимали собственные дилеммы. Его гораздо больше, чем он готов был показать, беспокоили смерти этих молодых женщин и их последствия.

Всевозможные тревоги вертелись у него в голове. Его собственный успех и положение зависят от успеха Антона, но не все его мотивы были продиктованы личной выгодой. До сегодняшнего дня он мало о ком заботился в своей жизни, но он беспокоился за Антона. И беспокоился очень сильно. Антон видел его таким, каким он всегда хотел казаться: надёжным и умным. И Яромир сделает всё, чтобы сохранить высокое мнение князя и защитить его.

А самое главное, Яромир хотел, чтобы мелких князьков, постоянно находящихся в состоянии гражданской войны и грызущихся между собой, держали в узде. Если Антон

станет великим князем, он будет бороться за установление мира, будет бороться за благосостояние народа.

Почему князь Ливен не видит этого? Дому Пэленов и народу Древинки гораздо лучше будет служить такой предводитель, как Антон, чем корыстный полководец, вроде Дамека.

Яромир был настроен доказать, что Антон — прекрасный князь, а это означало показать, что люди замка Сеон находились в безопасности, находились под защитой. Нельзя допустить появление слухов о красивых молодых девушках, убитых в собственных постелях. Он не хотел даже думать о том, как это отразится на репутации Антона. Антон может потерять то положение, какого он достиг в глазах своего отца, если будет править иначе, чем его брат.

Может ли Селин помочь им?

Наблюдая за ней издалека, так что от неё до него не доносилось ни слова, он мог видеть, с какой лёгкостью она очаровала пухлую девушку. Взяв руку девушки, Селин закрыла глаза и зашептала ей на ухо, будто зал был пуст и, кроме них, здесь никого не было. Яромир задумался, не было ли это обаяние частью её дара? Немного людей могли испытать столь абсолютное расположение к себе. Селин же одаривала девушку своим безраздельным вниманием.

Кому бы это не понравилось?

Несколько мгновений спустя девушка покраснела, улыбаясь и кивая, а Яромир понял, что следующей жертвой невидимого убийцы будет не она. Он не знал, что Селин сказала ей, но это было не важно. Многие люди в зале исподтишка наблюдали за этим, и когда прорицание закончилось, девушка выглядела такой счастливой, что младшая дочь барона Тарука поспешила занять её место... И Селин начала всё сначала.

Яромиру захотелось покачать головой на это девичье стремление узнать свою судьбу. Молодые девы не думают о том, что их может постигнуть зло, они просто хотят знать больше о своём блестящем будущем.

Посмотрев вниз, он увидел, что Лиззи всё ещё была рядом. Она появилась в его жизни щенком, и он знал её дольше, чем кого-либо ещё. Когда-то он брал её с собой куда бы ни отправился, но теперь её лучшие дни были позади, а любимым местом стал большой очаг в этом зале.

— Иди ложись, девочка, — приказал он, указывая на огонь.

Она тут же подчинилась и ушла.

Он стоял там и глядел, как Селин сделала предсказание ещё двум девицам. Когда их черёд прошёл, обе уходили, кивая и улыбаясь. Он задался вопросом, что же она говорит им. Яромир горячо надеялся, что она сделает то, что от неё требуется. Если нет, он будет ввергнут во мрак неведения.

Вдобавок ко всем этим тревогам и сомнениям, вертевшимся в его голове, он обнаружил, что оказался не готов к тому впечатлению, которое Амели произвела на него. Почему он продолжал дразнить её, провоцируя на вражду? Хуже того, Яромира беспокоила эта его склонность раззадоривать её. Она совершенно точно не относилась к тому типу женщин, что привлекали его.

Его нынешняя возлюбленная, Бриджит, сейчас пересекала зал, направляясь в леди Карине, которая поднялась из-за стола, чтобы пообщаться с гостями. Бриджит была молодой вдовой с золотисто-рыжими волосами и длинной, изящной шеей, а также она была любимицей леди Карины. Её покойный муж был состоятельным торговцем шёлком, но она,

не колеблясь, прыгнула в кровать Яромира, стоило ему проявить интерес. Немногие женщины замка Сеон могли бы ему отказать, и он не был тщеславен, приписывая это своему обаянию или мускулистому телосложению. Или небритости.

Как и мужчины, женщины наслаждаются властью, и в настоящее время он не был ею обделён.

Так почему же он не мог удержаться от того, чтобы не смотреть в сторону Амели? В свой тридцать один год он был слишком стар для неё... или же она была слишком молода для него. Она была грубой и несдержанной и выросла в грязной деревеньке, которой правит княжич Дамек.

Он выбирал только тех женщин, что имели собственные амбиции, которым не были интересны близкие отношения, но которые следовали его указаниям, чтобы доставить ему удовольствие и добиться через него собственного продвижения при дворе. Он никогда не позволял любовнице прийти в его комнату без приглашения. Он утвердил полный контроль над тем, когда они будут видеться.

Что-то подсказывало ему, что Амели не относится к числу женщин, которых устраивает подобный ход вещей. Вероятно, её не заботит положение при дворе, и если она когда-нибудь вступит в отношения с мужчиной, то это будет по любви, и она будет ждать ответной любви взамен. Она точно не станет сидеть и ждать приглашения от него, как и не согласится жить раздельно.

В его жизни нет места такой женщине. Его задачей было защищать Антона и людей в замке Сеон.

И всё же... звучала весёлая музыка, а он стоял там, наблюдая за тем, как она играет в карты с некоторыми из его людей. Он был поражён охватившим его желанием потанцевать с ней. Он хотел увидеть, как она улыбается ему, пока он крепко держит её и кружит по залу, увидеть, как взметаются её короткие чёрные волосы, а глаза цвета лаванды неотрывно смотрят на него.

Он встряхнул головой, чтобы прочистить мысли.

Она была одета в пыльные штаны, покрытые конским волосом. Сама мысль о том, что он будет танцевать с ней, была нелепой. Он стал бы посмешищем.

И всё же... Он обнаружил, что направляется к её столу. Он не мог остановиться.

Она видела, как он приближается, но лишь мельком взглянула на него, прежде чем выиграть партию, в то время как солдаты стонали и ворчали.

— Не может быть, чтобы снова, — сказал один из них.

— Платите, мальчики, — ответила она.

Перед ней лежала небольшая кучка монет, и Яромир задумался, что она использовала для начальной ставки, чтобы вступить в игру? Должно быть, у неё в карманах хранилась пара пенсов.

Он прекрасно знал, что должен наблюдать за Селин, но сказал себе, что один танец не повредит делу.

Карточная партия только завершилась и музыканты заиграли новую песню, и он решил, что подходящий миг для вмешательства настал.

Когда он подошёл к столу, его люди вскочили по стойке «смирно», но он отмахнулся от них, чтобы возвращались на свои места, и протянул руку Амели.

— Потанцуешь со мной?

Она коротко оглядела линию бочек вдоль северной стены, а затем подхватила колоду

карт.

— Во всём замке не сыщется достаточно вина, чтобы заставить меня танцевать с тобой.

Некоторые из его людей поперхнулись, и он ожёг их гневным взглядом, гадая, не пытаются ли они скрыть смех.

Сдавленные звуки стихли.

Даже тогда, когда он был скромным наёмником, ни одна женщина не говорила с ним так, и он не знал, как на это реагировать, чтобы сохранить лицо перед своими людьми.

Понимая, что любой его ответ, скорее всего, приведёт к ещё одному оскорблению от неё, он решил развернуться, но тут Амели выронила колоду карт и крикнула.

— Селин!

Проследив за её взглядом, устремлённым через зал к очагу, он увидел Селин, крепко держащую руку молодой девушки. Глаза провидицы были широко открыты и глядели в никуда. Она хранила молчание и была бледна.

Яромир побежал.

После пяти лет практики, у Селин было достаточно опыта, чтобы, не вдаваясь в детали, рассказывать людям именно то, что они хотели услышать. Её описания будущих мужей и жён часто звучали подробно, но на самом деле могли подойти к широкому кругу людей.

Настоящий фокус заключался в том, чтобы выудить крупицы нужной информации из того, что рассказывает человек, а потом верно угадать его надежды, мечты, нужды. У Селин был к этому дар.

Большинство шестнадцати— и семнадцатилетних девиц были лёгкой добычей, и они с радостью отвечали на предварительные расспросы Селин.

Однако, садясь этим вечером предсказывать будущее, она не могла избавиться от ощущения трепета, почти страха. Что она увидит? Окутает ли её снова туман, как тогда, когда она стала свидетелем убийства одной молодой женщины?

Но взяв руку пухлой девушки в розовом платье, она не почувствовала ничего необычного, и уже через несколько секунд приступила к установленному ритуалу. Для неё это было второй натурой.

Но то, что она делала сегодня вечером, не было похоже на те визиты, когда к ней приходили с конкретным вопросом и приносили личную вещь человека, чтобы помочь увидеть будущее. Сейчас ей нужно было обрисовать только общую картину, а это было проще.

— Какого жениха хотят для вас ваши родители? — спросила она.

— Это должен быть кто-то из хорошей семьи, состоятельный.

Предсказуемо.

— А чего хотите вы?

Девушка покраснела.

— Ну, кто-то, кто не на много старше меня... Высокий, с приятным лицом.

Тоже ожидаемо.

Селин закрыла глаза, изобразила, что почувствовала толчок, а потом начала плести истории о будущем девушки.

— Он придёт из города, что находится в провинции, которой правит дом Пэлеников... Ах, у него красивое лицо. Он сын зажиточного купца... Но я не вижу его имени.

И она продолжала давать только общие описания. То, что она сказала девушке, скорее

всего, окажется правдой. Она, похоже, не принадлежала к числу нобилей, собравшихся здесь сегодня. Так что её родители, вероятно, выберут для неё купеческого сына из здешних мест.

Когда Селин закончила, девушка сияла.

После этого другие молодые женщины в зале тоже захотели воспользоваться услугами Селин, так что ей больше никого не надо было подбадривать, чтобы рассеять их нерешительность. Они сами почти выстроились в ряд.

Она предсказала будущее ещё двум девушкам, оставив их с многообещающими картинками предстоящей жизни. Потом она подняла глаза и увидела хорошенькую девушку шестнадцати лет, наблюдающую за ней с интересом. Её шоколадного цвета волосы были так длинны, что доходили до бёдер. Одета она была в платье цвета лесной зелени.

Девушка улыбнулась.

— Я — Сибил, — сказала она. — Это было в духе Антона, устроить такое. Мне до смерти наскучили танцы, а он никогда не думает о других развлечениях.

Тот факт, что она только что назвала князя по имени, означал, что она, вероятно, была из семьи знатных нобилей. Но в то же время она могла быть не посвящена во внутренние дела, поскольку казалось, что ей не известна иная причина, по которой Селин могли нанять.

Селин вежливо кивнула.

— Подходите и садитесь.

Сибил подошла к ней, протягивая руку с полным доверием.

— Я уже помолвлена, но я его ещё не видела. Всё устроили мои родители.

Она не выглядела счастливой от такого положения дел.

— Ты не замужем, не так ли?

Такой неожиданный вопрос сильно удивил Селин.

— Нет.

Сибил вздохнула.

— Я хотела бы быть провидицей, как ты. Зарабатывать деньги самостоятельно и жить своей жизнью.

Селин была тронута её словами, и ей внезапно захотелось рассказать девушке о другом будущем, непохожем на то, что ей уже было уготовано.

Она взяла руку Сибил.

— Хорошо, позвольте мне заглянуть в будущее. И я скажу вам, что я вижу.

— Спасибо.

Что-то в Сибил привлекало Селин. Она была такой доверчивой, и всё же явно хотела от своей жизни большего, чем замужество с человеком, которого выбрали для неё родители. Закрыв глаза, Селин позволила своим мыслям метаться в поисках того, что она могла бы сказать девушке, чтобы дать ей надежду.

И тут её сотряс первый толчок.

Со вторым толчком Селин почувствовала, что она снова несётся по туманному тоннелю. Она утратила все прочие ощущения, кроме скорости, с которой пронзала дымку, клубящуюся вокруг неё оттенками серого и белого.

Туман исчез, и перед ней вспыхнуло видение. Она увидела комнату с серыми каменными стенами. Она стояла рядом с кроватью, но могла видеть только одну её половину.

Сибил лежала на ней и крепко спала. Её шоколадного цвета волосы рассыпались по подушке, она была укрыта стёганым одеялом в жёлто-красную клетку. Сибил выглядела

такой умиротворённой и крепко спящей.

Но тут... Две тонкие руки в длинных чёрных перчатках появились со стороны смотрящего и потянулись к Сибил.

— Нет! — Инстинктивно Селин вскрикнула и попыталась оттолкнуть руки.

Но на самом деле её там не было. Она была только наблюдателем и ничего не могла поделать. Чёрные перчатки приближались. Одна рука опустилась на лицо Сибил, а другая на её горло.

Селин хотела кричать, сражаться, чтобы остановить это, но она была заперта внутри видения и просто смотрела.

Руки не сжимались и не шевелились, только прикасались к лицу и шее Сибил, но плоть на её щеке пришла в движение, задрожала сама по себе. И начала сморщиваться.

— Нет, — задохнулась Селин.

Лицо Сибил продолжало сморщиваться под руками в чёрных перчатках. Оно увядало и проваливалось внутрь себя, пока не превратилось в высушенную оболочку. В видении чёрные перчатки прижались сильнее к её щеке и горлу. Это продолжалось до тех пор, пока тело Сибил не съёжилось под одеялом.

Селин почувствовала, как задыхается от ужаса.

— Прекрати это! — приказал кто-то. — Очнись!

Сильные руки схватили её за предплечья и встряхнули один раз. Маленькая комната исчезла. Она обнаружила, что находится в большом зале и смотрит во встревоженные глаза лейтенанта Яромира.

— Отпусти её, — сказал кто-то ещё, кто-то знакомый, и Селин увидела Амели, стоящую позади Яромира.

— Амели, — прошептала Селин.

К ним шёл Антон, и половина зала наблюдала за этим. Музыка стихла. Вероятно осознав, как это выглядит со стороны, Яромир отпустил её.

— Простите, — сказал он.

Реальность обступала Селин, пытавшуюся оправиться от только что увиденного кошмара. Сибил стояла рядом, испуганная.

— Что ты увидела?

Селин старалась вернуть себе самообладание. Бедная девушка. Нельзя допустить, чтобы видение сбылось. Сибил должна быть под защитой.

— О, прошу прощения, — сказала Селин, и подивилась тому, как ровен был её голос. Она смогла ей успокаивающе улыбнуться. — Иногда мои видения будущего перемешиваются, и я вижу своё собственное.

Она приблизилась к Сибил.

— Я увидела кое-что неприятное, но это не связано с вами. Пожалуйста, простите меня. Я думаю, что увидела слишком много и слишком быстро за такое короткое время. Вероятно, мне нужно отдохнуть.

Страх на лице Сибил сменился беспокойством.

— Ты увидела что-то неприятное в твоём будущем? Мне жаль.

Она была доброй.

— Всё в порядке, — ответила Селин, всё ещё улыбаясь, но взгляд её был устремлён на маленькую комнату в конце зала, где она разговаривала с Антоном этим утром. Она чувствовала на себе взгляд Сибил. — Мне просто нужно отдохнуть.

Сказав это, она направилась к маленькой комнате с высоко поднятой головой. Позади неё раздавались шаги двоих.

— Я пойду и лично позабочусь о провидице, — сказал Антон. — Боюсь, она переутомилась. Миледи Карина, прикажите музыкантам продолжать.

И следом за Селин раздались шаги третьего человека.

Шествие получилось долгим, но вот Селин достигла комнаты, вошла внутрь и рухнула на стул. Яромир, Амели и Антон вошли следом за ней. Она не видела, кто из них закрыл дверь.

— Что? — тотчас потребовал ответа Яромир. — Скажи мне, что, чёрт побери, там случилось?

— Она не твоя собака или один из твоих солдат, — оцетинилась Амели. — Не приказывай ей!

Их голоса звучали будто издалека.

— Прекратите оба! — приказал Антон. Затем его голос смягчился; круги под его глазами казались почти чёрными. — Селин, что ты увидела?

— Это она, — прошептала Селин. — Сибил. Она следующая.

— Что это значит? — спросил Яромир.

— Она спала, в постели, — продолжала Селин, чувствуя, будто за неё говорит кто-то другой. — Руки в перчатках... Как у женщины или худого мужчины, они появились со стороны и прикоснулись к ней. Она просто высохла, как те девушки на столе в погребе. Я ничего не могла сделать, чтобы остановить это. Я могла только смотреть.

— Кто? — потребовал Антон, голос его звучал уже не так мягко. — Кто это сделал?

— Я не знаю. Я видела только руки в перчатках... В чёрных перчатках.

— Ты должна была увидеть больше, чем это! — настаивал Яромир.

— Оставь её, — сказала Амели. Выглядела она озадаченной, словно силилась понять, что за игру ведёт Селин.

— Нет, больше ничего, — тихо ответила Селин. — Я видела только перчатки и то, как она умирает.

Яромир вздохнул и повернулся к Антону.

— Что вы собираетесь предпринять? Что ты собираешься делать?

Антон на несколько мгновений уставился на стену.

— Сказать её родителям правду и поместить Сибил под стражу, — произнес он.

Его глаза встретились с глазами Яромира.

— Я поговорю с её отцом. А ты подготовишь комнату.

— Да, мой господин.

Глава 5

Меньше чем через час, Амели была в гостевой комнате, наблюдая за тем, как Селин осматривала кровать, которая и выглядела как кровать с простым белым стеганым одеялом. Довольно обычная. В комнате ничего не указывало на наличие камина или окна, и она казалась слишком маленькой вместе со всеми: Антоном, Яромиром, Сибил и обоими родителями Сибил, которые тоже теснились там.

Инна остановилась в дверном проеме, ее губы плотно сжались.

— Ладно, — сказала Селин, отворачиваясь от кровати. — Я думаю, что здесь будет безопасно.

— Почему я должна остаться здесь? — спросила Сибил, испуганным голосом. —

Почему я не мог вернуться в наши собственные апартаменты?

— Потому что здесь ты в безопасности, — ответил Антон. — А лейтенант Яромир выставит стражу.

Амели не имела понятия, что это была за игра, поэтому она держала свой рот закрытым.

Отец Сибил был троюродным братом Антона, человеком невысокого, но благородного происхождения, средних лет, и именовался Лорд Сирен. Его семья располагала апартаментами в замке, а сам лорд Сирен занимал место в Совете Антона.

Губы мужчины сжались крепче, чем у Инны, возможно ему не нравилась вся эта ситуация, а его жена, леди Эдит и вовсе не переставая заламывала руки.

Раньше слова Антона о том, чтобы предупредить родителей девушки и поместить ее под стражу, звучали разумно: понятно и просто.

В реальности же оказалось чуть сложнее.

— Ты сказала мне, что твое видение было о тебе! — Сибил обвиняла Селин. — Не прешь меня!

— Я знаю, — ответила Селин, прямо держа спину. — Я не хотела беспокоить тебя, пока не поговорила с принцем Антоном и не услышала его решение по этому вопросу.

Амели прикусила язык. Что замышляла Селин? Да, она хотела быть полезной, но, это выглядело опасно. На самом деле выбрать девушку и заявить, что она будет следующей жертвой. Что случится, если убьют кого-то другого? Селин будет выглядеть законченной шарлатанкой.

— Это абсурд, — с жаром произнес лорд Сирен. — Антон, я могу защитить свою дочь!

Антон покачал головой:

— Нет. Ей будет безопаснее с Яромиром.

— Но она не может остаться здесь одна! — настаивала леди Эдит, несколько раз прерывая свою речь на кашлем. — С солдатами за её дверью, по велению, какой-то... Прости меня, мой принц, какой-то бродяжки- ясновидящей, которую вы наняли.

Она молчала, глядя на свою дочь, и Амели могла видеть любовь в глазах женщины.

— Так что, я буду спать здесь с ней! — леди Эдит снова закашлялась, но выражение лица Сибил смягчилось от вероятности того, что ее мать останется с ней.

— Нет, — сказал Антон. — Вы должны быть в своих собственных комнатах, там теплее.

Леди Эдит была больна?

Антон еще не закончил. Он посмотрел на дверной проём.

— Но я согласен с тем, что Сибил не должна быть одна. Инна, ты останешься здесь с ней?

Глаза Инны сверкнули ненавистью, глядя на Селин, и она открыла рот, как будто собиралась высказать все, что думает по этому поводу, но быстро кинула взгляд на Антона. — Конечно, мой господин.

— Тогда все отправляемся спать! — сказал Антон. Он был бледен и истощен. — Яромир, ты первый будешь нести дежурство.

Селина все еще стояла у кровати, уставившись на белое покрывало, когда Амели направилась к ней:

— Пойдем.

Селин смягчилась и позволила вывести себя в коридор. Амели наконец поняла, где она находится и знала, что ее собственная комната была прямо по коридору.

Как только они ушли, Яромир начал отдавать приказы, так комната из которой они

вышли была засекречена.

Впрочем, как только они вошли внутрь своей комнаты, Амели закрыла дверь и посмотрела на кровать на четырех ножках, на которой лежали дополнительные одеяла, и на туалетный столик со стульями изысканного красноватого цвета. Недавно разведенный огонь мирно горел в камине, и у девушки было время обдумать, как все это могло произойти. Так много случилось за такой короткий промежуток времени.

Кто-то — наверное, Хельга — закрыл ставни на их единственном продолговатом окне. Огонь в очаге излучал желтый свет. Хельга, вероятно, разожгла огонь.

Селин подошла к кровати и села, выражение ее лица было мрачное.

— Что...,- начала Амели, не уверенная, как правильно выразиться. — Что за план? Что мы будем делать, если другая девушка будет убита в ближайшие дни? Как мы собираемся найти убийцу до того, как кто-нибудь называет тебя шарлатанкой?

Селин посмотрел на пол.

— Амели, я устала. Мы можем обсудить это утром?

Растерянная Амели смотрела на усталое лицо своей сестры.

— Хорошо, но я не могу помочь, если не знаю плана. Ты должна сказать мне, что ты задумала.

Она сняла штаны и сапоги, оставшись в длинной, темно-синей рубашке, которая достигала до половины бедра. Затем она расшнуровала Селин одолженное платье, и она позволила платью упасть на пол, так что на ней осталась только ее удобная хлопковая рубашка. Обе они заползли под одеяла, и вскоре постель согрелась.

Обе молчали некоторое время, а затем Селин произнесла:

— Леди Эдит нужен сироп от кашля из лепестков роз. Если бы у меня был доступ к саду и необходимое оборудование, я могла бы сделать ей флакон.

— Ты действительно хочешь тот магазин, не так ли? — прошептала Амели.

— Да, хочу. — Селин больше не произнесла ни слова.

Все ещё обеспокоенная, непривычным чувством, что сестра отгородила ее от своих планов, Амели, слушая мягкое дыхание Селин, укуталась плотнее одеялом. Но сон не приходил к Амели. Ее тело было слишком уставшим, а ее разум был слишком занят, такое сочетание никогда не приносило ничего хорошего. Сомнения часто приходили к ней по ночам, и она не могла не думать. Что же будет, если они с Селин потерпят неудачу здесь?

Время тянулось, а она все равно не могла уснуть. Она просто лежала, думая и беспокоясь.

Должно быть, до рассвета оставалось немного времени, когда громкий крик внизу коридора заставил ее выскочить из-под одеяла, и уставиться в сторону двери. Крик следовал за криком и чередой ударов.

— Селин, — сказала она, но ее сестра уже проснулась.

Вставая с кровати, Амели схватила свои штаны. Пока она натягивала их, Селин выбежала за дверь в одной только хлопковой рубашке.

— Селин!

Застегивая на ходу брюки Амели побежала, и они обе увидели, как Яромир открывает дверь комнаты, где разместил Сибил. Рядом с ним было еще двое солдат, но Амели никого из них не знала. Стук изнутри продолжался.

Как только он открыл и распахнул дверь, Инна выскочила наружу, задыхаясь:

— Она мертва! Мертва!

Яромир вбежал в комнату, Амели и Селин следовали за ним по пятам.

Там, на постели лежала высохшая оболочка, то что было когда-то Сибил. Ее прекрасные каштановые волосы раскинулись на подушке, но лицо ее было лишь сморщенной кожей, облипившейкости.

— О, нет, — прошептала Амели.

Ничего из этого не имело смысла. Селин подошла к кровати и посмотрела на желто-красное в клеточку одеяло.

— Инна! — она почти кричала. — Откуда это?

Амели моргнула. Одеяло? Почему Селин волнуется об этом?

— Что это? — Яромир спросил, его взгляд буровил одеяло.

— Раньше его здесь не было, — сказал Селин. — Откуда оно взялось?

Ее голос звучал раздражённо. Один из солдат втащил Инну обратно внутрь, и она просто указала на сундук в другом конце комнаты.

— Нам было холодно. Я достала его оттуда.

Селин закрыла глаза:

— Раньше его здесь не было, — прошептала она.

Яромир повернулся к Инне, он выглядел мрачно, почти угрожающее.

— Что случилось? Никто не мог войти в эту комнату.

Напуганная, одетая только в ночную рубашку, с прилипшими к лицу прядями сероватых волос, Инна подняла руку, как бы защищаясь.

— Я не знаю. Я спала, а потом я просто... Я почувствовала что-то неладное. Я прибавила огня в лампе и... увидела ее!

— Дверь была заперта, — холодно ответил Яромир. — И здесь нет окон. Ты единственная, кто был в комнате.

— Я спала! — сквозь слезы сказала Инна. — Я ничего не слышала.

— Ищите пару перчаток, — сказала тихо Селин. — Пару длинных черных перчаток.

Возможно, осознав, что он не добьется ничего вразумительного от Инны, Яромир позвал еще своих людей, и они начали обыскивать комнату.

Следующие полчаса или около того прошли в суматохе и энергичной работе. Селин стояла на краю постели, уставившись на одеяло, в то время как охрана обыскивала комнату, — не находя никаких черных перчаток. Скоро прибыл Мастер Феодор. Амели была удивлена, увидев его одетым в шелковую тунику, в которой он был на ужине. Он казался немного недоволен, увидев Селин там, ничего необычного, просто вспышка неприязни промелькнула на его лице, когда он вошел.

— Ну? — Яромир спросил, но вопрос был излишним.

Феодор быстро осмотрел тело Сибил и вздохнул:

— Да. Как и все остальные.

— Кто-то должен разбудить Антона, — сказала Селин, это были ее первые слова за долгое время.

Нет! — плакала Инна.

Феодор взглянул на нее и сказал:

— Инна права, мой Господин нуждается в сне и его не нужно беспокоить. Это может подождать до утра.

Яромир поднес руку ко рту, как бы раздумывая, а потом кивнул. — Я сам сообщу родителям девушки.

— Если не Антон, то Леди Карина должна быть тем, кто сообщит им это, — прошептала Селин. — Это должен быть член королевской семьи.

Она посмотрела на Яромира:

— Ты обещал...защищать Сибил. Это не твоя вина, но родителям девушки должны сообщить Антон или Карина.

Мышцы на его челюсти дернулись, и Амели поняла, Селин была права.

Яромир сдержанно кивнул:

— Я разбужу ее.

Охранник в дверях нерешительно приблизился:

— Сэр, что нужно сделать с телом?

Если это возможно, Яромир напрягся еще больше.

— Положите его в погреб к другим.

Решив, что этого было достаточно, Амели направила Селин к двери. В проходе она спросила:

— Как ты узнала?

— Я не могла изменить этого, — прошептала Селин. — Я должна была изменить это. — Сибил была добрая. Она хотела от жизни большего, чем выйти замуж за чужака, которого ей выбрали родители.

Сестра снова замолчала, и Амели захотелось вернуться на день раньше, чтобы Селин могла сказать Рианнон выйти замуж за Дамека, тогда бы «Лаванда и чабрец» не загорелась бы, а она и Селин никогда бы сюда не пришли.

Через час после рассвета, Яромир проснулся голым в постели с Бриджит, спящей у него на груди.

Глядя на ее закрытые глаза и грудь, как она поднималась и опускалась, он испытывал чувство стыда за то, позвал ее к себе ночью, но после тягостной задачи рассказать Леди Карине новость о смерти Сибил — а затем просить ее проинформировать родителей Сибил — он не мог справиться с мыслью, что придется отправиться в кровать в одиночестве, лежать там и обдумывать всё, что он видел в этой небольшой комнате без окон.

Поэтому он искал забвения в Бриджит, используя ее, как способ освободиться от тягостных мыслей.

Но это не помогло.

Она была очень красива, с кремовой кожей и даже приличными формами. Но между ними было мало общего и еще меньше того что нужно чтобы разговаривать друг с другом. Он не мог сказать ей того, что он пережил — и она, конечно, не была заинтересована услышать это.

Теперь он жалел, что позвал ее сюда.

Осторожно, стараясь не разбудить девушку, он освободился от ее головы и выполз из-под одеяла. Пол под его босыми ногами был холодным, он надел одежду, сброшенную накануне, как будто он не мог выйти из своей комнаты достаточно быстро даже если потратит время на одевание в свежий наряд.

Он хотел побыть наедине со своими мыслями, со своими собственными угрызениями совести.

Выйдя в коридор, он закрыл за собой дверь и сделал глубокий вдох. Он подвел Антона прошлой ночью. Ему не удалось спасти Сибил, и тем самым, он выглядел перед Антоном не

эффективным лидером — тем, кто не может защитить своих людей.

Яромир хотел сделать что-нибудь для Антона. Никто возможно не мог бы понять, за что он был в долгу перед Антоном...никто.

Яромир не любил рассматривать себя, как человека, который находится в нужде или хочет, чтобы его спасали.

Но Антон спас его.

Стоя там в одиночестве в коридоре, за дверью своей комнаты, едва не дрожа от чувств беспомощности и вины, он не мог удержать свой разум, чтобы не вернуться в памяти обратно в то место, которое он бы скорее предпочел забыть...

Глава 6

Замок Ранхель

Пять лет назад

Яромир стоял в большом зале князя Ливена. На нем был темно-коричневый набедренник охранника замка Ливена, но камзол герольда был ложью. Он не был одним из солдат князя. Был всего лишь нанятым мечом, чтобы в течение недели увеличить силу Ливена для семейного сбора в замке.

Никто в зале не разговаривал с Яромиром и даже не замечал его.

Он был никем.

Тем не менее он не мог поверить в свою удачу, достигнув хотя бы недельной занятости здесь. Его волкодав, Лиззи, прижалась к его ноге. Его меч, его цепная броня и его собака было всем, что у него было.

Оглядевшись вокруг большого зала, он подумал о том, как многое из этого раньше было другим. Сейчас это все было, как огромная площадь. Тяжелые стулья, столы и скамейки были беспорядочно разбросаны вокруг, но огонь горел в очаге, и он наслаждался комфортом очага. Ему было жаль, что не смог взять бритву у кого-то, чтобы побрить лицо. Под его доспехами и одеждой он был грязным, потому что долгое время ему приходилось спать на открытом воздухе, и он знал, что его внешность заставляет желать лучшего.

Князь Ливен сидел в кресле на возвышении в верхней части зала. Грациозный человек с седой бородой, ему было больше сорока, но пока он не показывал признаков старости. Яромир был в отчаянии, ему нужно произвести на князя впечатление, чтобы найти какой-то способ занять постоянное место среди охранников замка Райнхель, даже если это означало дежурить в ночь всю оставшуюся жизнь.

Лиззи заскулила, и он нагнулся, чтобы погладить ее по спине. В коридоре было по меньшей мере двадцать других солдат в коричневых полосках, но все же никто не взглянул на здорового Яромира. Они не верили, что он здесь надолго.

Он надеялся, что они ошибались.

Когда-то он считал себя слишком гордым, чтобы рассматривать скромную позицию ночного сторожа, но гордость была, как вещь, которую он понемногу сбрасывал в течение нескольких лет.

Оглянувшись снова на помост, Яромир подумал обо всем, что привело его к нынешнему состоянию.

Пять лет назад, в возрасте двадцати двух лет, он уже достиг звания лейтенанта, прослужив среди вооруженных сил для Дома Хиларона в восточных провинциях. Его лорд был старшим князем по имени Филлипос и Яромир был ему верен. Что-то в стареющем князе вызвало чувство его защищать. Устав от ожидания, чтобы стать главой Дома, сын

Филлипоса поднял восстание и повёл солдат против своего отца. Сам князь Филлипос был убит, а его солдаты были почти уничтожены. Яромир выжил благодаря своей лошади.

Из милости, победоносный сын предложил любому выжившему солдату место в своих войсках Дома Хиларона. Большинство из них с благодарностью согласилось. Лейтенант Яромир отказался поклясться ему в верности. Он решил, что лучше жить своим мечом, как наемник, чем служить предательскому сыну своего мертвого лорда. Это был единственный путь чести. Поэтому он пешком направился на запад со своим волкодавом, Лиззи.

К своему стыду, через год, он начал сожалеть о своем решении. Жизнь, как наемного меча, в такой стране, как Дроевинка, оказалась хуже, чем он мог себе представить. Он занимался работами, от которых раньше его воротило. Ему часто приходилось быть в компании среди наемников, которые были немного лучше животных, которые понимали только голод и силу. Иногда он жил хорошо, но чаще голодал. Ему и Лиззи уже долгое время часто приходилось спать на улице.

Решив улучшить ситуацию, он обнаружил, что поскольку он отказался от своего места в Доме Хиларона, теперь было почти невозможно найти подходящую должность у другого лорда или принца. Они хотели только мужчин, которых они знали, или которых очень рекомендовали, или если у них были основания доверять. Но никто не имел оснований доверять ему.

Прошли годы.

По чистой случайности, когда однажды ночью он пил эль в таверне, он подслушал, что князь Ливен из Дома Пэлен нанимает дополнительную охрану для семейного сбора, в котором участвовали два его сына. Яромира не интересовали причины дополнительной безопасности, так как оба сына будут приводить своих людей. Старшие князья в Дроевинке склонны были поощрять конкуренцию и вражду между собой и их сыновьями. Они считали, что это хорошо для будущего выживания Дома, если не всегда для себя.

Замок Пэлен был в двух днях ходьбы от таверны, и Яромир немедленно отправился туда.

Он решил не упускать этот шанс и по прибытии его наняли. Он считал, что ему повезло, что он приобрел даже если и кратковременную работу, но с князем Дома. И при этом сильного Дома.

У него не было никакой гордости. Поэтому он стоял, не привлекая внимания, в большом зале замка, в то время, как его разум искал способы и возможности, чем можно было бы отличаться.

Беседа в зале была мягкой, но вся палата замолчала, когда один из сыновей, Дамек, прошел через арку. Он и его люди приехали в замок накануне и отправились на отдых.

— Ты звал меня, отец? — спросил он.

— Да, твой брат прибыл с утра и сразу присоединится к нам.

— Хорошая новость.

В отличии от своего коренастого отца, Дамек был стройным. Он был бледен, красив и редко произносил слова без смысла. Но Яромир больше не питал иллюзий относительно знати. Дамек был именно таким, каким он представлял себе типичного дворянина: жестоким, жадным и корыстным. Его брат, Антон, был таким же, как он. Слуга вошел в зал и Яромир ожидал, что Принц Антон будет объявлен.

— Леди Карина, из Дома Егора, — вместо этого объявил слуга.

Прекрасная женщина с каштановыми волосами проплыла в холл, подошла к помосту и поклонилась:

— Мой господин. Антон скоро будет. Я путешествовала вместе со своим окружением и он решил осмотреть лошадей.

Ливен внимательно посмотрел на нее, ошеломленный:

— Ах, да, леди Карина. Одна из сестер моей покойной жены? Приятно познакомиться. Мне сообщили, что вы приехали в Соне, — он продолжал смотреть на неё таким образом, что это стало невежливо.

— Ты мало похожа на мою Бетани, только своими волосами.

Если Карина и была обижена, она этого не показала и улыбнулась:

— Нет, я верю, что она была мне вместо моей матери. Я была всего лишь ребенком, когда ее отправили на запад, чтобы выйти замуж за Вас. Я больше похожа на своего отца.

Яромир не мог не заметить, что это был первый случай, когда князь Ливен встретил сестру своей мертвой жены.

— Ты была очень далеко от юго-восточных провинций, — ответил Ливен. — Как мой сын?

Карина колебалась:

— Он понимает. Я буду продолжать помогать ему.

— Возможно вы должны прийти и оказать помощь и мне, — сказал Дамек, лениво опустившись на стул. — Понятия не имел, что у нас есть такая тетья в семье.

Карина холодно на него посмотрела:

— Твой брат в трауре.

Яромир слышал разговоры вокруг того, что Антон недавно потерял жену, но он скептически думал о том, что принц-подросток оплакивает свою потерю. Вероятно, бедная молодая жена пришла со слишком маленьким приданым, или она ему не понравилась и её отравили, или задушили.

— Принц Антон из Дома Пэлен, — громко объявил слуга.

Сперва Яромир едва взглянул на Антона, но потом кронпринц вернул его внимание. Антон был молод, где-то девятнадцати лет. Хотя он и был бледен, как его брат, но он был не просто стройный, Антон выглядел так, словно голодал последнее время. Его глаза постоянно бегали, не останавливаясь ни на людях, ни на предметах. Было видно, что быть здесь ему приказал отец и это последнее место, где он хотел бы быть. Для Яромира казалось глупым сформировывать впечатление по истечении нескольких мгновений, но он не мог с этим ничего поделать. Высокий мужчина в загарке шел рядом с Антоном. Они оба носили длинные мечи.

— Мой сын, — сказал Ливен, — и капитан Назар. Добро пожаловать. Проходите и садитесь.

Антон поклонился верхней части зала, а Дамек наблюдал за каждым его движением и как будто оценивал его. Все еще сидя на своем стуле, Дамек небрежно вытащил свой меч из ножен и начал протирать его тканью. Яромир напрягся. Но потом он понял, что больше не чувствует Лиззи у своей ноги. Оглянувшись, он заметил, как она обнюхивает пол возле арочного входа в зал. Он не мог позвать её или шевельнуться. Хранители залов должны были молчать.

— Как прошло ваше путешествие, сын мой? — спросил Ливен у Антона, но его голос был напряженным, как будто он понятия не имел, что еще спросить.

— Прекрасно, отец. Спасибо, — ответ Антона звучал обязательно, вежливо, но без мыслей, и Яромиру пришлось в голову, что молодой человек действительно может быть в

трауре. Он выглядел хрупким, ранимым и Яромир был поражен своим желанием защитить его. Он не чувствовал этого в течение долгого времени. Дамек встал и зевнул. С мечом в руке он пошел к помосту.

— Ну, теперь, когда все здесь, мы наконец-то можем решить некоторые важные вопросы.

Ливен поднял бровь:

— Какие это вопросы?

— Назвать меня официальным наследником, конечно. Я предположил, что именно поэтому нас всех вызвали к дому и очагу.

Лицо князя Ливена стало краснеть от гнева. Дамек должен быть величайшим из дураков, чтобы оскорбить своего отца так, да ещё и перед свидетелями.

— Я уверен, что Антон согласен, — продолжал Дамек, — не так ли, брат мой? Думаю, пришло время, когда отец официально назовет меня наследником.

Антон смотрел на горящие бревна в очаге:

— Что? — спросил он, казалось, выступая сквозь туман. — О, конечно, что бы вы ни решили. Отец, не мог бы я пройти до своих комнат? Я устал с дороги, — не дожидаясь разрешения, он поднялся и собрался было уже пойти к себе. Антон действительно выглядел тенью призрака, стоящего у арки. Он не сказал ни слова, чтобы защитить себя.

— Убирайся из этого зала до обеда, — приказал Ливен Дамеку, — и не поднимай эту тему в моем присутствии снова. Я назову своего наследника, когда я этого захочу.

Выражение лица Дамека исказилось в открытой ненависти, и он повернулся на одной ноге, чтобы выйти из зала. В это время Яромир увидел Лиззи в центре арки. Дамек увидел её и в одно мгновение его глаза сузились. Его меч все еще был в его руке, и он крепче сжал рукоять. Он был в ярости и хотел что-то сделать, кого-то убить. Яромир подавил свой крик. Если бы он подал хоть звук, он бы бросил вызов придворному в этой обстановке и его немедленно уволили. Паника охватила его, что он вот-вот потеряет единственного друга, который у него есть. Наконец, он не мог дальше просто стоять и смотреть, он сделал шаг вперед, готовый закричать. Но кронпринц Антон, казалось, пробудился от своего тумана. Он увидел Лиззи и лицо своего брата, который держал меч в руке. В изящном движении Антон пересек арку и использовал свое колено, чтобы подтолкнуть Лиззи в другую сторону. Она повиновалась и последовала за ним. Когда Дамек добрался до арки, Лиззи уже была вне его пути. Он продолжил идти, игнорируя брата и собаку.

* * *

В тот вечер Яромиру было предоставлено несколько часов отдыха, так как он был назначен дежурить в ночь. Поскольку деньги выйдут только в конце недели и ему не разрешали быть в большом зале в течение обеденного часа, он направился к кухне попытаться очаровать кухарку, чтобы она покормила его. Но сначала лучше побриться. Он занял бритву и набрав колодезной воды с наслаждением наконец-то побрился и умылся, убрал волосы к затылку. Когда он вошел на кухню, то обнаружил волнуемую активность, несколько девочек-служанок прошли мимо. Лиззи обнюхала воздух и распустила слюни.

— Вы, уберите эту собаку отсюда, — сказала женщина средних лет в фартуке, — или я приготовлю ее.

Яромир рассмеялся:

— Вы прогоните нас обоих отсюда быстрее, если покормите.

— Еда в большом зале, — сказала она, наклоняясь, чтобы осмотреть корку на пироге.

— Да, но туда не приглашают таких как я, а я голоден. Я обменяю поцелуй на твою еду.

Она подняла взгляд от пирога, посмотрев на его лицо. Большинству женщин нравилось его лицо, когда оно было чисто и правильно побрито.

— Ты можешь сохранить свой поцелуй, — однако она схватила деревянную тарелку и свалила несколько кусочков жареной курицы и картофеля.

— Теперь иди отсюда. И забери свою собаку!

Яромир поблагодарил ее и направился через черный ход, сел на ящики снаружи и оторвал кусочек от кости для Лиззи.

— Кушай, девочка, — это была прохладная ночь с ясным небом. Картофель был превосходным, и он знал, что, если он сможет остаться здесь, то никогда не будет голодать снова. Лиззи закончила свои первые кусочки курицы и начала поскуливать, требуя ещё.

— Подожди, — сказал он, отрываясь от костей. Когда он поднял глаза, он увидел, что кто-то идет к конюшне. Через мгновение он понял, что это кронпринц Дамек. Что он там делал? Все дворяне должны быть в большом зале, набивая брюхо, глотая вино и танцуя. Дамек исчез внутри конюшни и не вышел. Яромир подождал, держась в тени задней двери и груды ящиков. Вскоре после этого появилась другая фигура, направлявшаяся к конюшне. Это был капитан Назар. Он тоже исчез в конюшне.

— Оставайся здесь, — сказал Яромир Лиззи. Поглядев на открытое окно, он не заметил ничего, что могло бы ему помочь, но затем он заметил небольшую трещину в стене с большим узлом на соседней доске. Подкравшись, он присел, чтобы понять, получится ли услышать, что происходит внутри. Через отверстие было ясно слышно два голоса:

— Я дам вам фельдмаршала Уэстлейка и четверть арендной платы, — сказал Дамек.

— Половина арендной платы, — возразил капитан Назар. — Какая у вас одна вотчина, когда вас назовут наследником земель вашего отца?

Затем последовала пауза:

— Хорошо, половина, но только если это удастся.

Яромир резко вздохнул.

— У реки есть старая беседка, — продолжал Дамек, — мой отец любил приглашать нас туда, когда мы были мальчиками, для разговоров с ним или иногда для обучения. У меня есть писец в моей службе, который отлично подражает почерку отца. Сегодня вечером, когда Антон уйдет в свои комнаты, я отправлю ему записку и попрошу его встретиться с отцом в беседке завтра на рассвете. Он не найдет это странным. Отец часто просил нас встретиться с ним довольно рано или поздно, вероятно, в качестве теста на послушание.

— И когда он прибудет, ваши люди убьют его.

— Да, вам не нужно участвовать в деле. Просто убедитесь, что он мертв, но после этого его тело должно быть сброшено в реку. В это время года, при такой погоде он будет сметен вниз по течению. Я буду подавлен, ты свидетелем выступишь за меня, и Антон просто не появится на завтраке до его обнаружения или когда-либо.

Яромир отстранился от стены, задумавшись над всем, что только что услышал, задаваясь вопросом, как он мог использовать это, чтобы продвинуть себя, но в конце концов решил, что защита Антона имеет приоритет. Это был единственный путь чести.

* * *

На следующее утро, перед рассветом, Яромир присел за дубом, растущим возле беседки. В качестве наемного охранника он имел доступ к замковому арсеналу, а ночью он одолжил еще несколько дополнительных видов оружия. Теперь у него был заряженный арбалет в руке,

второй заряженный арбалет на земле, а его меч и кинжал в ножнах. Антон и капитан Назар прибыли первыми. Утро было туманное, и солнце практически не просматривалось за пеленой тумана.

— Отец? — позвал Антон. Он выглядел измотанным, как будто и вовсе не спал:

— Вы уверены, что он попросил Вас встретиться с ним здесь? — спросил Назар.

— Да, конечно.

Четверо солдат в черных табардах вышли из тумана, идя к беседке. Антон был спокоен. Вероятно, он предположил, что их отправили с сообщением. Затем все четверо вынули свои мечи.

— Назар, посмотри, — сказал Антон, вытаскивая свой клинок и занимая оборонительную позицию. Но капитан Назар просто отошел, и принц закричал:

— Назар! — Антон перепугался.

Яромир не спешил. Осторожно он нацелил первый арбалет, и когда удостоверился, что попадет, выстрелил. Арбалетный болт ударил ведущего солдата в спину и пробил его с чмокающим звуком. Человек упал вперед. Яромир опустил пустой арбалет и схватил второй. Следующий солдат в очереди впал в панику, вместо того чтобы посмотреть, откуда пришла стрела и Яромир пристрелил его в спину. Опираясь на второй арбалет, он вытащил свой кинжал. Он подумал, что возможно последние два человека Дамека развернутся и побегут, но видимо они боялись Дамека больше, чем борьбу с неизвестным противником и они продолжали идти. В этот момент Антон оправился от своего первоначального шока и выбежал вперед в бой, привлекая одного из убийц на себя. Яромир набросился на другого — мужчину средних лет со шрамами. Его противник тяжело качнулся, пропустил удар и отдернул руку, смущенно глядя на необходимость сражаться с человеком, который выбрал более легкое оружие. Но Яромир бросился в атаку, схватил солдата за руку с мечом и ввел кинжал в его торс, между ребрами. Глаза мужчины расширились, но все случилось так быстро, что это даже не вызвало большой боли. Яромир выдернул свой кинжал, зная, что если этот человек еще жив, то это действие вызовет боль. Он повернулся, чтобы увидеть, как Антон сражается с последним солдатом в черной таббарде, но капитан Назар быстро приближался к Антону. Должно быть, он знал последствия неудачи. Яромир побежал перехватить Назара, уронив кинжал и потянув меч из ножен. Капитан в отчаянии бросился на него. Яромир уклонился и нанес удар с правой стороны и когда Назар блокировал удар, Яромир ногой сбил Назара с ног. Через мгновение Назар ударился о землю. Яромир опустил меч вниз с мечом и пронзил живот капитана держа рукоять обеими руками. Назар закричал и через несколько секунд из его рта потекла кровь. Яромир снова повернулся, чтобы обнаружить, что Антон перерезал горло своему противнику. Убийца отступил назад. Затем Яромир и Антон стояли в одиночестве, задыхаясь, окруженные мертвыми или умирающими телами. Встряхнувшись, Антон уставился на Яромира, возможно, пытаясь понять, что только что произошло.

— Ты один из охранников моего отца?

— Нет, я наемник для этого собрания.

— Почему ты спас меня?

— Потому что ты спас мою собаку.

Антон замолчал на мгновение, затем взглянул на мертвого капитана и обратно.

— Значит, тогда ты мужчина!!!

— Я был лейтенантом при Принце Филлипосе Дома Хиларона, но я не служил его

сыну.

Антон кивнул:

— Филлипос. Понимаю.

Яромир подумал, что он ослышался.

Через пять дней семейная встреча была официально закончена и замок стал жить своей обычной жизнью. Когда дружина Дамека и Антона готовились уйти, Яромир ждал, не будут ли последствия от нападения на реке. Но казалось, что Антон не рассказал отцу, а Дамек был достаточно опытным в зачищении следов за собой. Однако в результате Яромир ничего не сделал, чтобы отличить себя перед князем Ливенем и завтра снова будет без работы. Его попросили помочь загрузить багаж Леди Карины. Он не смог отказаться и прошел в гостевую комнату. Она была с мужчинами. Когда Яромир поднял глаза, он увидел, как Антон подходит к нему.

— Прогуляемся немного, — сказал Антон.

Яромир понятия не имел, для чего с ним захотел увидеться Антон, но он пошел рядом с ним. Они прошли до конца коридора, где остановились и посмотрели вниз через высокие узкие окна, наблюдая за деятельностью во дворе. Взгляд Антона все еще был направлен в окно:

— Буду краток, капитан, — сказал он.

— Я не капитан.

— Вы могли бы им быть.

Яромир покачал головой:

— Я не заработал это звание.

Антон продолжал смотреть сквозь окно в стене.

— Ты странный человек. Не хочешь ли ты поехать со мной и возглавить мою охрану в замке Сине?

Яромиру не нужно было предлагать дважды.

Глава 7

Яромир так и стоял в коридоре перед своей комнатой, прислонившись к стене. Он провёл рукой по лицу, вспоминая «возвращение домой» с Антоном. Это были хорошие дни.

К тому времени, как отряд добрался до Замка Сеон, Яромир с княжичем стали друзьями. Но бывший наёмник даже не подозревал, насколько высоко он поднялся по карьерной лестнице, пока не начал исполнять свои обязанности. Его власть распространялась на всех в Сеоне, кроме самого Антона и леди Карины. Как начальнику охраны Яромиру присвоили чин лейтенанта, но окружающие относились к нему так уважительно, будто он носил титул лорда.

Яромир обязан Антону больше, чем кому-либо в своей жизни, и теперь просто необходимо прекратить эти странные убийства.

Он не винил Селин за то, что произошло прошлой ночью. Она сделала всё, что от неё требовалось. Именно она дала ему имя следующей жертвы.

Спасение Сибил было его делом.

И он потерпел неудачу.

Открыв глаза, он снова начал ходить, не зная, куда направляется. Необходимо узнать что-то еще — что угодно, прежде чем говорить с Антоном. Несколько мгновений спустя он обнаружил, что движется вниз по проходам замка, потом добрался до кладовой... а затем в

подвал.

Теперь уже четыре тела лежали на столах. Они выглядели такими хрупкими, почти как смесь бумаги и соломы — точно кукурузные куклы, продаваемые на деревенской ярмарке. Яромир смотрел на них с отчаянием. Должно же быть хоть что-то, какая-нибудь зацепка, которую он мог бы использовать для разгадки личности убийцы.

Его воспоминания вернулись к той проклятой ночи. Как мог убийца войти в комнату? Место было выбрано не случайно: там не было ни окна, ни очага — только дверь. И он сам стоял на страже у запертой двери.

Подойдя к телу Сибил, он протянул руку и коснулся ее шелковистых каштановых волос. Смерть этой девушки причинила ему боль больше, чем другие, потому что он мог остановить убийцу.

— Прости, — негромко сказал он.

Тут за штабелями пустых бочек раздался резкий вздох. Рука лейтенанта инстинктивно двинулась к рукояти меча, но та была пуста. Тогда он схватил ржавый кухонный нож, оставленный кем-то на столе.

— Кто здесь?

Она стояла в тени, скрестив руки на груди. Яромир понял, что, должно быть, женщина сама просматривала тела, а затем спряталась, когда услышала шаги.

— Что вы здесь делаете? — спросил он Инну.

Ее глаза сдвинулись взад-вперед, но ответа не последовало.

— Выходите оттуда! — приказал он.

Что-то в этой женщине всегда приводило Яромира в недоумение. По-своему Инна была привлекательна: ещё молодая, стройная, с чистой кожей и эффектными манерами. Он видел, как кто-то из его мужчин бросает взгляд вслед, когда она проходила мимо. Но от ее раболепия перед Антоном лейтенанта бросало в дрожь.

Если бы он смог найти дипломатичный способ удалить её от княжича, то сделал бы это давным-давно. И хотя Антон не приветствовал её льстивое угодничество, но пропускал мимо ушей все возражения против присутствия Инны. К сожалению, руки Яромира были связаны.

По приказу Инна вышла из тени, но даже не взглянула на лейтенанта. Ее взгляд был прикован к мёртвой Сибил.

— Вы тоже осматривали тело? — спросил он, — Может, увидели что-то, чего не заметил я?

Сейчас он был готов принять любую помощь. Инна только крепче обняла себя руками. На ней было всё то же серое платье, но без привычного платка. Наверно, женщине было зябко в этом подземелье — так судорожно сжимала она руками свои плечи. Лейтенант хотел предложить свой плащ, но вовремя вспомнил, что на нём только бриджи и туника.

— Инна, расскажите подробно ещё раз, что вы видели в комнате прошлой ночью. Может, мы что-то упустили?

Казалось, только сейчас женщина заметила его присутствие. Она уставилась на Яромира.

— Зачем? — резко спросила она. — Зачем ты тратишь на это время? Неужели ты не видишь, как силы твоего хозяина убывают? — она указывала на мёртвых девушек, и глаза её пылали, а яд её голоса возрастал. — Если у тебя была бы хоть капля чести, ты бы похоронил эти чёртовы тела, и защитил княжича! А если бы это вновь произошло, то не стал бы и словом беспокоить его! — Инна наклонилась вперёд, тяжело дыша. — Их смерть ничто по

сравнению с потерей леди Джоселин. Он ещё болен... Его следует оставить в покое, чтобы оплакивать, а что делаете вы? Вы советуете ему нанять какую-то шлюху, эту провидицу, утомляя его, изнуряя до полного истощения... — Она выпрямилась и повернулась к телам. — Это ничто по сравнению с его здоровьем. Избавься от них, сделай наконец свою работу!

Яромир от удивления не мог проронить ни слова. Он всегда подозревал, что эта женщина немного свихнулась. Но никто никогда не слышал, чтобы она говорила так.

Прежде чем он смог оправиться, Инна обернулась и побежала к лестнице, ведущей на кухню. Смотря ей вслед, Яромир раздумывал над тем, что услышал.

Похоже, она совсем выжила из ума после того, как проснулась в постели с мертвой девушкой. Или нет? Яромира бросило в холодный пот, когда он внезапно подумал, что убийце не надо было придумывать, как залезть в закрытую комнату.

Возможно, убийца был там все время.

Когда Селин проснулась, давно рассвело и она поняла, что проспала всё утро. Она быстро встала и начала одевать своё старое красное платье, стараясь не смотреть на сестру. Та лежала с открытыми глазами, закутавшись в одеяло. Огонь давно погас.

Они не говорили о том, что случилось прошлой ночью. Селин хотелось избежать вопросов — только не сейчас — и Амели понимала это.

Взглянув на туалетный столик, она заметила, что миниатюра с изображением женщины вновь стоял напротив зеркала. Должно быть, Хельга нашла его и поставила обратно.

— Ты спешишь? — Амели села в кровати.

Момент был неловким. Все эти годы, осиротев, они пережили вместе, ничего не скрывая друг от друга. Амели имеет право всё знать. Но Селин ощущала себя слишком потрясенной, виноватой и напуганной, чтобы сейчас признаться в своих недавно открывшихся способностях.

— Я иду к Яромиру, — сказала она. — Надо посмотреть, не случилось ли еще что-то.

Амели откинулась назад. В ее глазах промелькнула боль.

Селин метнулась к двери. — Я обещаю, мы поговорим позже. — Она рванула дверь на себя, отчаянно нуждаясь в одиночестве. — Я обещаю.

Выйдя из комнаты, она закрыла за собой дверь и сделала глубокий вдох. У неё не было намерения идти к Яромиру. Он был последним человеком, которого она хотела видеть. Хорошо, предпоследним: видеть Амели прямо сейчас было бы гораздо хуже.

Так что она решила немного пройтись, собраться с мыслями и прийти в себя, благо пространство замка это позволяло. Но едва она сделала несколько шагов, как коридорное эхо донесло звуки ворчания и топота ног. Селин увидела Хельгу, несущую поднос с чаем. Старая женщина остановилась, увидев девушку.

— Уже на ногах? — спросила Хельга. — Огонь в очаге конечно погас, да и ты не завтракала.

Этим утром голова старушки была повязана платком грязно-оранжевого цвета, который съехал набекрень, отчего Хельга выглядела кособокой. Она прищурилась, разглядывая лицо Селин.

— Хм, — сказала она и поставила поднос на пол. Затем налила кружку чая и, держа ее на весу, произнесла. — Я понимаю, этой ночью случилось многое. Но ты не можешь пройти мимо. Ты — одарённая.

Селин вздохнула. Хельга как будто знает больше, чем должна, и это вызывало тревогу.

Но старушка продолжала протягивать кружку. От кружки поднимался пар, и пахло чем-то пряным и сладким. Казалось бы, праздничный ужин был только вчера, но Селин после стольких событий была очень голодна. Решившись, она протянула руку за кружкой.

— Хорошая девочка, — с удовлетворением в голосе сказала Хельга. — Ты скоро обретёшь себя. И твоя сестра тоже, но её путь будет дольше. Две стороны одной монеты. Будущее и прошлое.

Что всё это значит?

Селин хотела ответить, но не знала, что. Старая женщина указала ей на другую сторону коридора. — Иди туда, моя девочка. Иди, пока не достигнешь лестницы, ведущей вверх. Стены там покрывает бесполезная мазня. Так ты сможешь объяснить своё появление.

Селин моргнула. Она понятия не имела, о чём говорит Хельга, но ей и самой хотелось уйти из этого коридора. — Спасибо, — выдавила она, и поспешила прочь, сжимая в руках дымящуюся кружку чая.

Селин не хотелось думать о прошлой ночи, о том, что она не смогла изменить будущее, которое она так ясно видела... Которое она должна была изменить.

Как и было обещано, она нашла лестницу дальше по коридору и начала подниматься, стараясь не расплескать чай. Лестница была винтовой, и здесь было темнее, чем она ожидала: вдоль стен не было светильников. Наверху оказался широкий коридор, почти зала. Неяркое солнце скупо бросало лучи сквозь высокие узкие окна. Возможно, это были бойницы для лучников. С другой стороны на стене висели огромные портреты в позолоченных рамах. Некоторые были в длину даже выше Селин, а богато украшенные рамы оказались шире ее руки. Сделав последний глоток, девушка поставила кружку на пол, и вошла в залу.

Пыльная паутина покрывала потолок и даже некоторые из картин. Даже тусклого света было достаточно, чтобы понять, что залой пренебрегали. Местами рамы были покрыты отметинами зубов, будто их грызли крысы.

Неужели слуги не заботятся об этом месте?

Когда глаза привыкли к полумраку, Селин внимательней взглянула на первый портрет. На тёмном фоне был изображен высокомерный мужчина средних лет с бородой, тронутой сединой. Меч на боку, рядом пес кремового цвета. Вероятно, один из предков княжича.

Двигаясь дальше вдоль стены, она обратила внимание на групповой портрет. Леди, джентльмены и несколько хорошо одетых солдат с серьёзными лицами взирали на Селин со стены. Раньше пышные наряды вызвали бы у неё негодование. Такая роскошь неуместна в стране, находящейся на грани нищеты. Но сейчас девушка была даже рада их присутствию.

Селин остановилась. Одна картина резко отличалась от всех остальных. Молодая женщина с длинными волосами стояла у костра. Тёмная ночь окутывала её со всех сторон. И сама она была облачена во всё чёрное. Чёрная одежда, чёрные ботинки и чёрные волосы, ниспадающие вниз волнами. Только кожа цвета слоновой кости светилась в отблесках огня. Очень странный выбор места и одеяния, чтобы запечатлеть дворянку из дома Пэлен. Это изображение казалось более живым, чем прочие, и Селин не могла оторвать от него взгляда.

Взволнованная, она не сразу услышала шаги по лестнице. Это был Антон. На нём была свежая стеганая туника, хорошо начищенные сапоги. Несмотря на красивую одежду он казался еще бледнее, чем прошлой ночью.

— Хельга сказала мне, что ты здесь, — сказал он отрывисто.

Почему-то общество Антона не было ей в тягость. Но при виде его сурового лица

чувство вины вернулось вновь.

— Ты знаешь о Сибил, — констатировала она.

Он кивнул, и помрачнел еще сильнее: — Она была хорошим человеком.

У Селин перехватило дыхание, и она отвернулась: — Прости.

— Почему ты извиняешься?

Повернувшись, она увидела на его лице искреннее недоумение. Селин понимала, что говорить с ним так открыто было ошибкой. От него зависело их с сестрой будущее, и было необходимо поддерживать ауру таинственности. Но в то же время почему-то он был единственным, кому она могла показать сомнения и боль.

Весь ужас прошлой ночи вырвался на поверхность. Она почти кричала: — Потому что я должна была предотвратить это! Остановить это! А я только посмотрела, что на кровати не было желто-красного стёганого одеяла. Я должна была обыскать комнату и убедиться, что этого одеяла там нет. Я должна была остаться с ней. — Она замолчала, и тут её истинный страх вырвался на свободу. — А если это мои видения привели Сибил в эту комнату? И это я виновата в её смерти?

Антон молча смотрел на неё. Под его пристальным взглядом ужас продолжал выплескиваться из ее рта. — А Рианнон? — спросила она. — Что, если отец пригрозит изгнанием, если она не выйдет замуж за Дамека? Она конечно согласится. И тогда в числе причин, по которым он убьёт Рианнон, будет злость на её первоначальный отказ. — Она резко вздохнула. — Отказ, который посоветовала ей я! Что, если все мои пророчества помогают этим смертям свершиться? Если это так, то я должна молчать!

Обессилев, она закрыла глаза руками, не желая видеть ничего: ни реального, ни воображаемого.

Зазвучали шаги, и Селин почувствовала его холодные руки у себя на запястьях. Он медленно отнял пальцы Селин от её лиц. — Послушай меня. Благодаря тебе мы с Яромиром знаем больше, чем вчера. Мы не знаем точно, как это происходит. Но нам известно, что некто с худыми руками, затянутыми в черные перчатки, убивает девушек одним прикосновением. Может, это какой-то неизвестный нам вид яда, нанесённый на перчатки. А может всё оказаться чем-то более ... загадочным. Но ты не можешь перестать рассказывать нам о том, что видишь.

Его лицо было так близко, что она могла хорошо разглядеть синеву у него под глазами. Его густые волосы были аккуратно причесаны и заправлены за уши. Черты его лица были утончёнными, и Селин невольно отметила, что без темных кругов под глазами он будет довольно привлекателен. В то же время княжич выглядел таким усталым и изнурённым. Она вновь задумалась о том, что же такое с ним происходит, с чем мастер Феодор пытается помочь ему справиться?

Селин поняла, что вновь ушла в себя. Он, казалось, тоже заметил это. Отпустив её запястье, Антон отошел назад. — Не тревожься о Рианнон, я написал ей сегодня. Сказал, что она всегда может найти пристанище здесь, если отец прогонит ее. Я должен быть уверен, что ее не заставят выйти замуж за Дамека.

Чувство благодарности наполнило сердце Селин и поглотило все переживания. Сегодня Антон казался совсем другим: надменное высокомерие ушло. Он выглядел как обыкновенный человек, который пытается её утешить.

Она не привыкла к тому, что кто-то пытается помочь ей. Кроме Амели, конечно.

— Но вы должны продолжать делать предсказания молодым женщинам и рассказывать

мне и Яромиру, что вы видите. Он сделал еще один шаг назад. — Договорились?

Она неохотно кивнула. Если она не поможет Антону с этим разобраться, что станет с ней и Амели? После этой вспышки она старательно пыталась затолкать обрывки своих эмоций вглубь сознания.

Селин еще ничего в своей жизни не желала так сильно, как тот аптекарский магазинчик.

— Этот холл выглядит заброшенным, — сказала она, чтобы сменить тему разговора.

Его воспитание возобладало, и он встал рядом с ней, глядя на портрет высокого, воинственного мужчины в кольчуге. — Не думаю, что я когда-то бывал здесь. Я редко захожу в гостевое крыло. И даже не знаю, кто все эти люди

— Правда? — удивленно спросила Селин. — Разве это не Ваши предки?

— Я не знаю. Мой дед захватил этот замок. Большинство портретов моих предков находятся в отцовском замке. — Он умолк. — Единственные, кого я узнаю, это мои дед и... мать.

Его тон немного изменился, голос стал тоньше при упоминании матери.

— Когда она умерла? — спросила Селин.

— Мне было восемь, но я помню ее. Я рад, что у отца есть ее портрет. Иногда я забываю, как она выглядела, и тогда навещаю отца. — Он продолжал смотреть вверх. — У меня была миниатюра с изображением её лица, но этот портрет потерялся. Очень жаль. Это была одна из немногих вещей, которыми я дорожу.

Позднее Селин не могла понять, что сподвигло ее задать следующий вопрос. Он вылетел изо рта сам собой: — А портрет Джозелин у вас есть?

Он побледнел.

— Простите меня, — она запнулась. — Я не хотела. — Что на нее нашло? Зачем она напомнила ему об этом? Она должна доказать свою незаменимость и устроить безопасную жизнь для себя и сестры. А вместо этого напоминает о том, что женщина, на которой она посоветовала ему жениться, умерла меньше, чем через год после их свадьбы.

— Нет. — ответил он тихо. — Я хотел сделать портрет, но не успел. — Он не рассердился, что и встревожило и успокоило ее одновременно. Казалось, ему хотелось говорить о Джозелин. — Зачем ты сказала мне, что я буду счастлив?

Она чувствовала себя загнанной в угол. Ну почему они отошли от обсуждения портретов и ступили на эту зыбкую почву? Если он не до конца поверит в ее способность предсказывать будущее, их с Амели вскоре могли выставить за ворота замка.

Мысли метались. — У меня было лишь одно видение, — ответила она. — Я видела этот замок вскоре после вашей свадьбы. Ты был в большом холле внизу, и я отчетливо видела твое лицо. Ты был счастлив.

Это показалось ей безопасным ответом.

Антон выглядел так, будто получил удар под дых. Селин поняла, что если у неё осталась хоть крупица здравомыслия, ей следует немедленно сменить тему. Но исподволь из её уст вырвался вопрос: — Как она умерла?

— Я убил ее, — ответил он тихо, почти неслышно. Селин похолодела. Чувство самосохранения требовало, чтобы она как можно быстрее покинула эту пустынную залу.

Антон заговорил как в лихорадке, словно в ответ на её безумную вспышку. Слова полились из него, слова, которые, по её мнению, не должны были выходить наружу.

— Ты права, мы были счастливы. Я никогда не был так счастлив... Я мог говорить с ней. Я больше не был одинок. — Слова были тихими и обрывистыми. — Через два месяца после свадьбы она сказала мне, что ждёт ребенка. После этого, казалось, даже мой отец принял ее. Мы обустроивали детскую, и я думал, что все грядущие годы проведу с ней, наблюдая, как растёт наш ребёнок.

Тревожные колокола зазвонили в голове Селин. Она точно знала, что будет дальше. Антон, похоже, слишком долго держал в себе эту тайну. Он не мог поделиться ни с Яромиром, ни с леди Кариной. Для них он играл роль даровитого принца. И сейчас готов был рассказать всё любому человеку, который выслушает и сможет понять. Его голос был полон боли, он не смог бы остановиться, даже если бы захотел.

Но что дальше? Не устыдится ли гордый княжич того, что обнажил свою душу? А вдруг после такого он не сможет смотреть на свидетельницу своей несдержанности?

— Милорд, — попыталась вмешаться она.

Но он, казалось, не слышал и продолжал говорить тихим голосом. — Когда подошёл срок родов, радовался весь замок. Пришла повитуха, и сначала казалось, что всё идёт хорошо. Но время шло, час за часом. Они даже не позволяли мне видеть её. Долго, слишком долго я стоял под дверью и слушал крики.

Селин хотелось закрыть глаза. Он может никогда не простить ей того, что она слышала.

— Вдруг крики смолкли. Я велел открыть дверь. Она была мертва, ребёнок был мертв, а кровать вся в крови. Это я убил Джозелин.

Сквозь слёзы Селин прошептала: — Антон.

Она знала, что должна была называть его «милорд» или «княжич», но сейчас церемонии вылетели у Селин из головы.

— Потом я тоже хотел умереть. — Он посмотрел ей в лицо. — Сначала я винил тебя, думал, что ты солгала мне. Но это прошло, и потом я узнал достаточно, чтобы винить себя.

Это невозможно. С тех пор, как пять лет назад он вышел за двери магазина, она ни разу не думала о нём.

— Я хотел умереть, но пришла Карина, а потом я нашёл Яромира. Я остался жить, проживая каждый день как убийца.

— Ты не убивал Джозелин, — сказала Селин, послав осторожность ко всем чертям. — Мужчины умирают на войне, а женщины умирают при родах. Такова жизнь. Вся наша жизнь — это риск, и она хотела ребёнка так же сильно, как и ты.

Он пристально смотрел на неё. В этот миг тревожный звон раздался снова.

Селин видела похоть на лицах мужчин достаточно часто, чтобы узнать. Во взгляде Антона она прочитала тоску, одиночество и голод. Он протянул бледную худую руку и хотел прикоснуться к девушке. Селин ужаснулась своим мыслям, потому что была не против этого прикосновения. Она была почти уверена, что с момента смерти Джозелин он не прикасался к женщине ... и вот... он тянется к ней.

Колокола зашлись тревожным криком. Разум подсказывал, что это ошибка. Мужчины высокого происхождения часто меняют фавориток. Страсть быстро воспламеняется и также быстро остывает. И, как только это происходит, мужчина стремится как можно скорее избавиться от бывшей возлюбленной, отправив её прочь.

Селин хотела быть его провидицей, его деревенской лекаршей, но не фавориткой. Часть её желала почувствовать его руку на своей щеке, как она опускается вниз по шее... Но она не собиралась рисковать своим будущим из-за нескольких недель удовольствия.

Сделав шаг назад, она сказала: — Мне нужно идти проведать Амели. Она почти не спала прошлой ночью. Вы с Яромиром должны решить, что мы будем делать дальше. Возможно, мы можем рассказать некоторым родителям и девушкам, что я делаю здесь на самом деле.

Антон моргнул и его рука упала. Несколько секунд лицо его было растерянным. Потом все следы тоски исчезли из его глаз. Надменный принц вернулся.

— Очень хорошо, — сказал он. — Я поговорю с Яромиром.

Развернувшись, она быстро пошла к лестнице, бросив последний взгляд на портрет черноволосой женщины у костра.

Глава 8

Следующие несколько дней прошли как в тумане.

Селин так и не смогла открыть правду сестре. Она сожалела, но ничего не могла с собой поделать. В конце-концов она поведала более-менее правдоподобную историю. Вроде как она, желая выглядеть полезной, указала на Сибил как на следующую жертву, а все дальнейшие события — лишь совпадения.

Амели решила, что это дурацкий план — просто гадать и стараться выглядеть полезными. Надо что-то предпринять. Но пока ничего путного никто из них не смог придумать.

Селин поразились, с какой быстротой она привыкла к жизни в замке. Леди Карина была настолько добра, что прислала ещё одежды. Теперь у сестёр были платья, чистые сорочки, чулки и даже пара темных бридж для Амели.

Хельга продолжала заботиться о них. Каждый день она приносила завтрак в комнату и разводила огонь, застилала кровать и чистила одежду. На обед они спускались в трапезную, где слуги организовали модный нынче «шведский стол». Здесь традиционно проходил и ужин за большими столами. Кормили прекрасно: мясом, овощами, белым хлебом, ранней весенней клубникой и вином каждый вечер.

У Селин не было других занятий, кроме как предсказывать будущее для всех молодых женщин, которых Яромир к ней присылал. Амели проводила большую часть своего времени, играя в карты с дежурившими солдатами. Сёстры жили как свободные леди.

Но Селин не покидало чувство, что эти спокойные дни — затишье перед бурей. Что-то надвигалось. Яромир, очевидно, кое-кому рассказал о том, зачем здесь провидица. В замок стали приходить не приближённые ко двору девушки со своими семьями. Их пока было немного. Селин боялась повторения жуткого видения, но сеансы проходили спокойно.

Антон после встречи в портретном зале держался на расстоянии. Однако на четвёртый день она и Амели получили приглашения на банкет, который должен был состояться следующей ночью. В записке он ясно дал понять, что отказ будет воспринят как оскорбление.

Накануне торжественного ужина повара и слуги замка суетились с приготовлениями.

Собираясь на банкет, Селин раздумывала о том, что снова будет на виду весь вечер.

Княжич и его начальник охраны будут пристально следить за ней и ожидать результатов. Яромир становится все более беспокойным, ему не терпится действовать.

Благодаря леди Карине гардероб сестёр постоянно пополнялся. Задумчиво перебирая платья, она остановила свой выбор на том, что было из мягкой шерсти цвета лаванды. Овальный вырез и прямая юбка подчёркивали фигуру девушки, а цвет оттенял глаза.

Придирчиво оглядев себя в зеркале, в сознании Селин мелькнуло, как Антон смотрел на

неё в портретном зале. Жаль, что нельзя одеть своё старое красное платье. Пусть оно потёртое и выглядит похуже, зато она чувствовала бы себя привычно... и могла бы сосредоточиться на главной цели.

— Селин, что ты на самом деле думаешь? — Спросила Амели, натягивая сапоги. — Убийство девушек я имею в виду. Мне кажется, кто-то хочет опозорить Антона. Но я разговаривала с солдатами, и все они показались мне преданными.

Селин отвернулась от зеркала.

— Ты разговаривала с солдатами? Пыталась получить информацию?

— А что я по-твоему делала? Развлекалась картами?

На самом деле Селин именно так и думала.

Она вспомнила чёрные перчатки и то, как тело Сибил превращалось в мумию. Это не похоже на обычное убийство. Она вспомнила слова Антона про «что-то более загадочное». Ещё он упоминал яд. То, что она увидела в той комнате, было не похоже ни на один яд: плоть не усыхает так быстро. Но это не значит, что такого не может быть.

— Я расспросила и служанок, но никто не знает о секретных ходах в замке, — продолжала Амели, — даже Хельга. Я думаю, она сказала бы мне.

— Тайные ходы?

— А как ещё убийца мог попасть в комнату? Мне не удалось её обыскать.

Селин уставилась на неё.

— Почему ты не можешь просто спросить у Яромира разрешения?

— Что? Он выяснит? Он разрешит? Нет, дорогая, мы должны решить это сами, и заставить поверить всех в то, что мы «провидицы» в самом деле.

Селин отвернулась.

— Мы опаздываем, — сказала она, осознав, что спустились сумерки.

Они вышли в коридор. Мысли Селин бурлили. Что, если Амели была права? Что, если убийца просто пытается опорочить Антона? Серия смертей красивых незамужних девушек, которые он не может остановить — идеальный способ дискредитировать уважаемого лидера.

— Ты помнишь, Павел говорил что-то странное за столом на последнем банкете? — спросила Селин.

— Нет, а что он сказал?

— Что Дамек станет лучшим великим князем, хотя Павел и не служил под его началом. Мол, Антон слишком добр... или, скорее, Дамек более твёрдый человек, и поэтому лучше подготовлен к обороне государства.

— Ничего себе! Ты предполагаешь, из-за этого преданный человек может работать против княжича? — Амели покачала головой. — Тогда можно подозревать кого угодно.

Щёки Селин покрылись румянцем стыда. Амели активно ищет подозреваемых, допрашивает солдат и служанок замка, в то время как она погрязла в жалости к себе. Она преследует тень, попутно беспокоясь о том, что этим она может ускорить убийства. Нет, хватит.

— Мы должны составить список всех, кто осуждает Антона за мягкость, — прошептала она, когда они спускались по лестнице.

Амели кивнула. — Я посмотрю, что смогу узнать.

Их обсуждение прервались, когда они вошли в большой зал.

Как и в прошлый раз, он был переполнен разнообразными гостями. Но теперь уже все

знали о причинах присутствия некоторых приглашённых. Больше половины гостей украдкой взглянули на Селин, когда она вошла. Остальные предпочитали делать вид, что ничего не происходит.

Едва ли она могла их винить.

На последнем банкете она предсказывала будущее прекрасной молодой женщине, которая через несколько часов лежала мёртвой на столе в подвале.

Антон стоял в верхней части зала на возвышении в своём обычном окружении. Леди Карина улыбнулась, встретившись с Селин глазами, и девушка улыбнулась в ответ. Антон как и в прошлый раз задержал свой взгляд на Селин и её лавандовом платье, и леди Карина это заметила. Через секунду или две он отвернулся.

Мастер Фёдор был в своей обычной чёрной шёлковой тунике. Он быстро осушил большой кубок вина и приказал слуге налить ему ещё. Что-то беспокоило его? Или он всегда так много пьёт?

Инна порхала возле Антона.

Мрачный Яромир снова был одет в кольчугу вместе с накидкой и мечом. Он выглядел так, будто готов пнуть котёнка через весь зал. Селин захотелось держаться подальше от него всю оставшуюся часть вечера. Даже верный волкодав держался на своём месте у огня, а не рядом с ним.

— Мне нравится это платье, — кто-то дотронулся до плеча Селин. Она обернулась и увидела капрала Павла, возвышающегося над ней и Амели. Его знакомое лицо и стриженные тёмные волосы были очень кстати. Похоже, он был слегка пьян. Но это было ей знакомо: обычный мужчина с предсказуемыми желаниями. С таким справиться немудрено.

— Спасибо, — улыбнулась Селин. — Это всё Леди Карина. Теперь наш гардероб заполнен платьями. А у неё хороший вкус!

— Я не видела тебя несколько дней, — сказала ему Амели. — Где ты был?

Он замялся. — Господин счёл нужным поставить меня на ночные часы у нижних ворот. Но сегодня не моя смена.

Селин подавила желание скривить лицо. Антон велел Павлу торчать в ночное дежурство у внешних ворот? Из-за неё?

Так или иначе это, похоже, не смущало бравого капрала. Пробил гонг на ужин, и он галантно предложил ей руку.

— Прошу вас, поужинайте со мной, — Павел почтительно склонил голову.

— С удовольствием, сударь, — она взяла его под руку.

Как только ужин подошёл к концу, Яромир не стал терять времени. Когда Селин устроилась в своём кресле возле очага, он практически приказал барону Медеву пойти за своей младшей дочерью. Начальник охраны не хотел больше притворяться, что предсказания — всего лишь невинные развлечения для дам. Не после смерти Сибил.

С одной стороны, всё стало проще. Теперь можно было без утайки отдавать необходимые распоряжения. С другой стороны, такая публичность сулила свои сложности. Ведь убийца тоже мог узнать, что охота за ним началась. На этот случай у Яромира был план. Пусть только Селин определит следующую жертву, назовёт очередное имя.

Дочь Барона Медева подошла и села напротив Селин. Девушка выглядела испуганной. Селин неторопливо взяла её руку, тихим голосом произнесла слова ободрения.

В эту минуту Яромир не мог не любоваться Селин. В своём деле она была хороша.

У него было ощущение, что это будет долгая ночь. И Яромир надеялся, что не

бесплодная. Сегодня присутствовало много дочерей младших дворян и местных торговцев, но где гарантия, что следующая жертва была здесь, среди них? В деревне предостаточно хороших молодых женщин.

Всё, что ему оставалось — наблюдать за Селин и не мешать её работе.

Его взгляд переместился к Амели. Это часто случалось, когда она была в непосредственной близости. Эта маленькая бестия завела друзей среди его людей и заслужила репутацию хорошего карточного игрока.

Сейчас она сидела на скамейке, ожидая нескольких солдат, готовых присоединиться и начать игру. Всё та же выцветшая рубашка и куртка были на ней. Однако бриджи сегодня были хорошо вычищены, а волосы сияли при свете свечей. Ему нравилось, как они качаются вдоль её лица при каждом движении.

Краем глаза он поймал блеск синего сапфирового шелка, и повернул голову. Бриджит наблюдала за ним. Яромир не разговаривал с ней и не звал к себе в покои с той ночи, когда была убита Сибил. Бывшая пассия отослала ему несколько сочувственных записок по поводу «происшествия», но ответа не получила. Кажется, она начала подозревать, что не расследование убийства мешают их встречам. А теперь она заметила его интерес к Амели.

Выражение лица Бриджит было неприятным. Но как только их взгляды встретились, она улыбнулась и шутливо поклонилась. Яромир кивнул и отвернулся: он не хотел поощрять Бриджит подойти к нему. Не сегодня.

Спустя несколько мгновений он снова посмотрел в сторону Бриджит, и не обнаружил её в том же месте. Каково же было его потрясение, когда он обнаружил Бриджит... мирно беседующей с Амели. Что же делать? Нельзя было оставлять Селин без присмотра. Тогда он постарался незаметно встать за спиной Бриджит так, чтобы слышать их разговор с Амели.

Бриджит со своим красивым лицом и изящными туалетами одним своим видом приводила большинство женщин в смятение, но Амели буквально посерела.

— Я полагаю, ты научилась играть в карты в той дыре, откуда вы пришли? — спросила Бриджит. — Где это?

— Шетана, — коротко ответила Амели.

— О да, это одна из грязевых ям Дамека. Наверняка вы жили на ферме. Там были свиньи? Я слышала, что почти все крестьяне Дамека разводят свиней.

Её манера общения была царственно вежлива, но откровенно жестока. Яромир не мог поверить своим ушам. Он знал, что Бриджит может быть высокомерной. Ему даже нравилась эта её сторона, так как она напомнила ему, как высоко он поднялся. Но он и предположить не мог, что она может быть такой бесчеловечной. Она намеренно пыталась заставить Амели почувствовать себя ничтожной. Со всем своим воинским мастерством она понятия не имела, как защититься от кого-то вроде Бриджит.

— Нет, — сказала Амели. — У нас был магазин.

Солдаты возле неё опускали глаза: им было неловко.

— О, магазин! — сказала Бриджит. — Как мило. Значит, свиней размещали на заднем дворе. Иначе как ты можешь объяснить эту жуткую манеру одеваться? — Она кивнула на одежду Амели.

— Бриджит! — Яромир не выдержал.

Когда Амели заметила его, её посеревшее лицо стало розовым.

Бриджит, напротив, побледнела.

— О, лейтенант, я не слышала, как вы подошли.

— Видимо нет, — холодно ответил он. — Почему бы тебе не пойти и поговорить с леди Кариной?

Она застыла от его отповеди, но попыталась улыбнуться:

— Конечно.

Юбки сапфирового платья красиво всколыхнулись, и Бриджит удалилась. Яромир знал, что извиняться за неё бесполезно, потому сказал только: — Я продолжу присматривать за твоей сестрой.

Она кивнула. Он видел, что, несмотря на внешнюю невозмутимость, Амели лихорадочно пытается придумать подобающий отпор в этой безобразной сцене.

Подходя к Селин, он чувствовал неловкость за слова своей любовницы. И ему сильно хотелось как-то взять их обратно.

** *

После предсказаний для шести молодых леди улыбка и успокаивающие заверения начали утомлять Селин. К тому же Яромир расхаживал по каменному полу как неприкаянный волк, наблюдая за каждым её движением. Когда она качала головой после очередного бесполезного предсказания, он становился всё более угрюмым.

Здесь он не мог помочь.

В очередной раз Селин подняла глаза и увидела перед собой молодую женщину лет восемнадцати. Она была высокой, крепкого телосложения. Русые косы спадали на плечи. Сразу можно было догадаться, что перед Селин девушка не из дворян. Никакого шёлка, сатина или тонкой шерсти. Простое, хорошо сшитое платье из окрашенного хлопка было на ней. Лицо из обычных, но голубые глаза очень яркие. И явно настроена поговорить с Селин.

— Я думаю, я следующая, — сказала она. — Меня зовут Эрин.

— Подойди и присядь, — предложила Селин, вымученно улыбнувшись.

К её удивлению, молодая женщина схватила стул и подвинула его ближе к провидице. Когда Эрин села, их колени соприкоснулись. Она наклонилась вперёд и прошептала:

— Меня не волнуют убийства. Я хочу узнать кое-что ещё.

Несмотря на усталость, интерес девушки передался Селин.

— Я помолвлена, — быстро сказала Эрин.

Тут не было ничего интересного. Вполне соответствует её возрасту. Да большинство девушек к восемнадцати годам были уже замужем.

Лицо, похоже, выдало её мысли, потому что Эрин махнула рукой.

— Нет, я не хочу историй о красивом рыцаре. Я знаю своего суженого с тех пор, как нам исполнилось десять. Сесил хороший человек.

— Тогда что ты хочешь знать?

Эрин понизила голос.

— Мне нужно знать, рожу ли я ему сына. Моя мать смогла подарить моему отцу только одного ребенка — меня. Сесил единственный сын в семье. У них нет другого наследника мужского пола и они хотят гарантировано внука-мужчину. У его родителей есть сомнения по поводу его женитьбы на мне. Я могу оказаться не лучше матери. — Она выпрямилась. — Не хочу всю жизнь терпеть их обвинительные взгляды и слова. Ты можешь заглянуть в моё будущее и сказать, рожу ли я сына?

Селин заколебалась. Это был очень конкретный вопрос, значит, и ответ должен содержать точные детали. По правде говоря, она вообще сомневалась, что счастье молодой женщины должно зависеть от радости родителей её суженого.

Эрин подалась ещё вперед. Она была так близко, что Селин чувствовала её дыхание на своей щеке.

— Пожалуйста! Я люблю Сесила. И буду его женой. Но только если мы оба будем счастливы.

Эта причина показалась более значимой, чем первая.

— Вот, — сказала Эрин, протягивая руку. — Я принесла кое-что личное. Это наши волосы.

На ладонь Селин легли два локона: морковно-рыжий и русый.

Селин поджала губы, соображая, как поступить. Вряд ли можно отказаться гадать. Как можно справиться, не давая ложных обещаний не разочаровав? Взяв обе пряди волос в одну руку, другую протянула Эрин и закрыла глаза. Она по привычке собиралась притвориться, что почувствовала первый толчок... и тут в самом деле его почувствовала. После удара она понеслась вниз по туманному коридору.

О нет, только не эта девушка. Мучительный страх и тоска затопила мысли Селин. Туман исчез, и она обнаружила, что стоит в залитой солнцем спальне возле открытого окна. Раздался тяжёлый хрип, затем последовал краткий крик.

Влажная от пота, Эрин лежала на кровати в присутствии акушерки. Она рожала.

— Хорошо, — сказала акушерка, сама вытирая мокрый лоб. — Еще разок напрягись. Он уже почти здесь.

Эрин выгнулась, скрипя зубами и тяжело дыша. Ребёнок выскользнул прямо на руки акушерки.

Селин смотрела, чем бы она могла помочь. Она принимала роды в Шетане и знала все обязанности: от перерезания пуповины и мытья ребенка до наблюдения, что вся плацента вышла, и массажирующая живота роженицы. Всё должно делаться быстро и аккуратно. Здесь, кажется, всё в порядке.

— С ребенком всё хорошо? — Эрин тяжело дышала.

Ребёнок начал плакать, и акушерка принесла его подержать.

— Здоровый мальчик, — сказала она.

Родильная комната резко исчезла.

Селин мгновенно очутилась в большом зале с широко открытыми глазами. Яромир стоял позади стула Эрин, словно готовый к прыжку. Она поспешила дать знак, что тревога отменяется. Он нахмурился и остался стоять на месте.

— Что? — спросил Эрин с тревогой. — Что ты видела?

— Я видела, как ты лежала в родильной комнате, — без колебаний ответила Селин. — У тебя здоровый сын.

Эрин откинулась назад и вдохнула через рот.

— Спасибо, — прошептала она с облегчением.

А Селин всё ещё была напугана. Она только что видела будущее, которое не связано с ужасом или смертью. Эта девушка задала ей вопрос, она сосредоточилась на ответе... и она увидела его!

Эрин встала. — Если я могу что-то сделать для вас, пожалуйста, только скажите. Мой отец — деревенский кузнец.

Затем она ушла, поспешив к молодому человеку с рыжими волосами. Сжимая его руку, она шептала ему на ухо, а он широко улыбался.

— Что это было? — тихо рыкнул Яромир, подходя поближе.

— Я видела её будущее. Она не станет следующей жертвой.

Он провел рукой по лицу.

— Ну тогда кто? Мне нужно знать, Селин. Пойду приведу ещё одну девушку.

Взгляд Селин упал на Антона, а затем на Инну, вертящуюся возле него.

— Лейтенант... — начала она, — сколько лет Инне?

— Инне? — повторил он с удивлением. — Я не знаю. Восемнадцать или около того, я думаю. Почему ты спрашиваешь?

— Некоторые мужчины могут счесть её красивой, и я её не смотрела.

Он последовал за взглядом Селин. Наблюдая за его лицом, провидица почти видела, как шевелятся извилины под его черепом.

— Я не думаю, что она следующая жертва. На самом деле, я даже подумал... — он замолчал.

— Интересно, что?

— Нет, ты права. Ты должна погадать ей. — Он, видимо, решился. — И скажи мне всё, что увидишь, даже если она вне опасности.

Селин понятия не имела, почему он так долго раздумывал, когда дело дошло до Инны.

— Я думаю, сначала надо подойти к Антону и попросить его. Иначе она не согласится.

Он взглянул на неё и кивнул. — Я быстро.

Селин была готова к отпору, но последовавшая неприятная сцена удивила её. Яромир пошёл прямо к Антону и заговорил ему на ухо. Брови Антона ненадолго поднялись, завязался короткий разговор. Наконец, Антон повернулся к Инне и заговорил с ней.

Её черты скривились. — Нет! — закричала она.

Почти все в зале повернулись в их сторону. Антон казался ошеломлённым и смущённым. Он наклонился ближе, говоря более решительно. Инна отрицательно качала головой, пока он не схватил её за руку и не потащил к очагу.

— Нет! — Снова закричала Инна. — Мой господин, отпусти меня.

Он даже не замедлился. Яромир следовал за ним, предпочитая не встречать.

Все смотрели на них, Селин была ошарашена. Неужели Антон не мог придумать, как повернуть это более пристойно? Инна выглядела, как разъярённый агнец, которого ведут на бойню. Это вряд ли добавит к Антону доверия людей, которые привели своих дочерей к провидице.

Вскоре Антон стоял прямо перед ней, всё ещё сжимая руку Инны.

— Садись, — приказал он.

— Мой господин, — прошептала Селин, — это вряд ли так необходимо.

Княжич проигнорировал её и пристально взглянул на Инну.

— Садись, — повторил он.

Тут Селин подумала, что при всей его доброте и заботе о своих людях он привык к тому, что ему повинуются. Когда ему отказали, он отреагировал как и любой другой военачальник. Это была информация, которую нужно запомнить.

Лицо Инны было диким. Она разрывалась между страхом, гневом и болью отказа ему. Понимая, что он не смягчится, она изменила тактику и начала умолять:

— Пожалуйста, мой господин, не заставляй меня делать это. Я не могу терпеть такое унижение.

Он продолжал стоять там, как камень.

— Инна, — сказала Селин с искренней жалостью. — Всё в порядке. Я обещаю, это не

займёт много времени.

Инна сверкнула взглядом, полным ненависти.

— Не разговаривай со мной.

— Садись, — приказал Антон, — и прекрати вести себя по-идиотски.

Он смотрел, как Инна опустилась на стул.

Селин вздохнула: — Инна, я должна коснуться твоей руки.

Она уже сожалела, что предложила это. В зале было тихо, и Антон обернулся.

— Музыканты, — сказал он, — сыграйте что-нибудь весёлое.

Этот жуткий приказ был последней вишенкой на торте её самообладания, и Селин пристально посмотрела на него.

— Это ты должен прекратить валять дурака! — с гневом прошептала она.

Возможно, он дёрнулся, но она не была уверена.

— Инна, — сказал он, — дай ей свою руку.

Враждебность на лице Инны была такой трогательной, что Селин замешкалась. Но она должна была это сделать. Протянув руку, она сжала пальцы левой руки Инны и закрыла глаза. Она отпустила свой разум, пытаясь забыть Антона и Яромира, стоящих рядом, словно часовые. Она сосредоточилась только на Инне... на том, что должно было произойти.

Тяжёлый толчок ударил её, затем другой. Большой зал исчез, она оказалась окутана белым туманом. Селин устремляясь вперёд, слепая и бестелесная, пока туман не исчез. Она очутилась в маленькой затемнённой спальне.

Почему всегда спальни?

Селин огляделась. Инна лежала под белым одеялом. Во сне она выглядела моложе, лицо было так спокойно. П охватила Селин... слишком знакомо.

— Инна, проснись! — позвала она, но Инна не могла её услышать. Селин там не было.

Стройные руки в чёрных перчатках появились в поле зрения, медленно двигаясь в сторону кровати. Селин задохнулась.

Чёрные перчатки продолжали двигаться. Одна из них остановилась на лице Инны, а другая на горле. Как и в прошлый раз руки не делали никаких движений, но плоть на щеке Инны начинала пульсировать... а потом сморщиваться.

Лицо постепенно вяло, проваливалось внутрь, пока не стало похоже на высушенную шелуху. Под конец чёрные перчатки сильнее прижались к коже, и тело Инны совсем сжалось под одеялом.

Селин плакала, рыдая в голос.

— Вернись! — приказал кто-то.

Полутёмная комната исчезла. Она оказалась в руках Антона, и первое, что увидели её глаза, был его бледный подбородок. Он держал ее за плечи. Хотя голос был суровым, было заметно его волнение. Он снова повторил:

— Селин, вернись.

Не думая ни о чём, она наклонилась, прижимая лицо к его плечу.

— Это Инна, — задыхалась она. — Инна следующая.

* * *

В течение часа Яромир подготовил небольшую комнату без окон. Прямо по коридору располагались его собственные покои. В этот раз всё должно пойти по-другому. Возле двери кроме него самого поставили Павла и двух гвардейцев, Рюрика и Уиншоу. Это были доверенные люди.

— Дверь не закрывать! — приказал он. — Мы будем дежурить по два человека в трёхчасовые смены, чтобы никто не устал. Просто встаньте в дверном проеме и не спускайте глаз с неё, пока она спит. Не отвлекайтесь ни на секунду, понятно?

— Да, сэр, — ответили его люди в унисон.

Здесь всё было под контролем.

А вот в комнате тем временем царил хаос. Инна была сильно обескуражена тем, что произошло. Она ходила по комнате взад-вперёд. Казалось, что она не поверила в то, что она следующая жертва. В это время она обычно следила за тем, как расстилали постельное бельё в покоях княжича, расставляли закуски и бокалы с вином для вечернего перекуса. Сам Антон уже ушел отдыхать, оставив распоряжения Яромиру.

Молодая женщина была почти в истерике.

— Пожалуйста, пожалуйста, — умоляла Инна, — вы должны отпустить меня! Моему господину нужно, чтобы я присутствовал на его вечерних приготовлениях.

У Амели почти не осталось терпения. Она была близка к тому, чтобы хорошенько стукнуть молодую женщину до бесчувствия. И Яромир, кажется, не возражал.

Селин, обычно спокойная и рассудительная, после кошмарного видения вознамерилась спорить с его стратегией. Она пришла к нему в третий раз.

— Лейтенант, вы должны понимать, что это не сработает, — настаивала она. — Поместив её в эту комнату, вы подписываете ей смертный приговор. Если хотите сохранить ей жизнь, выведите за городские ворота. Пусть она будет подальше отсюда, там, где убийца не сможет добраться до неё.

Она настаивала на этом сразу же после того, как напорочила Инне гибель от незнакомца в чёрных перчатках. Яромир не собирался рассказывать Селин неблагоприятную правду: Инна ему нужна для приманки. Сначала он просто проигнорировал просьбы, но теперь рядом находились его люди.

— Госпожа Фоу, — тихо сказал он, отведя ее в сторону, — я не просто пытаюсь спасти Инну. Я пытаюсь поймать убийцу. Вам нужно довериться мне. Вернитесь в свою комнату.

— Но, лейтенант, вы не можете просто...

— Сейчас же! — Он заглянул в комнату. — Амели, пожалуйста, отведи свою сестру в её комнату.

Он понятия не имел, как отреагирует Амели, поскольку она никогда не стремилась следовать его приказам. Но она, похоже, с облегчением вспорхнула, схватив руку сестры.

— Давай, Селин.

— Амели, мы не можем оставить её в таком состоянии!

— Вам нужно сопровождение? — спросил Яромир, не скрывая угрозу в голосе.

— Нет, — ответила Амели, волоча Селин дальше.

Яромир пожалел, что был так суров. Но он понимал, что надо сосредоточиться на выполнении задачи, и вернулся к двери комнаты.

— Инна, ты можешь спать в одежде. Я не закрою дверь ни на минуту.

Она посмотрела на него пустыми глазами, но не стала спорить. Видимо, до неё стала доходить реальность происходящего.

— Сэр, — сказал Павел, — мы с Рюриком можем взять первую смену. Так вы сможете поспать несколько часов. Последнее нападение произошло во второй половине ночи. Если вы и Уиншоу возьмёте дежурство через три часа, то скорее всего встретитесь с злоумышленником. — Он помолчал. — К тому же я был в ночном дозоре на этой неделе, и я

выспался.

Яромир и мысли не допускал просто лечь спать, но слова Павла имели смысл. Яромир доверял этим троим, а через три часа он может потерять бдительность, если не отдохнёт.

— Хорошо. — Он кивнул. — Разбудите меня в три часа. Знайте, мои апартаменты находятся в пределах слышимости. — Он повернулся, чтобы посмотреть в комнату. — Не спускайте с неё глаз... Я имею в виду, что хотя бы один из вас должен будет присматривать за ней, даже если она вздумает воспользоваться горшком. Ясно?

— Да, сэр.

Не желая уходить, он всё же направился по коридору к своим комнатам. Павел прав, он будет в лучшей форме, если отдохнёт в течение нескольких часов. Но как только Яромир остался один в своей комнате и достаточно расслабился, сомнения вновь охватили его. Не было никакой гарантии, что убийца нанесёт удар сегодня ночью. Это ночное бдение может затянуться. Хочется думать, что его люди будут бдительны и через неделю.

А что произойдёт, когда убийца поймёт, что не сможет атаковать Инну? Выберет другую жертву? Нет, Яромир должен верить в пророчество Селин. Это всё, что у него есть.

Он провёл рукой по подбородку и попытался вспомнить, когда в последний раз брился. Его в прошлом аккуратная борода превратилась в бороду. Но Яромир слишком устал, чтобы заботиться об этом.

Раздался стук в дверь.

Вздыхнув, он пошел открывать. Может, Павел или Рюрик забыли что-нибудь.

Но это была Бриджит, на которой из одежды не было ничего, кроме шёлкового халата с полуразвязанным поясом. Она шла от своей комнаты в таком виде? Её золотисто-рыжие волосы были свободно распущены. Его глаза скользнули по лицу, затем двинулись вниз по горлу до ложбинки между грудями. Он помнил, что её тело было чувственным и мягким.

— Боюсь, я обидела тебя сегодня, — улыбнулась она. — Если так, я пришла извиниться.

То, что Бриджит пришла сама, должно быть унижительно для её достоинства. Ведь он не отвечал на записки и не звал к себе. Она была замужем за одним из богатейших торговцев шёлком в провинции, а теперь делила постель с бывшим наёмником.

Мысли Яромира были противоречивы. С одной стороны, он помнил о её жестокости к Амели, отчего появлялось желание послать подальше эту женщину. С другой стороны, Яромир так устал, ему просто необходимо переключиться. Они всегда друг друга в этом выручали.

Отступив назад, он придержал дверь. Бриджит вошла, не скрывая торжествующую улыбку. К тому моменту, когда он закрыл дверь и обернулся, женщина развязала пояс и позволила своему халату упасть на пол.

Яромир не сдержал резкий вдох. Её кожа была безупречна. Взгляд его перемещается с высоко посаженных грудей на маленький треугольник красного золота между бёдер. И вот он уже идёт к этому манящему телу, обхватывает одной рукой спину, а другую руку запускает между её ног.

Бриджит ахнула и быстро проговорила:

— Не снимай броню.

Яромир знал, что ей нравится близость с солдатом и никогда раньше не возражал. Но сейчас эта фраза подействовала отрезвляюще. Он не знал почему. Притянув её ближе, он прижал свой язык к её рту и стал ждать ответа от своего тела.

Но тут в сознании стали снова и снова всплывать резкие слова:

«Наверняка вы жили на ферме. Там были свиньи? Я слышала, что почти все крестьяне Дамека разводят свиней.»

Жёсткий тон эхом отдавался в его ушах.

Скользя рукой по спине, он припал к её груди словно готовый выпить, целовал всё настойчивее, готовясь к возбуждению.

Это не сработало.

«О, магазин! Как мило. Значит, свиней размещали на заднем дворе.»

Он остановился. Потом ещё раз поцеловал её.

И снова ничего. При всей красоте, воспоминания о её попытке повредить Амели вьелись в его мозг.

— Что? — спросила она.

Он поднял халат и протянул ей.

— Я устал. Вернитесь к себе.

— Яромир?

Он видел, как с её губ готовы сорваться тысячи вопросов. И надеялся, что она не станет спрашивать. Он слишком устал, чтобы лгать ей сегодня вечером. Однажды сказанные слова нельзя вернуть обратно. Это великая трагедия жизни. Слова никогда не могут быть взяты назад.

Она, похоже, тоже это поняла. Хладнокровно улыбаясь, она взяла протянутый халат.

— Конечно. Тебе нужно только позвать, и я приду.

Повязав пояс, она изящно вышла.

Яромир постоял, глядя на закрывшуюся дверь. Он не думал, что снова когда-нибудь позовёт её.

Амели не знала, что делать.

Она привела Селин обратно в их покои. Амели надеялась, что потрескивающий в камине огонь поможет сестре немного успокоиться. Но Селин продолжала дрожать, вышагивая по комнате.

— Он неправ, — продолжала она шептать. — Почему он этого не видит? Антон должен увезти её отсюда, но почему-то не хочет меня слушать. Он прислушивается только к своему лейтенанту.

— Селин! Что с тобой?

Амели никогда не видела свою сестру такой. И снова она подумала, что Селин ошибается. Инна не может быть следующей жертвой. В прошлый раз по случайности бедная девушка, которую она назвала, оказалась следующей жертвой. Естественно, такое не повторится. Такая стратегия не даст результатов.

Селин посмотрела на нее.

— Яромир ошибается, он просто убьёт Инну.

— Ты не можешь это знать. Ты что, начинаешь верить в свою игру?

Постояв ещё немного, Селин подошла к кровати и присела с краю.

— Подойди и посиди со мной. Мне нужно тебе кое-что сказать. Я должна была сказать раньше, но не знала, как это сделать.

Амели медленно подошла к сестре. Ей это не нравилось.

— Что?

Селин открыла рот и снова закрыла. Она действительно не знала, как это сказать.

— У нас никогда не было секретов друг от друга, — сказала Амели.

— Не было, — Селин снова помолчала. — Я видела будущее, когда гадала девушкам... действительно видела их будущее. Это началось еще дома, когда я предсказывала для Рианнон. Я видела Дамека, что он ложно обвинил жену в прелюбодеянии и приказал задушить. Я на самом деле видела, как Сибил умерла. Я видела, как руки в чёрных перчатках тянулись к её лицу и горлу. А сегодня я видела, что Инна тоже умрёт.

Амели застыла. — Нет. Я знаю, что мать могла предвидеть по-настоящему, но мы... мы живем своим умом.

Селин опустила глаза в пол и покачала головой.

— Я боялась сказать тебе. Волновалась, как ты всё это воспримешь. Но это правда. Я становлюсь похожей на мать. — Ее глаза устремились на сестру. — Это ничего не меняет. Даже может помочь нам. Я знаю, кто следующая жертва, потому что у меня есть истинное видение... или я думаю, что это так. — Её голос стал напряженным. — Но пока я не смогла изменить ничего из того, что видела! Яромир не прав, что держит Инну в замке. Она должна быть далеко отсюда.

Амели сидела по-прежнему застывшая. В их жизни всё было равновесно: Селин играла провидицу, а Амели заботилась о безопасности. Порой деньги, заработанные Селин, делали их партнерство чуть менее равным, но Амели упорно трудилась над своим вкладом. И они относились друг к другу как равные. А теперь Селин становится похожей на мать? Истинной провидицей?

— Это ничего не изменит, — настаивала Селин. — Но сегодня ты должна мне помочь.

— Как?

— Спасти Инну. Мы должны попытаться изменить будущее, которое я видела о ней.

Амели в замешательстве покачала головой.

— Спасти её? У нас не получится даже приблизиться к ней. Яромир поставил двоих вооруженных охранников возле двери.

Селин поднялась.

— Я смогу пробраться к ней. Когда мы возвращались сюда, я услышала, как Павел добровольно вызвался на первое дежурство. — Она шагнула к очагу. — Но сначала нам нужно спуститься в деревню и взломать аптеку.

— Зачем?

Селин обернулась.

— Я видела, что в саду с травами растут маки.

Глава 9

Селин понимала, что у неё только три часа. Как только на вахту выйдет Яромир, ничего предпринять уже не получится. Она чувствовала, что отведённые три часа почти истекли. Им потребовалось больше времени, чем она ожидала, чтобы спуститься в городок и проделать задуманное. Сёстры пробрались в лавку через окно. Пока Амели разводила костёр в доме, Селин собирала маки. Годились только молодые незрелые головки.

Потом Селин методично уваривала головки растений и готовила белый млечный сироп.

Она сознавала, что ставит под угрозу свои шансы когда-нибудь стать хозяйкой этой лавки, и эта мысль больно ранила её. Но жизнь Инны важнее. Селин была уверена, что Яромир ошибается, несмотря на все его благие намерения.

Вернувшись в замок, она и Амели поспешили в свою комнату. Хельга всегда оставляла кувшин холодного пряного чая и две кружки на туалетном столике на случай, если одной из них захочется пить ночью. Селин без колебаний налила в обе кружки чай и откупорила

флаконе, который принесла из городка.

— Как много ты собираешься использовать? — спросила Амели.

— Всё это.

Она разлила молочную субстанцию из склянки по кружкам.

— Всё это? — повторила Амели, глядя на неё.

— Нужно побыстрее погрузить их в сон.

Амели посмотрела на стул.

— Мы можем просто отломать у него ножку, и я уложу их спать.

— Обоих? Я сомневаюсь, что ты достанешь до головы Павла. К тому же, это даст Яромиру повод посадить тебя под замок, если он поймает нас.

— Ну разумеется, травить их намного лучше!

Странно, но даже после мучительного признания некоторые вещи между сёстрами остались неизменными. Они могли спорить, но всегда работали вместе. В Селин теплилась надежда, что со временем всё пойдёт по-прежнему.

— И как ты собираешься напоить их? — с усмешкой спросила Амели. — Используешь своё непревзойдённое обаяние?

— Это общая идея. Но нам нужно поторопиться. Если Яромир возьмёт вахту, у нас нет ни единого шанса. Даже если ты сама предложишь ему чай.

— Даже если я... — пробормотала Амели. — Что это значит?

— Давай, — сказала Селин. — Нам нужно идти.

Подхватив обе кружки, она направилась вниз по лестнице. Она прошла мимо большого зала и поднялась по ступеням, ведущим наверх в западную башню. Там располагались покои тех, кто постоянно проживал в замке.

Прежде чем сойти с лестничной площадки она остановилась, собираясь с духом.

— Тебе лучше остаться здесь, вне поля их зрения, — сказала она Амели, — я сама разберусь с первой частью плана.

Не дожидаясь ответа сестры, Селин пошла по коридору и увидела Павла перед нужной дверью.

Он тоже сразу заметил её приближение. Сначала на его лице отразилось удивление, а потом проблеск удовольствия. На ней всё ещё было лавандовое платье.

Селин не так уж много понимала в женских уловках, но здесь они были без надобности. Селин знала, что любой человек оценит искреннюю доброту и заботу. А расположение Павла к ней сделает всё остальное.

Когда она приблизилась, другой стражник тоже повернулся к ней... Как его зовут? Рюрик?

— Уже поздно, барышня, — сказал он.

Она ответила им усталой улыбкой.

— Я знаю. Просто в такую ночь не могу уснуть.

Протянув кружки, она произнесла:

— Вы стоите здесь уже несколько часов, и я подумала, что вас мучит жажда. Это просто холодный чай, в него добавлены пряности и немного молока. Хельга оставила нам его на ночь.

Рюрик колебался. Но Павел, видимо, был за главного здесь. Он сказал товарищу:

— Всё в порядке.

Селин удивила лёгкость, с которой оба потянулись к кружкам после этой фразы. При

обычных обстоятельствах Яромир без промедления принял бы чашку чая от симпатичной девицы, но не сегодня. Тем более не из рук Селин или Амели. Он точно заподозрил бы ловушку, и был бы прав.

Павел так обрадовался вниманию с её стороны, что она почувствовала укол вины.

— Пока тихо? — спросила она, заглядывая в комнату.

Инна, кажется, спала.

Он отпил чая и кивнул.

— Проходила леди лейтенанта, но больше мы никого не видели.

У Яромира есть дама? Вот так новость.

Она вежливо слушала, наблюдая за тем, как Павел делает ещё глоток.

— Хорошо, — сказала она. — Я всего лишь хотела проведать тебя и принести что-нибудь выпить.

Его лицо смягчилось при словах «проведать тебя», и Селин ощутила ещё один укол вины.

— В какое время вы завтракаете? — спросил он.

— не раньше десяти часов, — солгала она.

— Встретимся в обеденной зале.

Вообще они с Амели обычно завтракали в комнате. И Селин, конечно, не собиралась завтра встречаться с ним в трапезной. Однако она проворковала:

— Не сомневаюсь, но тебе сначала нужно будет поспать. Это нелёгкая ночь.

Он выглядел настолько ошеломлённым её заботой, что ничего не смог ответить.

— Вы оба, допивайте свой чай, — сказала она, — и я смогу забрать кружки. Они осушили посуду, залпом допив содержимое. С материнской заботой она забрала утварь и пожелала стражникам доброй ночи. Грациозно пройдя по коридору, она вышла на лестничную площадку и скрылась из поля зрения мужчин. Потом направилась к закутку, где пряталась Амели.

Сестра уставилась на неё и прошептала:

— Я наблюдала. Они вели себя перед тобой как несмышлёные мальчишки.

— Эта часть плана была лёгкой. Подожди, нам ещё предстоит вывести Инну из комнаты. Тебе придётся постараться, чтобы она вела себя тихо.

Амели изогнула одну бровь:

— Каковы наши дальнейшие действия?

— Я сама ещё толком не знаю, — прошептала Селин в ответ. — Возможно, тебе придётся украсть для нас пони и тележку. Мы увезём её как минимум на день из городка и найдём безопасное место. Ты будешь оставаться с ней, чтобы удерживать её. Но мне нельзя отсутствовать слишком долго, если я хочу помочь с поимкой убийцы. Я вернусь назад и объясню Антону, для чего мы это сделали, и что я всё ещё желаю продолжать искать сведения об убийце... Но я не позволяю Яромиру использовать девушек как приманку. Я против этого.

— Я не знаю, Селин. Это означает, что тебе придётся быть в пути, по меньшей мере, целый день, чтобы самостоятельно вернуться обратно.

— Ладно, давай для начала вывезем Инну за город и тогда решим, что делать дальше.

Вздыхнув, Амели спросила:

— Как скоро Павел и Рюрик уснут?

— Не знаю. Я раньше никому не подмешивала снотворное.

Хотя Амели ничего не говорила Селин, но она сомневалась, что всё пройдёт гладко. Во-первых, Павел и Рюрик не упадут замертво в тот же момент. Во-вторых, она сомневалась, что это вообще произойдёт.

Она согласна с мнением Селин. Если Инна действительно следующая жертва, то её следует увезти от опасности так далеко, насколько это возможно. Но Амели не хотела рисковать своим будущим ради такого человека, как Инна.

Казалось, что Селин движет что-то ещё. Вероятно, она хотела доказать себе, что может изменить роковое пророчество.

Амели пряталась на лестничной площадке вместе с Селин, слушая и наблюдая. Всё было тихо. Понимая, что ночь предстоит «весёлая», она проверила на поясе свой кинжал и короткий меч.

— Давай схожу проверю? — прошептала Селин. — Вдруг они уже спят?

Но прежде, чем она закончила говорить, из глубины коридора донёлся невнятный голос: — Павел... Павел, проснись!

Амели выскочила с площадки. Дальше по коридору она увидела Рюрика, качающегося на нетвёрдых ногах. Он стоял над телом Павла, который в бессознательности лежал на полу.

— Павел! — снова неясно позвал Рюрик.

Амели сверлила взглядом его незащищённую спину.

Понимая, что его голос может вскоре достичь слуха Яромира, Амели молниеносно подбежала к ничего не замечающему Рюрику, вытащила меч из ножен и обрушила рукоять меча на его затылок со всей возможной силой.

Он упал, как мешок с зерном, приземлившись на грудь Павла.

Обернувшись, Амели увидела, что Селин стоит прямо позади неё.

— Забираем Инну. Быстро! — выдохнула Селин.

Амели ворвалась в комнату как раз в тот момент, когда Инна пошевелилась. Её разбудил шум возле двери. Без промедлений Амели вернула меч в ножны, зажала Инне рот и вытащила её из постели. Широко раскрыв глаза, молодая женщина пыталась сопротивляться. Вот только она явно не отличалась физической силой, так что у Амели не возникло проблем.

— Только пискни, и получишь удар по затылку, — прошипела Амели в ухо Инне. Для наглядности она подвела девушку к Рюрику, чтобы та ясно могла видеть его разбитую голову.

У неё не было намерения совершать подобное ещё раз, но Инна этого не знала.

Селин поспешила добавить:

— Мы пытаемся помочь тебе. Просто пойдём с нами.

Инна вырывалась изо всех сил и пыталась закричать. В этот раз в сдавленных звуках слышалась ярость, а не испуг. Гнев придавал ей сил. Амели пришлось действовать наверняка. Она разжала правую руку, а левой стремительно развернула Инну к себе, чтобы нанести ей удар в челюсть.

Инна упала, как и Рюрик.

— Зачем ты это сделала? — прошептала Селин в панике.

— А чего ты ожидала? — Амели в ответ фыркнула. — Что мы сможем вывести её из замковых дверей брыкающуюся и вопящую?

Закинув бесчувственное тело Инны себе на плечо, Амели понесла её по коридору и дальше вниз по лестнице. Несмотря на свой небольшой вес, она всего пару раз качнулась под тяжестью веса девушки. Селин с тревогой следовала за ней, но больше ничего не сказала.

Как только сёстры оказались на главном ярусе, они устремились кратчайшим путём к выходу из замка. За распахнутыми дверями открывался двор. Оттуда можно было попасть на короткий мост, ведущий в городок. Ночью на входе обычно находились два стражника, но замок всегда был открыт для любого человека из поселения. Таверны, закусочные и игорные дома находились в городке, и караульные уже привыкли к нобилям, купцам и солдатам, постоянно проходящим мимо. Главной их задачей было допрашивать незнакомцев, пытающихся войти в замок в поздние часы.

Антон доверял своим людям, поэтому усиленная охрана была сосредоточена на внешних воротах.

— Притворись, что ты пьяна, — сказала Амели сестре. И обе заплетающейся походкой направились к входу. Амели всё ещё несла Инну.

Оба стражника как-то играли с Амели в карты пару дней назад, так что знали её. Один из них, караульный Стива, сочувственно улыбнулся, когда она подошла.

— Ты когда-нибудь спишь? — спросил он.

Сёстры уже проходили мимо них, когда она и Селин отправились готовить маковый сироп, а потом вернулись назад. Амели похлопала по заду Инны.

— У нас был небольшой праздник в нашей комнате, и моя здешняя подруга перебрала с вином. Думаю, ей нужно немного подышать свежим воздухом.

С лёгким беспокойством посмотрев на спину Инны, он спросил:

— Вам нужна помощь?

— Нет, мы в порядке.

Амели, пошатываясь, прошла мимо него. Она почти не притворялась, потому что начинала уставать под весом Инны. Селин следовала за ней. Стоило им покинуть замок, как их лиц коснулся холодный ночной воздух. Заговорщицы поспешили через двор к воротам и по мосту спустились в поселение.

— Пригнись здесь, — сказала Селин, спеша по тропе и сворачивая к задней стене конюшни. Здесь никто из замка не мог их увидеть. Амели шла за ней так быстро, как только могла. Когда они благополучно скрылись в тени, она с облегчением опустила Инну на землю.

— Эта худышка не такая лёгкая, какой кажется.

Инна пошевелилась, её глаза открылись. Какое-то мгновение они были пустыми. Потом она зашипела, как кошка. Приблизённая княжича села, прижавшись спиной к стене конюшни, и стала озираться вокруг.

— Что вы... Где я?

— Ты почти в безопасности, — сказала Селин. — Перестань сопротивляться и поверь нам!

— Она наклонилась ближе. — Я видела твою смерть! В моём видении ты была в комнате с серыми каменными стенами. Именно такие стены были в той комнате. Мы собираемся любым способом вывести тебя из городка, и тогда убийца не доберётся до тебя.

— Из городка? — Инна была настолько потрясена, что в её словах даже не слышалась привычная злоба.

А потом в её голосе снова зазвучал едкий яд, и глаза сузились:

— Дуры! Князь Антон приказал опускать на ночь внутреннюю и внешнюю решётки крепостных ворот. Он распорядился об этом некоторое время назад, когда на севере участились гражданские войны. Хотел избежать ночных атак.

— Да, но впустить и выпустить — разные вещи, — сказала Селин. — Я могла видеть, как никого не впускали внутрь. Но уверена, что стражники позволят выйти местным жителям или купцам, если они того пожелают.

Инна с удовлетворением покачала головой.

— Нет, у них есть приказ ни под каким предлогом не поднимать решётки до рассвета. Другие князья могут отправить своих людей в засаду у стен, и те воспользуются представившейся возможностью. Замок расположен так, что в дневное время любого, кто направляется к воротам, можно увидеть за много лиг. Но ночью князь Антон осторожен.

Амели мысленно вернулась в тот первый день, когда они прибыли сюда. Тогда на рассвете Яромир сказал что-то о том, что уже достаточно светло, чтобы въехать. Она стала вспоминать в подробностях, как устроен въезд. У внешних ворот на входе установлена решётка и откидной мост. Около решётки оборудована сторожка, несут свою службу караульные. Когда они подъехали по откидному мосту, за прутьями решётки Амели могла видеть дорогу. Эта дорога вела вверх по холму, и где-то на его середине была построена внутренняя стена с таким же решётчатым входом и сторожкой. Даже Яромиру тогда пришлось ждать рассвета, чтобы въехать во внешние ворота.

Даже Яромиру.

Она закрыла глаза.

— Тогда мы не сможем покинуть поселение этой ночью.

— И к утру, — самодовольно улыбнулась Инна, — лейтенант отправит на поиски всех людей, что есть у него под началом. Все стражники на воротах будут предупреждены.

Тут выражение её лица слегка переменилось, словно она упрасивала:

— Но мы сейчас же можем вернуться назад. Если вы позволите мне пойти к моему господину, то клянусь, я скажу, что вы только пытались помочь мне выполнять мои обязанности, а не похищали меня. Князь Антон поймёт. Он не накажет вас за моё освобождение. Ведь забота о нём — самое важное.

На этих словах её глаза остекленели и казались безумными. Амели тут же задумалась, не лучше ли отказаться от этого предприятия и вернуть её назад?

— Нет, — решительно сказала Селин. — Мы укроемся где-нибудь до утра, а потом я придумаю способ, как миновать эти ворота. Инна, да пойми ты! Если вернёшься назад в замок или останешься в городке, то погибнешь.

Инна откинулась назад, снова зашипев от бессильной злобы.

— Селин... — нерешительно начала Амели, — где мы собираемся прятаться? Как только Яромир найдёт Павла и Рюрика, он начнёт поиски. Мы не можем пойти в аптечную лавку. Он наведается туда в первую очередь. У нас здесь нет друзей, чтобы помочь.

Селин напряглась при слове «друзья». Она помолчала минуту, а потом подняла взгляд.

— Я думаю, что знаю, куда идти.

Яромир был сильно изнурён недостатком отдыха и произошедшими в течение последних пяти дней событиями. Он спал на своей кровати, всё ещё одетый в кольчугу и табард. Но сон его был неглубок, и чутьё подсказало, что прошло достаточно много времени.

Он открыл глаза.

Начальник охраны ещё мгновение лежал на одеяле, чувствуя, что-то не так... само ощущение времени было неправильным. Когда он сел, нехорошее предчувствие усилилось. Тогда он вскочил с постели и поспешил в коридор.

Вокруг тишина.

— Павел! — позвал лейтенант, ожидая ответа. Никто не появился.

Он сделал всего несколько шагов, когда заметил тела на полу. Яромир побежал, паника охватила его.

— Павел!

Когда он достиг их, то не остановился. Вместо этого он перепрыгнул через тела и влетел в комнату, ожидая худшего. К его удивлению, в постели не оказалось сморщенного трупа. Она была пуста. Обернувшись назад к неподвижным телам, он увидел большую припухлость на затылке Рюрика. Яромир подошёл к ним и поднял Рюрика с груди Павла, где тот лежал. Капрал дышал, но был совершенно без чувств. Он застонал.

Что здесь произошло?

Где Инна?

Опустившись на колени рядом с Павлом, Яромир грубо потряс его:

— Проснись! Веки Павла немного приоткрылись. На нём не было видимых травм, но его рука всё же потянулась к голове. Снова раздался стон.

— Поднимайся! — рывкнул Яромир, желая прямо сейчас получить необходимую информацию. — Что здесь произошло? Где Инна?

Обеими руками он ухватился за табард Павла, потянул его вверх и прислонил к стене. Неужели в своей безумной преданности Антону Инне удалось каким-то образом победить своих охранников и сбежать?

Молодой капрал наконец открыл глаза. Он ничего не понимал.

— Инна? Я... я... — он прокашлялся и увидел Рюрика, лежавшего на полу. — Что случилось?

— Об этом я тебя и спрашиваю!

Павел перевёл глаза на лицо Яромира и они немного прояснились.

— Сэр, я...

— Что последнее ты помнишь?

Павел моргнул.

— Селин... Она принесла нам чай.

Яромир похолодел.

— Селин принесла вам чай, и вы выпили его?

Он чувствовал, как внутри разрастается гнев, и он изо всех сил старался не дать ему волю.

— Селин, которая ранее спорила со мной, что Инну нужно увести в город? Которая разбирается в снадобьях? Она протянула тебе чашку чая в то время, пока вы стояли на страже, и ты выпил его?

Понимание начало отражаться на лице Павла, а следом за ним появился гнев, когда он сложил воедино все факты.

— Сэр, я не подумал...

— Нет, не подумал! Ты не думал вообще, не так ли?

Яромир качнулся на каблуках, прикидывая варианты. Никто не может покинуть поселение ночью, так что сёстры постараются где-нибудь спрятать Инну до утра. Вряд ли они сделают это внутри замка.

Инна была единственной ниточкой, которая связывала его с убийцей.

Первым его порывом было поднять на ноги всех людей в его подчинении и устроить масштабные поиски. Но он отверг эту идею так же быстро, как она появилась. Люди в Сеоне

уже были достаточно напуганы чередой необъяснимых смертей. Солдаты, рыщущие в городке, вряд ли помогут укрепить ложное ощущение мира и безопасности здесь.

— Так, капрал, — сказал он Павлу. — Ты быстро прочистишь свою голову, и вот что мы сделаем, — он помолчал. — Мы вдвоём спустимся в городок и сделаем это тихо. Они не могли уйти далеко, и мы найдём их и приведём обратно сюда. Ты можешь идти?

Ярость в мрачном взгляде Павла удивила его.

— Могу.

Что же, молодой мужчина чувствовал себя обманутым женщиной. И не в последний раз. Так что этот случай станет ему уроком, который он не скоро позабудет.

Яромиру не было его жаль.

— Это твоя вина. Нам лучше найти их до наступления утра, прежде чем князь Антон услышит об этом, — он посмотрел вниз на Рюрика. — Давай только уложим его на кровать.

Селин шла на след дыма, поднимавшегося в ночное небо. Она знала по жизни в Шетане, что кузнецы часто оставляют угли тлеть в горне всю ночь. Так можно облегчить себе жизнь на следующее утро, когда начнётся работа.

Весной большинство крестьян гасили огонь на ночь, чтобы не сжигать лишние дрова во время сна. Погода была ещё не вполне тёплой, но заморозки давно прошли.

— Куда мы идём? — прошептала Амели, таща за собой сопротивляющуюся Инну.

— Увидишь, — ответила Селин, слишком сосредоточенная на поиске, чтобы остановиться и объяснить. Она даже не знала, сработает ли эта догадка с дымом, но не могла придумать что-то получше. Им нужно убежище, чтобы дождаться утра и придумать способ выскользнуть из ворот.

Они миновали нескольких закрытых лавок и тёмных домов. Казалось, что путь их лежит прямо к южной стене Сеона. Большинство харчевен и таверн находилось в другой стороне города, так что на улице было тихо.

Наконец за небольшой конюшней Селин увидела кузницу и добротный дом рядом с ней.

— Жди здесь. Проследи, чтобы она не шумела, — распорядилась Селин.

— Что ты делаешь? — спросила Амели.

— Просто доверься мне.

Сделав быстрый вдох, Селин направилась к дому и постучала. Ничего не произошло, и она постучала ещё раз. В этот раз она услышала тяжёлые шаги, и крупный мужчина средних лет открыл дверь.

— Что во имя богов... — пробормотал он, потирая глаза рукой, а потом уставился на её. Она не узнала его. Но он, вероятно, был на том званом вечере.

— Извините, я понимаю, что сейчас поздно, — поспешила сказать Селин, — но могу я поговорить с Эрин?

— Отец, — послышался тихий голос из дома, — кто это?

Эрин появилась в поле зрения, выходя из комнаты. Несколько светлых прядей выбилось из её кос. Она увидела в дверях Селин.

— Прошу прощения, — сказала Селин, — но мне нужна ваша помощь.

— Так вы дважды позволили провидице княжича пройти здесь? — отрывисто спросил Яромир. — А во второй раз её сестра несла на плече его приближённую помощницу?

Он находился у входа в замок, допрашивая тамошних стражников. Надо было удостовериться, что Селин вышла наружу.

— Я не видел лица их подруги, — возразил караульный Стива. — Амели сказала мне,

что они выпили и им нужно подышать свежим воздухом. У нас нет приказа останавливать гостей замка на входе и выходе.

Стражник справедливо защищался. По правде говоря, Яромир не мог его винить. Гости замка и его постоянные обитатели всегда могли приходить и уходить, когда пожелают. На самом деле лейтенант был просто разочарован и хотел выплеснуть это чувство на кого-то ещё.

— Нам пора идти, сэр, — сказал Павел. Голос его был необычайно тих.

Яромир кивнул, и они направились через двор к воротам. Затем пересекли мост и вышли в окружающий их городок.

— Ты согласна? — спрашивала Селин у светловолосой Эрин.

Та всё ещё колебалась перед тем, чтобы спрятать явно сопротивляющуюся Инну, в которой узнала приближённую Антона. Селин осторожно объяснила ситуацию, ничего не утаивая. Ей удалось убедить Эрин, что на кону стояла жизнь Инны. Благодарность дочери кузнеца к Селин решила дело.

Она, высоко держа в руке фонарь, вывела их из дома кузнеца на задний двор и повела к руинам. Здесь находилась небольшая выцветшая лачуга. С западной стороны рос небольшой густой осинник.

— Я думаю, мой дедушка когда-то хранил здесь инструменты, пока отец не улучшил кузницу.

Она оглянулась на Селин.

— Никто не станет вас здесь искать.

— Это подойдёт, — сказала Селин, подходя к двери. — Спасибо тебе.

— Когда княжич узнает об этом, — выплюнула Инна, — твой отец больше никогда не будет кузнецом в Сеоне.

Эрин вздрогнула, но Селин быстро вмешалась:

— Это неправда. Если Антон решит кого-то наказать, так это буду я.

Понизив голос, Эрин прошептала:

— Зачем ты рискуешь собой, чтобы спасти эту женщину? Ей, похоже, наплевать, будет она спасена или убита.

Селин не хотела говорить этой чужой девушке о своих сомнениях.

— Я должна попытаться, — просто ответила она.

Покачав головой, Эрин вручила ей фонарь. Сильным толчком она открыла дверь, позволяя всем троим войти. Селин шагнула за порог, оглядываясь кругом. Место было холодным и пыльным. Окон не было, зато в дальнем конце она увидела заднюю дверь. По крайней мере, они скрылись из виду. Сейчас это было единственным, что имело значение.

— Тебе лучше вернуться в дом, — сказала она Эрин.

Амели втащила Инну через дверь и усадила на пол.

— Сиди тихо, — приказала она.

Селин вздохнула. До рассвета оставалось всего несколько часов. Она заранее знала, что эти часы в холоде и темноте будут тянуться вечно.

— Их здесь нет, но они были тут, — сказал Яромир, меряя шагами главную комнату аптечной лавки. — В очаге ещё тлеют угли. Селин, должно быть, пришла сюда, чтобы приготовить то снадобье, которым опоила тебя.

Он поднял с пола несколько осыпавшихся маковых лепестков.

— Что-то вроде опиума.

Сначала Павел ничего не ответил, но потом сказал:

— Теперь её здесь нет.

Нет, но Яромир и не ожидал найти свою добычу здесь. По крайней мере, они здесь всё осмотрели. Что теперь? Сеон был крупным поселением, почти городом.

— Где они могут спрятаться? — Павел говорил больше самому себе, прохаживаясь вдоль стен и разглядывая покрытые паутиной кувшины и горшки. — Они никого не знают за пределами замка. Откуда нужно начать поиски?

И тут у Яромира в памяти промелькнула вспышка. У него была хорошая память на реплики:

Если я когда-нибудь смогу сделать для вас что-то, то только попросите.

Он направился к двери.

— У меня есть на уме одно место.

Казалось, что время тянется бесконечно. Амели, сидя на полу грязной хижины, всё больше сомневалась в успехе предприятия. А вот провал мог дорого им обойтись.

Словно прочитав её мысли по лицу в тусклом свете фонаря, Селин сказала:

— Пожалуйста, Амели, не бросай меня. Я должна была так поступить. Какая польза от моего дара, если я не могу предотвратить смерть людей?

Её голос звучал так тоненько и обречённо, что Амели устыдилась своих сомнений. Она подошла ближе. До настоящего дня Селин очень редко о чём-то открыто просила её.

— Ты со мной или нет? — спросила Селин. — Ты поможешь мне?

— Да, — ответила Амели. — Конечно, я помогу.

Инна прислонилась к куче деревянных ящиков. Она не проронила ни слова с тех пор, как они вошли в хижину.

— Мне нужно облегчиться, — сказала она. — И я не стану делать это здесь.

— Тогда потерпи, — сказала Амели.

— Я не могу.

Какой невыносимой занозой была эта женщина. Амели с трудом могла представить, что проведёт несколько дней в её компании. Как Антон мирился с тем, что она расправляла его постель, готовила одежду для сна, приносила еду и питьё в его комнату и постоянно вертелась поблизости? Одна только мысль об этом заставила её передёрнуться.

— Мы можем ненадолго вывести её наружу, — предложила Селин. — Она права, говоря, что... не сделает это здесь. Через некоторое время запах станет невыносим.

Амели встала.

— Ладно-ладно, но ты останешься здесь, Селин. Чем меньше людей пойдёт, тем лучше.

Она потянулась к Инне.

— Если закричишь или попытаешься сбежать, я клянусь, что ты пожалеешь.

Выведя Инну на улицу, она заперла дверь и огляделась вокруг. Невдалеке она заметила осиновую рощу.

— Пошли, — прошептала она. — Туда.

Яромир осторожно приблизился к кузнице, Павел шёл следом за ним.

— Мы должны всё тут осмотреть, прежде чем начнём стучать в двери, — тихо сказал он.

Павел кивнул. С тех пор, как они покинули аптечную лавку, он был необычайно тих. Яромир подумал, что он слишком тяжело воспринял то, что Селин его использовала.

— В эту сторону, — сказал Яромир, двигаясь на запад.

Он хотел знать, какие здания и возможные укрытия располагаются вокруг кузницы. Он всё ещё надеялся, что они справятся с ситуацией быстро и тихо.

— Мы допросим семью, если потребуется, — прошептал он, — но сначала я бы предпочёл...

Он замер, когда движение впереди привлекло его внимание. Амели вышла из разваливающейся хижины. Она вела Инну к лесной полосе. Лунный свет выхватывал из темноты обеих женщин, отражаясь в чёрных волосах Амели.

Он отпрянул назад, делая знак Павлу и ныряя за угол кузницы.

— Селин, вероятно, всё ещё внутри лачуги, — сказал он. — Ты пойдёшь к ней, а я займусь Амели и Инной.

Павел кивнул.

Селин обхватила себя руками, жалея, что не позаботилась о тёплой одежде. Какие-нибудь накидки или плащи. Но леди Карина отправила для их гардероба только комнатную одежду. И даже Амели вряд ли сумела бы так быстро раздобыть верхнюю одежду.

Помимо того, не было и денег. Всё их богатство составлял карточный выигрыш Амели.

А как им пробраться через стражников? Возможно, какая-нибудь маскировка... Она не сомневалась, что к утру Яромир отдаст часовым приказ задерживать любого, кто подходит под описание её и Амели. Как назло, ничего не приходило в голову.

Она крепче обхватила себя, раскачиваясь взад-вперёд.

В этот момент дверь распахнулась и с грохотом ударилась об стену.

В дверном проёме стоял Павел.

Селин вскочила на ноги. Сначала она даже не испугалась... ровно до тех пор, пока ясно не увидела его лицо. Весь подсознательный ужас, что накопился в ней за годы жизни в Шетане, сейчас проснулся и охватил всё существо. Развернувшись, она с дикой скоростью бросилась к задней двери.

Стоило ей дотянуться до щеколды и потянуть её, как две руки метнулись с обеих сторон вокруг её головы, захлопнули дверь и удерживали её закрытой.

— Нет! — вскричала она, не раздумывая. Развернувшись, Селин толкнула его в грудь. Он даже не шевельнулся. Тяжело дыша, Павел прижимал её своим телом к двери. Селин могла чувствовать кольчугу под его табардом. На уровне её глаз оказалась его шея. Девушка обнаружила, что смотрит, как двигается ямка на его шее при каждом шумном вдохе и выдохе.

Он был зол, очень зол, и она боялась его.

Селин медленно попыталась перевести взгляд вверх, только чтобы увидеть выражение его лица. И она увидела опасность. Селин проклинала себя за иллюзии, будто он не был похож на людей Дамека.

— Ты играла со мной, — с негодованием прошептал он. — Выставила меня дураком перед лейтенантом.

Это была правда.

Пока что он не причинил ей вреда, только говорил.

— Я сожалею, — ответила она, снова уставившись на ярёмную ямку в основании его шеи.

— У меня не было выбора. Я должна была спасти Инну... мне нужно узнать, возможно ли изменить пророчество. Я всё ещё думаю, что лейтенант ошибается. Инна погибнет, если останется здесь.

Она заговорила быстрее:

— Я знаю, что плохо обошлась с тобой, но разве спасение её жизни не стоит того?

Он не шевелился и не отвечал. Селин всё ещё оставалась в ловушке у двери.

— А что будет с князем Антоном? — продолжала она. — Если мы не спасём этих девушек, его репутация пострадает. Тогда он упустит возможность возглавить дом Пэлен.

Его ответ прозвучал угрожающе тихо:

— Может быть, это будет только к лучшему.

Яромир был удивлён, когда Павел пинком распахнул дверь лачуги. Он не ожидал этого.

Но через мгновение Амели выбежала из-за осин и увидела его. Она остановилась у пленницы. Взгляд девушки метался между ним и дверью хижины.

— Не двигаться, — приказал он.

Следом из осинника появилась Инна. Её распустившиеся волосы облепили лицо, она часто дышала.

— Лейтенант, вы здесь. Пожалуйста, прошу вас, отведите меня к моему господину! Я сегодня не подготовила для него свежее бельё.

Она говорила как сумасшедшая, но сейчас Яромир смотрел на Амели, чья правая рука проворно метнулась к короткому мечу у бедра. Она не вытщила его. Только схватилась за рукоять.

Если бы это был кто-то другой, пусть и женщина, он бы уже обнажил свой клинок. Но что-то мешало ему сделать это.

— Всё кончено, — сказал он. — Селин у Павла, и все мы возвращаемся назад в замок.

— К моему господину! — Вскричала Инна, — не в ту комнату. К моему господину!

Он проигнорировал её, не сводя глаз с руки Амели. Он не хотел навредить ей:

— Я подхожу к тебе. Не вынимай меч. Мы просто вернёмся в замок.

Амели медленно отвела руку от рукояти меча. Немного успокоившись, лейтенант направился к ней. Она ничего не говорила, но выглядела притихшей. Возможно, здравый смысл возобладал, и безрассудная женщина, наконец, поняла безвыходность ситуации.

Яромир не заметил её следующего движения: Амели превратилась в размытое пятно. Она схватила небольшое полено из охапки дров и ткнула одним его концом мужчине в живот. Когда он сложился пополам, она это же полено обрушила на челюсть противника. Боль взорвалась в голове, Яромир еле остался стоять на ногах.

Девушка собиралась нанести другой тяжёлый удар, когда он взревел и перехватил её руку. Полено повалилось на землю. Другой рукой он крепко обхватил её за талию, и оторвал от земли. Дикая бестия всё-таки успела разок пнуть его по ноге. Но теперь её руки оказались сжаты словно стальным обручем, спина прижималась к груди Яромира. У него сильно болел живот, а боль в челюсти и вовсе ослепляла. Начальник охраны довольно крепко удерживал Амели, чтобы и ей стало больно. Теперь это его не беспокоило.

— Прекращай! — удалось ему сказать.

Она боролась ещё несколько мгновений, а потом замерла. В силе они не равны, и оба знали это.

— Опустить меня, — сказала она наконец.

Он этого не сделал.

— Инна, — приказал он, — оставайся там!

Неся в руках Амели, он подошёл ко входу в лачугу и зашёл внутрь.

Павел задерживал Селин у задней двери. Что-то в его позе не понравилось Яромиру...

или же дело было в выражении лица провидицы. Она явно была напугана.

— Капрал! — гаркнул Яромир, не обращая внимания на боль в животе. — Покиньте помещение. Мы возвращаемся в замок!

Глава 10

Сёстры провели остаток ночи, запертые в своей комнате. Их охраняла стража. Селин не знала, что теперь будет. Через два часа после рассвета караульный Уиншоу отпер дверь и сообщил, что её вызывают к князю Антону. Она не удивилась. К этому времени девушка уже была готова: вымыла и причесала волосы и надела старое красное платье.

— Я тоже иду, — сказала Амели.

— Нет, — ответил Уиншоу.

— Она не пойдёт одна.

Заметив, что затевается неприятный спор, Селин повернулась к сестре:

— Всё в порядке. Просто останься здесь. Я думаю, это не займёт много времени.

Она не была уверена, что всё в порядке. Но если Амели нападёт ещё на одного замкового стражника, то это вряд ли исправит ситуацию. Селин поспешно вышла в коридор. Она испытала облегчение, когда Уиншоу закрыл дверь и запер Амели в комнате. Одну возможную стычку удалось предотвратить.

Другой стражник остался стоять у двери, чтобы охранять Амели.

Селин шла по гулким коридорам и раздумывала. Её снова стал мучить страх неизвестности.

В Шетане подданные Дамека могли быть убиты за одни только жалобы на состояние дорог. Сначала казалось, что здесь, в Сеоне, всё по-другому. Но как же тогда поведение Антона на пиру прошлым вечером? А Павел? Чем бы закончилась встреча в лачуге, если бы Яромир не потребовал возвращаться в замок? Похоже, здешние мужчины терпят самоуправство прекрасного пола не больше, чем у неё дома.

Селин не думала, что Антон сам прибежит к насилью. Скорее всего нет. Но он может отослать её и Амели. Таким образом он красиво избавится от них, оставив без еды и крыши над головой. Хуже, если он действительно зол и расценил произошедшее как предательство. Тогда княжич мог вернуть их своему брату.

Она и Уиншоу достигли главного яруса. Селин подумала, что караульный отведёт её через большой зал в маленькую комнату, где они беседовали с Антоном ранее. Но Уиншоу жестом указал ей продолжать двигаться и привёл к лестнице внутри западной башни. Эта лестница вела к покоям постоянных обитателей замка.

— Куда мы идём? — спросила она.

— В покои князя.

Она остановилась.

— Нет.

Она не хотела попасть в ловушку, оставшись с Антоном наедине в его комнате.

Особенно если он был зол.

Уиншоу обернулся в нетерпении и потянулся к её запястьям. Когда она отступила назад в тревоге, он остановился. Стражник поднял руки в мирном жесте и сказал:

— Мой господин болен этим утром, но хочет задать тебе несколько вопросов. С ним находится лейтенант.

Селин колебалась, чувствуя себя глупо.

— О...

Стражник развернулся и пошёл дальше. Селин последовала за ним. Они стали подниматься на лестничную площадку по изгибающимся ступеням и добрались до второго этажа. Потом прошли к закрытой двери до конца коридора. Тут Уиншоу остановился и постучал один раз.

— Лейтенант?

Дверь немедленно отворилась, и выглянул Яромир. На левой стороне его челюсти виднелись чёрные и фиолетовые синяки, возникшие после встречи с Амели и поленом.

— Входите, — приказал он Селин. Лицо его было непроницаемым.

Держась прямо, Селин прошла мимо него. Она слышала, как он отослал Уиншоу и закрыл дверь. Селин не удержалась от того, чтобы оглядеть гостиную. Она не знала, чего ей ожидать, если у неё вообще были ожидания. Место выглядело довольно аскетично. На стенах висели гобелены, и в комнате был большой очаг. Всю обстановку составляли захламлённый письменный стол, несколько тяжёлых деревянных стульев и ряды книжных полок вдоль стен. Это больше походило на комнату учёного, чем княжича. Рядом с очагом была ещё одна дверь. Она была заперта. Селин предположила, что она ведёт в спальню Антона.

Сам Антон сидел на одном из тяжёлых деревянных стульев, одетый в бордовый халат. Его ступни были босыми. Уиншоу не преувеличивал. Он выглядел плохо. Вместо обычной бледности его лицо этим утром окрасилось в оттенки зелёного, будто его мучила тошнота. К тому же, его руки сотрясала мелкая дрожь.

Яромир подошёл и встал рядом с ним. Ни один из них не предложил ей сесть. Казалось, оба они ожидали, что Селин заговорит первой. И по какой-то причине из-за испытываемой тревоги с её уст сорвалось:

— Пожалуйста, не наказывайте Павла. Я использовала его. Это была не его вина.

Лицо Яромира дрогнуло в удивлении, а Антон вздохнул, одной рукой удерживая другую от подёргиваний.

— Селин, никто никого не собираются наказывать. Но вы никогда больше не будете игнорировать решения Яромира и сбегать шутки ради. Здесь существует субординация, и вопросами безопасности руководит он.

Оба мужчины смотрели на неё выжидающе. Они ждали, что она начнёт сыпать извинениями, а может даже станет умолять простить их.

Но вместо облегчения, что он не изгнал её и Амели и не передал их Дамеку, в ней начал зарождаться гнев. Она не хотела стоять здесь и слушать, как её бранят словно дитя.

— Решение Яромира было неправильным, — решительно заявила она. — И ещё ничего не кончено. Я полагаю, Инна пережила эту ночь? Если она останется в этом замке, то проживёт недолго.

— Селин! — рявкнул Яромир, помрачнев лицом.

Антон поднял руку, чтобы остановить дальнейшие пререкания. Но когда он опустил её и начал скрести запястье, она заметила, что кожа покраснела. Селин хотела попросить дозволения осмотреть руку, но он снова заговорил.

— Я понимаю, почему вы совершили побег, — сказал он ей, — и я знаю, что мы заключили трудное соглашение, принуждая тебя стать свидетельницей ещё не случившихся убийств.

Она немного успокоилась. По крайней мере, теперь его голос звучал не столь снисходительно.

— Я готов закрыть глаза на всё, — продолжал он, — на то, что вы опоили моих

стражников, похитили Инну, нанесли травмы Яромиру и Рюрику... на всё это. Мы вернёмся к изначальному уговору, но только если ты согласишься продолжать помогать нам и соблюдать отныне распоряжения Яромира.

— Я не позволю ему использовать названную мною девушку как приманку.

Яромир раздражённо вздохнул:

— Это не сработает.

Всё ещё почёсывая предплечье, Антон сказал с меньшим терпением:

— Это сработает, но нам нужно больше информации, намного больше. Селин, боюсь, что мы должны попросить тебя об одной непростой вещи.

— О чём? — спросила она с осторожностью.

Он помедлил, и снова Селин захотелось испросить разрешения осмотреть его. Но затем княжич сказал:

— Я хочу, чтобы ты ещё раз прочитала будущее Инны.

Она этого не ожидала. Мысль о том, что ей снова придётся увидеть смерть Инны, была выше её сил.

— Я знаю, о чём прошу, — поспешил продолжить он, — но я всё обдумал. В этот раз ни Яромир, ни я не станем вмешиваться. Я хочу, чтобы ты оставалась в видении так долго, как сможешь. Достаточно долго, чтобы суметь увидеть больше... возможно, даже лицо убийцы.

Она задумалась над его словами.

Досада исчезла с ушибленного лица Яромира. Теперь он смотрел на неё с беспокойством, даже с сожалением.

— Ты сделаешь это? — спросил он.

Несомненно, они обсуждали это до её прихода.

— Моя сестра останется под домашним арестом? — спросила она.

— Нет, — ответил Антон. — Мы сразу же уберём стражу от ваших дверей.

Она сжалась и отвела взгляд:

— Разумеется, я сделаю это. Вы знали, что я соглашусь.

Независимо от того, что здесь происходило, она всё же хотела владеть лавкой. Она желала остаться в этом процветающем городке под защитой стены. И она хотела остановить убийства.

— Хорошо, — сказал Яромир, пересекая комнату и открывая дверь, что была рядом с очагом.

За ней находилась Инна, глядевшая дикими глазами. Позади неё стояла огромная кровать, застланная тёмно-синим стёганым ватным одеялом. Новая вспышка гнева охватила Селин. Они, несомненно, полагали, что она скажет «да», раз привели Инну наверх и заперли её в спальне Антона.

«Я настолько предсказуема?» — задумалась Селин.

— Инна, — сказал Антон своим надменным княжеским тоном, — подойди сюда и присядь.

Почему он так с ней обращается?

— Ты позволишь госпоже Фоу ещё раз прочитать твоё будущее, — приказал он.

Инна медленно и осторожно вошла. Она всё ещё была одета в грязное серое платье, часть её волос выбилась из причёски. Это придавало ей более жалкий вид, чем обычно.

Инна посмотрела на Селин и Яромира так, будто они представляли угрозу, затем её глаза уставились на Антона. Она опустила на колени.

— Мой господин, я сделаю всё, о чём вы просите. Но умоляю вас, оставьте меня выполнять мои обязанности в дневное время. Все смерти произошли ночью, все до одной. Если вы позволите мне служить вам днём, я с радостью сяду здесь и разрешу этой цыганской шлюхе прикоснуться ко мне и сочинить любую историю, какую она пожелает.

В её голосе были истеричные ноты. Казалось, Антон был не в силах смотреть на неё. Селин задалась вопросом, почему он не нашёл ей другое место, раз помощница так неприятна ему?

Он спросил Яромира:

— Может она работать без стражи днём?

Яромир с трудом кивнул. Выглядел начальник стражи так, словно хотел покинуть комнату.

— Если пожелаете.

— Значит, этот вопрос улажен, — сказал Антон, сильнее расчёсывая руку. — Селин, ты можешь приступать.

Было похоже, что Инна чувствует слабость. Несмотря на это она с привычной ненавистью посмотрела на Селин, когда подошла к одному из стульев и опустилась на него. Яромир подтянул другой стул поближе, и Селин обречённо протянула руку. Она повторяла себе, что иного выбора нет, если они хотят продвинуться дальше. Идея Антона не была лишена смысла. Оба раза, когда она видела смерти молодых девушек, он или Яромир приводили её в чувство и обрывали видение.

Стиснув зубы, она взяла руку Инны и закрыла глаза. Очистив своё сознание, она ощутила искру духа Инны и сосредоточила своё внимание на её будущем.

В этот раз более сильный толчок сотряс её тело, было почти больно. Последовал ещё один удар. И вот она уже мчится вперёд по туманному коридору, собираясь с духом перед неизвестными картинами будущего.

Перемещение было недолгим.

Когда туман исчез, она обнаружила, что находится не в маленькой комнате с каменными стенами. Перед ней не было лица спящей Инны. Это оказалась спальня. Стены покрывали гобелены, здесь стояла огромная кровать, застланная тёмно-синим одеялом.

Селин поняла, что они в спальне Антона. Взглянув на узкое окно, Селин увидела, что солнце уже зашло. Сумерки сгустились.

Услышав тихое бормотание, она обернулась и увидела Инну. Та стояла у прикроватного столика, наполняя кубок вином. Помощница выглядела как сейчас: грязное серое платье и растрёпанная причёска, выбившиеся пряди волос прилипли к её лицу.

— Он не принял лекарство прошлой ночью, — бормотала она, — мой бедный господин. Ему нужно больше.

Засунув руку в карман своего платья, она извлекла квадрат сложенной бумаги. Положив его на столик, она развернула бумагу и достала оттуда маленький пакет. Инна раскрыла его и занесла над кубком с вином. Белый порошок опустился в жидкость. Женщина помедлила, а затем добавила ещё один пакетик и взболтала вино. Порошок постепенно растворился.

— Ему нужно больше, моему бедному господину. Так он сможет отдохнуть.

Селин наблюдала в потрясении. Инна отравляла Антона. Из её бормотания провидица поняла, что это продолжается уже некоторое время.

Итак, никакого убийцы в чёрных перчатках поблизости нет. Будущее переменялось?

Спальня исчезла, и Селин снова пронеслась сквозь туман. Она чувствовала

головокружение и была сбита с толку, когда туман прояснился. Провидица обнаружила, что стоит посреди маленькой комнаты, где в кровати спала Инна.

Нет, будущее не изменилось.

Инна спала, отвернувшись к стене. Селин задрожала, зная, что сейчас последует. Но она была полна решимости оставаться здесь. Девушка сосредоточилась на том, чтобы увидеть как можно больше. Почти мгновенно со стороны смотрящего появились тонкие руки в чёрных перчатках и потянулись к Инне.

Собрав все свои силы, Селин боролась. Необходимо обернуться назад и узнать, кто стоит рядом с кроватью. И вот её взгляд скользит вверх по одетым в чёрное стройным рукам, всё выше и выше, пока не достиг бледного лица... Когда она его узнала, то подумала, что, должно быть, сошла с ума.

Это была бледная молодая женщина с картины, что висела наверху в зале с портретами. Та темноволосая красавица, одетая во всё чёрное, что стояла рядом с костром.

Женщина продолжала тянуться к Инне.

— Нет, — закричала Селин, пытаясь оттолкнуть её. — Не прикасайся к ней. Но в видении она была лишь зрителем.

Женщина положила одну руку на лицо Инны, а другую на её горло, и плоть девушки начала иссушаться.

— Нет, — прошептала Селин.

Когда Инна превратилась в сухую оболочку, лицо женщины начало приобретать цвет, будто она вытянула из девушки жизнь и сама поглотила её.

Селин принудила себя смотреть дальше, чтобы не пропустить ничего из этого ночного кошмара... И женщина заговорила.

— Прости меня, — прошептала она мёртвому телу Инны. — Прости. Я не могу остановиться. Я должна повиноваться. У меня нет выбора.

Женщина развернулась, пересекла маленькую комнату и исчезла в стене, словно привидение. Она ушла, а то, что осталось от Инны, бездушной массой лежало на кровати.

Селин заплакала.

Комната исчезла.

Тихо роняя слёзы, она очнулась в покоях Антона. Напротив сомневающиеся глаза Инны. Но Антон больше не сидел на своём стуле, он опустился на колени рядом с Селин.

— Ш-ш-ш-ш, — успокаивал он, протягивая ей носовой платок. — Что ты увидела? — Его голос был нетерпеливым.

Селин попыталась заговорить, но слышались только всхлипы. Утерев лицо платком, она повторила попытку.

— Я видела её. Это женщина с картины, которая висит наверху в портретной зале. Та, что стоит у костра, одетая во всё чёрное. В этот раз у неё получилось... она вытянула жизнь из Инны, будто поглотила её в себя.

Антон вскочил на ноги.

— Что?

— Лгунья! — выплюнула Инна. — На этот раз ты со своей ложью зашла слишком далеко.

— Это она, — Селин обращалась прямо к Антону. — Вы помните тот портрет? Мы вместе рассматривали его.

Антон вперился взглядом в Селин. Яромир подтянулся так близко, что их с Антоном

плечи соприкоснулись.

— Что? — потребовал Яромир. — О чём она говорит?

— О портрете, — сказал Антон, — о портрете молодой женщины... в длинных чёрных перчатках.

Его глаза не отрывались от лица Селин.

— Это она, — настаивала Селин. — Я видела, как она высушила Инну, а потом прошла сквозь стену, словно призрак.

Яромир повернулся на каблуках и направился к двери.

— Куда ты идёшь? — спросил Антон.

— Наверх в портретную залу, чтобы сжечь картину и покончить с этим.

— Нет! — вырвалось у Селин.

Как им объяснить то, что слышала и чувствовала в видении?

— Подожди! Ты не должен этого делать. Я думаю... Я думаю, ею кто-то управляет. Я могу ошибаться, но после убийства Инны она сказала что-то о том, что вынуждена повиноваться. Вы не можете сжечь портрет, пока мы не узнаем, что здесь происходит. Если портрет одержим духом или кто-то ещё управляет им, мы должны найти, кто это делает.

Теперь Яромир смотрел на Антона в ожидании указаний, а тот поднял руку:

— Подожди. Мне нужно подумать.

Инна наклонилась вперёд на своём стуле.

— Не слушайте, мой господин. Она плетёт ложь, как ткачиха сукно. Теперь Селин полностью обратила своё внимание на Инну, вспомнив первое видение.

— Антон, — медленно сказал она, не заботясь о том, что кого-то может оскорбить столь прямое обращение, — эта женщина отравляет вино на вашем ночном столике. Я думаю, она делает это уже продолжительное время.

Рот Инны открылся, глаза расширились.

Антон отошёл на четыре шага, будто желая, чтобы их разделяло расстояние.

Яромир, напротив, вернулся назад.

— Что?

— Это белый порошок, завёрнутый в бумажные пакеты, — спокойно продолжала Селин, — она хранит его в кармане своего платья. Я думаю, что в моём видении всё произойдёт сегодня вечером, когда сумерки начинают сгущаться. Я видела, как она подмешала порошок в его вино. Обычно она делала это в другое время, прежде чем Антон отправлялся в постель, но этим вечером она снова будет под стражей.

Позже она размышляла, что стоило сообщить эту новость иначе. Селин должна была предвидеть реакцию Яромира на такое заявление. Лицо лейтенанта окаменело. Он сгрёб Инну за руку, сдёрнув со стула. Всё произошло так быстро!

Инна закричала от боли, а Селин вскрикнула:

— Яромир, не надо!

Но его рука уже рылась в кармане платья Инны. Он вытащил тот самый сложенный кусок бумаги и передал его Селин.

— Что это? — потребовал он, удерживая Инну, как в тисках.

Антон наблюдал за всем, не проронив ни слова.

Селин положила бумагу себе на колени, развернула её и вытащила один из пакетов. Смочив палец, она коснулась порошка и попробовала его.

Мать много лет обучала её различать разнообразные вкусы д

ействующих компонентов, используемых в приготовлении порошков и эликсиров. Так что она сумела распознать составленную смесь.

— Это снотворное, — сказала она, проведя языком по нёбу. — Я чувствую мак... и что-то ещё.

Всё ещё неуверенная, она прикоснулась к порошку и попробовала его снова. Затем её глаза устремились на Яромира:

— Здесь присутствует болиголов.

Начальник охраны с рёвом бросил Инну обратно на стул и навис над нею, положив обе руки на подлокотники.

— Где ты достала это? Кто тебе дал порошок?

Инна в ужасе уставилась на него и покачала головой:

— Это лекарство помогает ему уснуть! Оно необходимо ему, чтобы отдохнуть!

Одним быстрым движением Яромир вытащил из-за пояса кинжал и приставил его к горлу молодой женщины.

— Где ты взяла это?

Антон ничего не предпринимал. Он просто молча смотрел.

Селин поднялась на ноги. Она не хотела, чтобы всё так обернулось:

— Лейтенант, остановитесь!

Она схватила его за правую руку, пытаясь отстранить клинок. Яромир оттолкнул её назад локтем и приставил лезвие к щеке Инны.

— Где?

Селин упрекала себя за несдержанность. И за то, что подумала, будто правосудие здесь работает иначе.

Она никогда не видела Яромира таким. Но уже не сомневалась, что он прирежет Инну, если та не повинуется. Теперь она поняла, если речь заходит о безопасности Антона, то этот человек мало перед чем остановится.

Инна, должно быть, тоже это поняла. Потому что сказала:

— Мастер Фёдор.

— Фёдор? — смущённо спросил Яромир.

— Мой господин перестал принимать его лекарства! — зарыдала она. — Он не хотел пить то, что мастер Фёдор советовал. Я должна была сделать это! Я должна была помочь ему отдохнуть. Мастер Фёдор сказал, что он должен отдыхать.

Яромир убрал клинок.

— Это правда, — тихо сказал Антон. — Я чувствовал, что лекарства Фёдора больше не помогают мне, и отказался принимать их.

Селин была поглощена размышлениями над этим. По какой-то причине мастер Фёдор давал Антону смесь из опиума и болиголова. В малых дозах болиголов используется при тяжёлой бессоннице, но точно не подходит для долгосрочного применения. В больших концентрациях это был яд, который мог убить. Когда же Антон перестал принимать назначенное лекарство, Фёдор использовал Инну, чтобы подмешивать порошок в его вино.

Выражение лица Яромира испугало Селин. Вернее, заставило её испугаться за мастера Фёдора.

— Ты не знаешь, почему он сделал это, — сказала она. — Он мог верить, что помогает своему княжичу.

Яромир посмотрел на Антона.

— Что я должен сделать?

Антон не колебался. Он указал на Инну.

— Отведи её обратно в приготовленную тобой комнату и оставь под стражей. Потом поговори с мастером Фёдором.

— Да, мой господин, — ответил Яромир, снова схватив Инну за руку.

— Нет! — взвыла Инна, пытаюсь освободиться. — Вы обещали! Обещали, что я смогу прислуживать вам днём.

Яромир выволок её из комнаты и закрыл за собой дверь, оставив Селин и Антона в неловком молчании. Как мог он допустить, чтобы Инна, стал его личной прислугой? Она же душевнобольная!

Должно быть, мысли Селин отразились на её лице, потому что он сказал: — Ты не понимаешь.

Нет, она не понимала.

— Инна прибыла вместе с Джозелин, — сказал он просто.

— Я знаю. Павел рассказал мне. Он сказал, что Джозелин спасла её из беды.

— Из беды? Ты можешь называть это так. Отец продал её в бордель, когда Инне было тринадцать лет. Джозелин знала эту семью, и она спасла Инну. Когда они приехали сюда, я заметил, что она была... не совсем здорова. Но Джозелин была к ней привязана. Когда моя жена умерла, Инна почти обезумела от горя, как и я. И она начала делать для меня разные мелочи как раньше для своей госпожи. Мне следовало прекратить это, но я этого не сделал. Не смог. Я позаботился о том, чтобы между нами была дистанция. Но я понял, что забота обо мне — единственная вещь, которая не позволяет ей впасть в полное отчаяние, даже безумие.

Он провёл дрожащей рукой по своему лицу.

— Ты считаешь, что я поступил неправильно?

— Не считаю, — сказала Селин, и это была правда. Она действительно так думала. Как сочувствие может быть неправильным? — Конечно, нет.

Он отнял руку от лица и посмотрел на неё.

Амели мерила шагами их комнату. Когда в дверь вошла Селин и объявила, что стражу отозвали от их комнаты и сделка с аптечной лавкой всё ещё в силе, она чуть не расплакалась от облегчения.

Но её облегчение быстро исчезло, когда Селин начала рассказывать всё, что произошло в минувший час.

— Женщина с картины? — ошеломлённая Амели опустилась на кровать. — Как это возможно?

— Я не знаю. Я знаю только то, что видела.

Дверь открылась, и в комнату проковыляла Хельга с полным подносом еды. Но Амели была слишком увлечена своими размышлениями, чтобы перестать говорить.

— Ты сказала, что той женщиной управляют. Кто может контролировать изображение с портрета?

Хельга поставила поднос на туалетный столик.

— Возможно, котелковая ведьма, — сказала она.

Обе сестры умолкли на мгновение, когда обернулись к туалетному столику.

— Что ещё за котелковая ведьма? — спросила Амели.

— Сами знаете, — провозгласила Хельга, разливая чай. — Это не одна из

Прозревающих туман. А просто ведьма, которая учится по книгам... забрасывает в котелок кусочек того, кусочек сего.

— Вы имеете в виду котёл? — спросила Селин.

— Котёл, котелок, — отмахнулась Хельга. — Всё одно и то же. Они не принадлежат к числу Прозревающих туман, — она смолкла. — Но это не значит, что они не опасны. Я знаю пару таких ведьм, у которых есть сила. Они ненавидят Прозревающих туман.

Амели и Селин беспомощно смотрели друг на друга.

Хельга знала гораздо больше, чем они полагали. Но её речи всегда были так непонятны, что смысл, казалось, вовсе отсутствовал.

— Хельга, — начала Селин, — кто такие Прозревающие туман?

— Кто такие...? Ваша матушка ничему вас не научила? — Хельга опустила чайник. — Прозревающие туман — это вы.

— Мы? — спросила Амели.

Хельга пристально посмотрела на неё.

— Вы правда ничего не знаете? — она вздохнула. — Ваша матушка, должно быть, покинула свой народ.

— Я не думаю, что у неё был свой народ, — сказала Селин.

— Разумеется, был. Мондьялитко. Ваша матушка была Прозревающей туман из рода Фоу.

Беспокойство и разочарование Амели росли. Ей не нравилась мысль о том, что у их матери была тайная жизнь среди кучки цыган. Их мать была травницей и уважаемой провидицей. Их отец был деревенским охотником в Шетане и хорошим человеком, даже очень хорошим. Амели плохо его помнила. Зато день, когда он умер, она запомнила хорошо. Трое солдат приказали деревенскому фермеру отдать им целое стадо коз. Фермер возразил и завязалась драка. Отец Амели попытался остановить это, и всё закончилось тем, что он получил клинок в живот. Шесть лет спустя их мать отправилась отнести лекарство семье, страдающей лихорадкой. Она подхватила её сама и умерла через неделю.

После этого Амели и Селин договорились защищать только себя и ставить свои интересы на первое место. За последние несколько дней их соглашение подверглось испытанию, но Амели всё ещё верила в него.

Хельга наклонила голову на одну сторону, будто размышляла, как бы получше всё изложить.

— Народ Мондьялитко не владеет ни богатством, ни властью в том смысле, как князья и лорды. Но у них есть особая тайная власть и связи. В родословной Мондьялитко встречаются оборотни, провидцы и им подобные. Ведьма-провидица имеет силу от рождения. Она — сокровище для своего народа. Ведьма любит, когда пожелает, у неё могут быть дети. Но мало кто из провидцев вступает в брак. Ваша матушка, верно, без памяти любила вашего отца.

— Она любила, — тихо сказала Селин.

— А вот колдуньи, — пробормотала Хельга, — должны учиться по книгам или у другой такой же колдуньи. Поэтому они ненавидят ведьм-провидиц. Зависть.

— Итак... если мы хотим найти здесь колдунью, — сказала Селин, — нам следует искать кого-то образованного? Кто способен учиться по книгам и разбирается в чарах?

— Звучит здраво, — ответила Хельга, кивая.

— Кто это может быть: мужчина или женщина?

— Да. Они не провидцы.

— Откуда вы всё это знаете? — спросила Амели с вызовом. Сама-то она точно не была из числа провидиц. Она родилась без силы, и вся эта болтовня заставила её почувствовать себя обычной... заурядной.

Хельга выпрямилась.

— Как? Я сама мондьялитко. Вот как.

— Тогда что вы здесь делаете? Почему вы оставили свой «народ», как вы его назвали?

— Это моё дело, — огрызнулась Хельга, удивив её. — А тебе лучше заняться своими делами. Две стороны одной монеты, вы обе. Будущее и прошлое.

Амели шумно вздохнула. Только не весь этот бред снова.

Но Селин пристально и задумчиво изучала Хельгу.

— Будущее и прошлое, — прошептала она.

Яромир поместил Инну в маленькую комнату рядом со своими покоями и оставил у открытой двери пленницы двух стражников. Прежде чем попросить мастера Фёдора о встрече, он размышлял, как лучше подступиться к лекарю.

Он рассматривал возможность спуститься в тюрьму под старыми казармами — ради того, чтобы оказать на него давление. Но затем его посетила идея получше. Он прекрасно знал, что не может физически угрожать Фёдору, как это было с Инной. Мастер Фёдор всё ещё был придворным лекарем Антона, назначенным князем Ливеном. Яромир должен действовать осторожно. Главное — получить информацию.

Он вернулся назад в погреба под кладовой замка и снова смотрел на тела четырёх мёртвых девушек.

Ему не пришлось долго ждать, до его слуха донёсся звук лёгких отчётливых шагов. Мастер Фёдор спустился в подвал. Выглядел он раздражённым.

— Вы посылали за мной, лейтенант? Я уверяю вас, что не могу рассказать ничего нового о том, как умерли эти девушки. И этим утром я очень занят. Князь плох.

— Мне известно, что князь болен.

Что-то в его голосе привлекло внимание Фёдора, потому что он остановился. Яромир посмотрел на него сверху вниз и только сейчас заметил несомненную приверженность лекаря к изысканным вещам: шёлковые туники, подкованные сапоги, драгоценные кольца. Раньше лейтенант никогда не обращал на это особого внимания, но не в этот раз.

— Князь поместил Инну под домашний арест, — сказал он.

— Арест? Я полагаю, чтобы защитить её?

Нижняя губа Фёдора задёргалась и он обвёл глазами подвал, будто искал здесь кого-то ещё. Кроме Яромира и четырёх мёртвых тел, здесь никого не было.

— Нет. Она была поймана с порошком, содержащим опиум и болиголов. Она добавляла его в вино Антона каждую ночь. Женщина говорит, что получила его от вас. — Яромир произнёс это спокойно.

Но не обременил себя тем, чтобы скрыть угрозу в своём голосе:

— Заговор с целью отравить князя — это преступление, караемое смертью.

Фёдор напрягся и искоса глянул назад — на путь, которым пришёл. Никто не спешил на выручку. Яромиру удалось застигнуть его врасплох: он был пойман без стражи.

Сообразительность Фёдора делала ему честь, потому что он весь обратился в праведное негодование.

— Отравить? Да как вы смеете! Я дал порошок Инне, потому что она единственная, ктс

был рядом с князем по вечерам. Я также соблюдал её указаниями использовать средство только в те ночи, когда он испытывает проблемы со сном. Если она злоупотребляла своей привилегией служить князю, вам следует предъявить обвинения ей, не мне! Но князю нужен его покой.

— Покой от болиголова?

— Он обычно используется в снотворных порошках. Вы бы знали это, если бы проводили больше времени за книгами. А то я смотрю, вы ничем не интересуетесь помимо того, как управляться с мечом на вашем поясе.

Яромир напрягся, но его не задело язвительное замечание. Он знал и раньше таких людей, как Фёдор. Они пытались обернуть ситуацию себе на пользу, сыпля оскорблениями. Зато начальник охраны теперь понял: человек, стоящий перед ним, был напуган.

— Антон сказал, что перестал принимать любые лекарства, которые вы назначили ему, — продолжил Яромир, — они не помогали. Поэтому вы использовали Инну, чтобы она подмешивала ему порошок? Потому что он не принимал его от вас?

Он опустил руку на рукоять меча.

— Что именно вы сказали ей, чтобы заставить подмешивать порошок в его вино?

Фёдор зашипел и сделал шаг назад:

— Только троньте меня, и я доложу о вас князю Ливену! У вас нет полномочий, чтобы указывать мне, как лучше всего заботиться о здоровье княжича. Я дал Инне указания, но она им не следовала.

Он обернулся к двери.

— Я под арестом, лейтенант?

Вопрос прозвучал как издёвка.

К злости и разочарованию Яромира, ему не удалось ничего узнать, чтобы оправдать арест Фёдора. Но он не поверил в историю лекаря. Здесь крылось что-то ещё.

Мастер Фёдор постепенно ослаблял Антона не просто так. Яромир был в этом уверен.

— Нет, — признался он. — Вы не под арестом.

Фёдор повернулся на каблуках и зашагал к лестнице.

Яромир не удержался и добавил:

— Пока нет.

Глава 11

Вечером Селин и Амели спустились в трапезную ужинать. На входе Селин сразу отметила, что в большом зале сегодня необычайно мало людей.

Антон отсутствовал, Инны и мастера Фёдора тоже не было видно. Сегодня Леди Карина была за хозяйку, она приветствовала гостей.

Яромир и капрал Павел стояли возле стола и беседовали с несколькими солдатами, которые только начинали игру в карты.

Амели подошла к ним. Яромир слегка переместился, чтобы дать ей место на скамейке. Его огромный волкодав сунул нос в ладонь Амели, обращая на себя внимание.

— Привет, Лиззи, — улыбнулась Амели, почесывая ухо собаки.

Хотя Амели и Яромир вряд ли считались друзьями, Селин удивлялась, насколько неизменными остались их отношения. Лейтенант хотел обойтись без насилия, но сестрёнка просто не оставила ему выбора. И хотя челюсть Яромира выглядела ещё хуже, чем утром, а обе руки Амели были целиком покрыты синяками, они оба вели себя как ни в чём не бывало.

А вот Павел... он пристально смотрел на Селин с каким-то странным задумчивым

выражением. Никаких видимых последствий ночного происшествия на нём не было. Он не был наказан или понижен в должности.

Яромир, казалось, вовсе забыл обо всём. Он никоим образом не выказывал недовольства капралу за промах. Но это было и не нужно. Яромир знал, что урок Павел усвоил, и в дополнительных словах или наставлениях нет надобности. Таким образом, отношения между начальником охраны и его капралом остались прежними.

А вот между Павлом и Селин...

Прошлой ночью в своём гневе он использовал её страх как оружие. Селин увидела то, что каждый мужчина должен сдерживать: жестокость и жажду обладания. Она не могла даже смотреть в его сторону.

Павел хотел подойти и уже сделал пару шагов, но Селин быстро отошла в противоположную сторону. Его лицо выражало открытое сожаление, но он не мог изменить прошлое. Печально, но прошлое не имеет привычки меняться. И люди бессильны изменить его привычки.

— Селин! — женский ровный голос вывел её из задумчивости.

Провидица посмотрела налево: хозяйка сегодняшнего вечера приближалась к ней. Леди Карина была особенно прекрасна сегодня. Её каштановые волосы, отсвечивая мягким сиянием, были высоко зачёсаны и уложены в сложную причёску. Несколько свободных локонов обрамляли лицо и подчёркивали высокие скулы. Шёлковое зелёное платье было точно из морской пены.

— Составьте мне компанию. Постоим у огня? — предложила леди Карина.

— Конечно, миледи, — Селин в ногу с хозяйкой направилась к очагу. По обычаю там уже резвились охотничьи собаки, извиваясь в клубке.

— Антон сообщил мне, что произошло сегодня утром, — сказала леди Карина, — об Инне, я имею в виду.

Селин молчала. Она не знала, сообщил ли Антон своей тёте о другом открытии — женщине на картине.

— Я хотела сказать вам, что мне никогда не было комфортно с Инной в качестве его личной помощницы, — продолжала Карина. Она как будто хотела защититься от нареканий со стороны Селин. — Я сама очень расстроена этим делом с добавлением яда в вино Антона.

— Вы не могли этого предугадать, миледи, — дипломатично заметила Селин.

Леди Карина остановилась у очага и посмотрела на потрескивающие поленья:

— Антон дал мне большую свободу в принятии решений здесь, при дворе, но я никогда не вмешивалась в его личный выбор. Я приехала сюда, когда Джозелин умерла, а Антон не мог справиться с делами. Это место так далеко от юга, и живут здесь по-другому.

По интонации леди Карины Селин догадалась, что той нелегко было четыре года назад, когда она приехала в Сеон. Надо было управлять огромным домашним хозяйством убитого горем племянника, хотя сама Карина фактически не была ни женой Антона, ни матерью. Тут не может помочь ни красота, ни тот факт, что она была пять или шесть лет старше княжича.

— Должно быть, это было нелегко, — сочувственно сказала Селин, — вы... были так молоды, а должны были исполнять роль умудрённой и опытной хозяйки.

Леди Карина кивнула:

— Да, я была ещё ребенком, когда он родился. Таких детей называют «поздним сюрпризом» для родителей. Мои братья и сестры достигли совершеннолетия, и моя мать

думала, что уже не сможет забеременеть.

Селин хотелось спросить, почему сама Карина не вышла замуж. Неужели она готова довольствоваться жизнью с племянником, заменяя его умершую мать? Но этот вопрос был слишком личным.

— Я просто не хочу, чтобы вы подумали, будто я пренебрегаю благополучием Антона, — сказала Карина. — Я должна была найти способ отправить Инну прочь много лет назад. — Что-то в её зелёных глазах изменилось, когда она произнесла эти последние слова. Появился гнев, жёсткость, которую Селин раньше не видела. Леди Карина всегда казалась такой сдержанной, такой безмятежной, будто она выше такого чувства, как гнев.

— Княжич стал бы возражать, — сказала Селин, вспоминая о своём разговоре с ним в то утро. — Вы ничего не смогли бы сделать.

Леди Карина отвернулась от огня и посмотрела через зал на Амели, играющую в карты:

— Я бы хотела попросить позволения у твоей сестры одеть её в надлежащее платье и уложить волосы.

— О, это был бы настоящий подвиг, миледи! — Селин постаралась не засмеяться.

К ним подошёл Яромир. Лейтенант поклонился леди Карине:

— Могу я поговорить с провидицей, миледи?

— Насчёт безопасности замка? — Леди Карина посмотрела на него сверху вниз. Её тон был холоднее, чем когда-либо слышала Селин.

— Да, миледи, — ответил Яромир.

— Тогда я тоже послушаю, — с готовностью сказала мадам.

Его челюсть слегка напряглась от удивления. Кажется, леди Карина никогда раньше об этом не просила.

Лейтенант слегка поклонился ей и повернулся к Селин:

— Если я получу разрешение от Антона задержать мастера Фёдора, вы посмотрите его для меня? Не знаю, будет ли толк от предсказания. Но мне просто необходимо знать, что он здесь делает.

— Сегодня вечером? — спросила она.

— Нет, завтра. Уже темно, пора ставить караул у комнаты Инны. Будем также меняться через три часа.

Она закусил губу, стараясь с ним не спорить. Она всё ещё чувствовала, что должна забрать Инну из замка и уйти из городка.

— Ну что, договорились? — спросил Яромир.

Селин стояла, раздумывая. Пока мысль работала, глаза изучали синяк на его челюсти и несколько переросшую бородку. Слова Хельги эхом отзывались в голове: «Две стороны одной медали... Будущее и прошлое».

— Кажется, у меня есть идея получше! — выдохнула наконец Селин.

Леди Карина внимательно наблюдала за ней, но ничего не сказала.

Яромир и Павел в ту ночь стояли в первом «неопасном» трёхчасовом дозоре. Яромир рассказал Павлу и другим караульным историю видения Селин. Но всем было понятно, что он скептически относится к такой версии. Женщина-призрак, которая по ночам выходит из портрета и проходит сквозь стены... дичь какая-то!

Дело не в том, что он сомневался в словах Селин. Он считал, что она точно описала то, что видела. Но что она видела? Вполне может быть такое, что кто-то оделся, как женщина на картине. Кто-то, кто знал, как использовать трюки света для мнимого появления и

исчезновения. Он слышал о таких вещах. Оставался вопрос, как женщина могла пройти мимо него или его охранников. Значит, есть ещё какие-нибудь хитрости, комбинации. Но Яромир не верил, что они имеют дело с духом.

Тем не менее убеждение Селин, что женщину контролирует или продвигает кто-то другой, лейтенант разделял. Уверенность в том, что это происки врагов в борьбе за княжение, ещё не угасла.

— Смена караула, сэр, — раздался голос.

Яромир обернулся. По коридору шагали гвардейцы Уиншоу и Стива. Рюрик всё ещё не оправился от удара по голове, который нанесла Амели. Яромир поставил вместо него Стиву, которого он знал как надёжного человека и опытного гвардейца.

Лейтенант взглянул через открытую дверь на Инну, которая лежала на кровати лицом к стене. Она была в таком положении с тех пор, как её доставили сюда.

— Все тихо, сэр? — спросил Стива.

— Да, но будьте внимательны, — ответил Яромир. — Один из вас должен постоянно следить за Инной. Помните, наш убийца — бледная молодая женщина, одетая в чёрное. Она скорее всего владеет искусством манипуляции светом. Может показаться, что женщина ходит сквозь стены и исчезает.

Оба мужчины кивнули:

— Да сэр.

Тут Стива повернулся к Павлу:

— Эй ты! Не забудь, что ты мне должен. У тебя деньги-то есть? А то вчера проиграл последние портки!

Он ухмыльнулся, и Павел засмеялся в ответ. Он был вспыльчив, но свои игровые долги отдавал вовремя.

— Ты за мои портки не переживай, о своих лучше позаботься! Денег при себе нет. Сейчас принесу из комнаты, если тебе так приспичило.

— Не потеряйся по пути! — пошутил Стива, занимая свой пост с Уиншоу.

— Вы двое, будьте бдительны! — повторил Яромир. Он обычно не возражал против разговоров на посту. Но сейчас было необходимо, чтобы Стива и Уиншоу были крайне осмотрительны и сосредоточены, наблюдая за Инной.

— Мы с Павлом сменим вас через три часа, — сказал лейтенант.

— Да, сэр.

Павел ушёл, и начальник охраны зашагал по коридору в свои апартаменты. Хотя Яромир никогда бы не признался в этом, но он с нетерпением ждал возможности прилечь на некоторое время. Его живот и челюсть всё ещё сильно болели, поэтому прошлой ночью лейтенант почти не спал. Несмотря на мучения, он не был зол на Амели. Даже наоборот, он восхитился её умениями. Особенно впечатляла скорость, с которой Амели двигалась. Ещё один точный удар, и она сбила бы его с ног! Он знал не так уж много людей, которые бы отважились нападать на него в одиночку.

Оказавшись в своих комнатах, он снял меч, но остался в доспехах. С наслаждением Яромир прилёг на кровать, не намереваясь засыпать. Ему нужно только чуточку отдохнуть...

Он был разбужен криками Павла и громким стуком в дверь. Сколько прошло времени, неизвестно.

— Лейтенант, проснитесь!.. Вставайте же! Они мертвы! Сэр!

В мгновение ока Яромир слетел с кровати и распахнул дверь:

— О чём ты говоришь? Кто мертв?!

Но Павел уже бежал по коридору. Растерянный и шатающийся со сна, Яромир бросился за ним и увидел два гвардейских обмундирования, лежащие на полу перед дверью. Холодный пот страха выступил на висках лейтенанта. Ещё до того, как остановился, он уже знал, что увидит.

— Меня долго не было... — голос Павла срывался, — я вернулся с деньгами, которые задолжал Стиве.

Он упал на колени и заплакал как ребёнок:

— Посмотрите на него! Посмотрите на Уиншоу!

Уиншоу и Стива лежали лицом вверх, их плоть сморщилась и высохла на костях. Яромир не разрешил себе думать о своих людях, все сожаления потом. Он проигнорировал Павла и вошёл в комнату.

Инна лежала на кровати мёртвая. Её тоже высушили до шелухи.

Странно, но первой в его голове была мысль, что Селин обвинит его.

Следующая мысль заключалась в том, что он и правда виноват. Только он.

На следующий день ближе к полудню Амели почувствовала, что совершенно теряет контроль над ситуацией. Больше того, она вообще не понимала, что происходит.

Яромир провожал её и Селин вниз в большой зал. Девушка не могла поверить в то, что сестра просила её сделать.

Напряжённость между всеми тремя была такой ощутимой, что Амели могла разрезать её кинжалом.

Селин тяжело восприняла смерть Инны. Она отказывалась смотреть на Яромира или говорить с ним, если это не было необходимо. У самого лейтенанта лицо было измождённое, в глазах плескалась пустота. Хотя Амели не была склонна защищать Яромира, она понимала, что он делал то, что считал правильным. Он потерял двух своих людей, которые, скорее всего, были его друзьями. А Селин обращалась с ним так, как будто их смерть была только его виной.

Это было нечестно.

Он провёл их через большой зал в маленькую боковую каморку к запертой двери. Он отпер её ключом и ввёл обоих внутрь. Несколько мелькающих туда-сюда слуг посмотрели в их сторону, выкладывая полуденную трапезу. Яромир затворил за собой дверь, закрывая сестёр от любопытных взглядов.

Внутри камеры придворный лекарь княжича сидел в кресле, а капрал Павел стоял прямо за ним как враждебная сторожевая собака. Этот мастер Фёдор всегда вызывал у Амели странную дрожь. Ей были не по вкусу его длинные усы и вежливое презрение. Казалось бы, Яромир и Павел — высокие мужчины с мечами, кинжалами и цепной бронёй — вот кто должен вызывать опасения. Фёдор же, напротив, был стройным, почти хрупким человеком. И он был безоружен. Но именно от него исходила опасность.

— Лейтенант! — сердито сказал Фёдор. Было заметно, что он не по своей воле находится здесь. — Я требую объяснений. Ваш... человек отказывается выпускать меня из этой комнаты. Княжич узнает об этом.

— Он сам распорядился о вашем задержании, — ответил Яромир.

Челюсть Федора дёрнулась. Он сильно вспотел, и Амели разглядела несколько капелек пота на лбу мастера. Она догадалась, что он в панике.

— Где княжич? — спросила Селин, не глядя на Яромира или Павла.

Ощущение напряжения усилилось, появился намёк на угрозу.

— Он нездоров, — коротко ответил Яромир. — Можно начинать.

Селин отказалась смотреть на него, вместо этого она повернулась к Амели:

— Пожалуйста, сделай это для меня. Хельга, кажется, знает, что говорит. Просто попробуй.

Амели дрогнула. Трудно было признать, но ей ужасно хотелось, чтобы подозрения сестры подтвердились. Страх потерпеть неудачу мешал сделать первый шаг. Если не получится, значит, никакой силы у неё нет. Как будто обрекаешь себя на мирское навсегда.

— Тебе нужно только прикоснуться к его руке и сосредоточиться на прошлом, — уговаривала Селин, — на том, что привело его сюда.

— Что за бредни? — Фёдор начал вставать, но Павел толкнул его обратно в кресло.

— Ничего страшного, мастер Фёдор. Эта девушка прочитает твоё прошлое, — с угрозой в голосе сказал Яромир, указывая на Амели.

Белки глаз Фёдора сияли вокруг его радужной оболочки:

— Я не согласен! Это унижительно! — Придворный лекарь снова начал подниматься, и на этот раз Павлу пришлось удерживать его обеими руками за плечи.

— Это не обязательно... — начала Селин.

— Давай! — рявкнул Яромир.

У Амели появилось ощущение, что он сейчас потеряет самообладание. Яромир, похоже, сильно переживает гибель Инны и гвардейцев. А Селин ещё подливает масла в огонь.

Хотя сестре самой было нелегко: она стояла бледная и напряжённая.

— С чего мне начать? — неуверенно спросила Амели. Надо продвигаться вперёд, раз уж заварили эту кашу.

Селин устало закрыла глаза и тут же открыла их. Без лишних слов Яромир подтащил стул и поставил напротив Фёдора, который был уже весь мокрый от пота. Амели почти пожалела его: Яромир и Павел действовали без церемоний.

Присев на стул, она посмотрела на сестру. Та наклонилась и сказала:

— Возьми его за руку и закрой глаза. Попытайся почувствовать искру его духа и сосредоточься на том, что привело его сюда.

— Князь Ливен узнает об этом! — Фёдор протестовал уже тише.

— Заткнись! — прикрикнул на него Яромир.

Яромир явно превышал свои полномочия. Если вдруг окажется, что мастер Фёдор невиновен, то всё это сулит очень серьёзные проблемы. Но если он невиновен, то зачем подговорил Инну тайно подсыпать жуткое снотворное Антону?

Внезапно любопытство Амели и её стремление докопаться до истины возобладали над волнением и напряжением, висевшим в воздухе. Девушка коснулась руки лекаря. Мастер Фёдор вздрогнул, но не вытащил руки, понимая, что у него нет выбора.

Амели закрыла глаза, пытаясь совладать с дрожью. Она теперь понимала, что чувствовала Селин, когда все вокруг наблюдали с жадным ожиданием, что скажет «провидец».

Отбрасывая подобные отвлекающие мысли, она сосредоточила внимание на мужчине, который сидел напротив. От него исходило тепло. Надо найти «искру духа» по словам сестры... и она почувствовала что-то, намёк на его сущность. Сосредоточившись, она про себя повторяла вопросы, что он здесь делает и зачем пришёл в Сеон.

Ничего не произошло.

Она ничего не видела.

Это продолжалось достаточно долго. Началась паника. Что, если Селин и Хельга ошибались? Что, если бы она и сестра не были двумя сторонами одной монеты? Может, Селин была единственной, кто унаследовал силы Прозревающих туман, как Хельга называла линию своей матери.

Её мысли перекинулись на белый порошок с болиголовом... И тут Амели ощутила резкий, довольно чувствительный удар. Второй удар, и маленькая комната вокруг неё исчезла. В ушах раздался пронзительный звук, и вот она падает в воронку белого тумана. Несмотря на всю храбрость, Амели охватил ужас. Всегда она старалась держать ситуацию под контролем, а сейчас собственное тело не слушалось её. Вокруг клубился белый туман, и от него было не скрыться.

Внезапно туман исчез, и Амели оказалась в большой комнате со стенами из полированной сосны и горящим очагом. Как это могло произойти?

Оглядевшись, она поняла, что она находится не в замке Сеон. Из-за рогов и чучел кабанов на стенах она подумала, что находится в охотничьем домике. Вокруг каким-то образом оказались солдаты в чёрных котарди и лёгких доспехах.

Испугавшись, она быстро выхватила меч на бедре, но никто из солдат не отреагировал. Казалось, что они не видят её.

В верхней части комнаты находился грубо отёсанный стол. Рядом сидел человек на резном стуле, украшенном позолотой и драгоценными камнями. Мужчина был молод, лет около двадцати пяти. Красивое лицо, обрамлённое тёмными волосами, дополнялось сильным стройным телом. Его кожа была бледной до белизны. Одет незнакомец был в безрукавную синюю расшитую тунику. Он был похож на Антона — только с более тёмными, длинными волосами. Только глаза мужчины были жестокими, и он с лёгким презрением смотрел сверху вниз на кого-то.

Амели последовала за его взглядом, и увидела, как мастер Фёдор встал на колени.

— Мой отец отправляет вас к брату как к его личного лекаря, — сказал мужчина. — мне даже не пришлось прикладывать особых усилий.

Амели резко выдохнула. Она догадалась, кто это. Княжич Дамек. Она никогда не видела его, хотя Шетана и находилась под его властью.

— Да, мой господин, — сказал Фёдор маслянистым голосом. Он не был напуган, и спокойно ждал продолжения разговора.

— Значит, вы понимаете, что я попрошу вас сделать? — спросил Дамек.

— Разумеется, мой господин. Я буду отправлять регулярные отчеты обо всём, что происходит в Сеоне, и я постараюсь... препятствовать его успехам в хозяйственных делах.

— Он должен казаться слабым, — сказал Дамек, — неспособным править и вести хозяйство, а также управлять людьми. Можете ли вы это сделать?

— Это будет нетрудно, милостивец. А взамен...?

— Вы будете хорошо вознаграждены, не волнуйтесь. Но не разочаруйте меня. Он должен стать уязвимым.

Фёдор низко поклонился:

— Я не подведу.

— Верю, что нет.

Амели тяжело дышала, пытаясь переварить информацию. Она была здесь, и в то же время её никто не видел и не слышал. Вид высокомерного Дамека в кресле наполнил её

отвращением.

А мастер Фёдор всё-таки оказался предателем.

Охотничий домик исчез, и она снова оказалась в каморке. Открыв глаза, она увидела мастера Фёдора, сидящего на своём стуле напротив неё. Взгляд его был настороженным.

Селин присела рядом с ней:

— Амели, как ты себя чувствуешь? Что ты видела?

Но Амели судорожно дышала, ошеломлённая реальностью того, что только что произошло. Неужели она действительно имеет способности?

— Яромир! — неожиданно для себя позвала девушка. Он склонился над стулом, а потом легонько обнял её.

— Что? — спросил он, — Амели, что ты видела?

— Он работает на Дамека! — выпалила она. — И пришел сюда, чтобы навредить Антону!

Глава 12

Некоторое время спустя Селин и Амели сидели вдвоём в своей комнате. Сцена, следующая за откровениями Амели, была отвратительной. Яромир приказал Павлу взять мастера Фёдора под стражу, отвести в старые казармы и запереть в тюремной камере. Фёдор не смог принять это с достоинством. Он отчаянно сопротивлялся, и слуги буквально выволакивали лекаря из каморки.

Селин и Амели постарались как можно быстрее удалиться в свои комнаты.

— Как ты думаешь, что с ним будет? — Спросила Амели, опускаясь на кровать.

Селин понимала, что она переживает: считает себя ответственной за то, что рассказала о событиях в видении.

— Полагаю, это зависит от того, сможет ли Яромир найти какие-то доказательства. Я знаю, что он верит тебе. Но сейчас всё, что у него есть — это слова «цыганской гадалки», как заявил Фёдор.

— Да, — сказала Амели, кивая. — Будет суд, верно? Даже если его составят из княжича и его совета? Яромир должен будет привести веские доказательства, не так ли? И мои слова не в счёт.

— Не будет никакого суда. — С лёгкой досадой Селин заметила, что миниатюрный портрет женщины с каштановыми волосами вернулся на туалетный столик. Она подняла его. — Почему он опять здесь? — Девушка не знала, почему вид портрета беспокоил её.

Дверь открылась, и Хельга ковыляющей походкой внесла тарелку с хлебом, ветчиной и нарезанной морковью.

— Я знаю, что вы не обедали, — сказала она и многозначительно подняла брови, — ни одна из вас.

Она оставила дверь открытой, но Селин не возражала. В этой части замка редко ходили жильцы или слуги, а открытая дверь создавала ощущение свободного пространства.

Как только Хельга поставила поднос на туалетный столик, Селин спросила ее:

— Хельга, это ты достаёшь миниатюру из ящика и снова ставишь её обратно?

Хельга моргнула.

— Леди Бетани? Нет, я к ней не прикасалась. Я думала, что это княжич отдал её тебе по какой-то причине.

Это не имело никакого смысла.

— Кто такая Леди Бетани?

— Кто... она была матерью княжича. Он привык держать этот портрет в своей спальне, и я иногда смахивала с него пыль, когда помогала горничным.

— Что? — Спросила Амели, вскакивая с кровати и подходя ближе.

— Вы не знали? — искренне удивилась Хельга.

Теперь Селин стало понятно, почему лицо на миниатюре показалось знакомым. Оно было немного другой формы, и в общем черты более мягкие. А вот каштановые волосы и тон кожи очень походили на Каринины.

— Это мать Антона? — спросила Селин встревоженно, и смутная мысль мелькнула в голове. — Он сказал мне, что портрет пропал. Как миниатюра могла очутиться здесь?

— Мы должны вернуть его? — поинтересовалась Амели неохотно.

Почему-то и Селин не понравилась идея просто подойти к Антону, протянуть миниатюру его матери, и сказать:

— О, кстати, это было в нашей комнате с тех пор, как мы приехали.

Как это будет выглядеть?

— Нет, — сказала она, — надо сделать по-другому. Я постараюсь положить миниатюру куда-нибудь, где Антон найдет её.

Амели кивнула.

— Ты права, так будет лучше. — Она изучала крошечный портрет.

— Она была красивая женщина. Хельга, ты знаешь, как она умерла?

— От гнойного воспаления в кишечнике. Его светлости было тогда всего восемь лет.

— Воспаления в кишечнике? — переспросила Амели.

— Помнишь старшего сына Джарета в Шетане? — тихо спросила Селин, — Как он мучился от жуткой боли в животе, а потом неожиданно скончался.

Амели притихла. Она и Селин видели, как люди умирают таким образом. Как правило, у больных всё начиналось с тошноты, сопровождаемой резкой болью в правой части живота. Через некоторое время начиналась агония, а затем кишечник буквально разрывался изнутри. Как только это начиналось, даже самый лучший врач не мог помочь. Исход только один — смерть в нечеловеческих муках.

— Бедный ягнёночек, — сказала Хельга, всё ещё глядя на портрет. — Я слышала, что боль началась утром, а скончалась она раньше, чем закончился день.

Бедный Антон, он потерял мать таким юным.

Женщины молчали несколько мгновений, затем Селин положила портрет обратно в ящик.

Желая сменить тему, Хельга принялась шлёпать ветчину на ломтики хлеба. Она прищуренным глазом взглянула на Амели:

— Я слышала, что случилось с мастером Фёдором, — молвила старушка. — Значит, ты нашла свою сторону медали.

Амели ничего не ответила. Похоже, она была ещё не готова распространяться о своих новых способностях.

Девушка откинулась на спинку кровати и сказала сестре:

— Я так хотела остаться здесь! Мне показалось, что в Сеоне совсем недурно... но теперь не уверена. Думала, что в этом городке другие порядки, не как у нас дома. Но мы с тобой видели, как Яромир и Павел обращались с мастером Фёдором. Разница небольшая.

Селин не удивилась, она испытывала те же сомнения.

— Ну, нам не обязательно оставаться. Я предсказываю будущее, ты видишь прошлое...

сомневаюсь, что мы умрём с голоду где бы то ни было.

— Вы можете вернуться к своему народу, — предложила Хельга. — Прозревающим туман всегда найдётся место у мондьялитко.

Звук в дверях привлек внимание Селин, и она обернулась. На пороге стоял Антон. Двое слуг-мужчин стояли у него за спиной, держа в руках портрет из залы наверху. Княжич выглядел ужасно. Его руки дрожали, а кожа приобрела зеленоватый оттенок. Селин начала догадываться, какой характер имеет болезнь княжича.

У Антона был растерянный вид, и она задумалась, как долго он уже здесь. Она была уверена, что здесь никого не было, когда шёл разговор о леди Бетани. Но слышал ли он, как сёстры обсуждали возможность покинуть Сеон?

— Милорд, — не зная, что сказать, она поприветствовала Антона кивком головы.

К счастью, Амели нарушила неловкое молчание. Она рывком поднялась с кровати и направилась к двери.

— Это та самая картина? — спросила она, с каким-то трепетом глядя на изображение бледной темноволосой женщины у костра.

К Антону вернулось самообладание:

— Да, я переносу её в свои комнаты. Хочу держать поближе к себе и подальше от всех остальных.

Селин задумалась, зачем он остановился у их двери? Для него было несвойственно наносить визиты. Если он хотел поговорить с кем-то, он обычно вызывал человека к себе.

— Новое распоряжение для нас, милорд? — спросила она.

— Да. — Он замялся. — Лейтенант посадил под стражу мастера Фёдора. Он ожидает некоторых... сложностей при допросе. Поэтому я хочу, чтобы вы обе прошли со мной. Нам нужно больше информации. Надо попробовать узнать ещё что-нибудь о его прошлом, и попытаться увидеть будущее. И я хочу услышать ваши доклады сразу после этого.

Селин подумала, что с таким видом лучше бы ему быть в постели, а не на допросе. Вслух же она сказала:

— Конечно.

Но Амели одновременно воскликнула.

— Еще раз? Так скоро? Я только что от него!

Антон нахмурился, Селин напряглась. Он явно не привык к тому, что его приказы подвергались сомнению.

К его чести он ответил:

— Ты окажешь мне огромную услугу, Амели.

Её рот плотно сжался, она кивнула.

— Отлично.

— Благодарю.

Он повернулся к слугам, которые всё это время не выпускали портрет из рук:

— Несите это в мои покои.

Затем княжич отступил от двери, указывая жестом дорогу Селин и Амели:

— Пройдёмте, тюрьма здесь недалеко.

Яромир прошагал через старое караульное помещение тюремного замка, чтобы найти Павла. Капрал ожидал снаружи возле запертой камеры.

Лейтенант провёл детальный обыск комнат мастера Фёдора и не нашёл ничего, что он мог бы использовать для доказательства вины лекаря. Тогда он решил, что придётся

полагаться на другие методы. Сняв меч, он передал его Павлу. Оставался ещё кинжал на бедре, другой был припрятан в сапоге.

— Не позволяй никому войти, — приказал он Павлу. — Никому.

— Да, сэр.

— Открой дверь.

Тюрьма в замке редко использовалась, за исключением заточения случайного мелкого воришки. Прошлой осенью к нему пришла старуха, жалуясь, что муж дочери сильно избил супругу. Когда Яромир спустился в деревню и увидел молодую женщину, он приказал запереть её мужа на полгода.

Он был здесь законом и все это знали.

Мастер Фёдор прекрасно понимал это. Он попятился к сырой стене камеры, когда вошел Яромир. Павел остался снаружи, снова захлопнув дверь.

— Ты не можешь держать меня здесь без доказательств, — сказал Фёдор. — Я требую, чтобы о происходящем доложили княжичу.

— Его проинформировали.

Фёдор не удивился. Он понимал, что Яромир не станет держать человека его статуса взаперти без согласия Антона.

— Как ты это делаешь? — Яромир начал без предисловий. — Для того, чтобы убить девушек, ты использовал какую-то женщину, которая притворялась призраком? Как ты это провернул? Яд на перчатках?

Лицо Фёдора стало белым.

— Убийство...? — пробормотал он. — Ты же не думаешь, что это я?

Яромир подошёл ближе. Теперь спина лекаря вплотную прижалась к стене.

— У кого-то ещё есть намерения дискредитировать Антона?

Дико трясая головой, Фёдор настаивал:

— Нет! Я никого не убивал. Моя единственная задача состояла в том, чтобы... — он затаил, в ужасе сознавая, что почти проговорился.

— Чтобы?...

— Заботиться о здоровье княжича Антона. — Фёдор снова овладел собой. — И у вас нет доказательств. У вас нет ничего, кроме слов какой-то девки, одевающейся как мальчишка.

Яромир рванул кинжал из-за пояса и прижал острый край чуть ниже левого глаза Фёдора.

— Как долго ты работаешь на Дамека? С тех пор, как принц Ливен решил отправить вас сюда?

Страх исказил физиономию лекаря:

— Ты не сделаешь этого! Не имеешь права!

Быстрым движением Яромир рассёк щёку мужчины, наблюдая, как кровь течёт по его лицу.

— Это мой долг перед княжичем, — прошептал Яромир на ухо мастеру Фёдору. — Я буду делать всё, что нужно.

Глаза Фёдора расширились от страха и боли.

— Как давно ты работаешь на Дамека? — угрожающе повторил Яромир.

— Два года, — выпалил Фёдор.

— Дамек каким-то образом убедил отца, что Антон болен?

— Дамек не сам пустил слух. Отец никогда не поверил бы, что его беспокоит здоровье

брата. Князь Ливен сделал это по совету доверенных людей Дамека.

Яромир снова приложил лезвие к лицу Фёдора.

— И он приказал тебе медленно отравить Антона болиголовом?

— Я никогда не навредил бы ему! Я должен был только ослабить его. Тогда люди увидели бы, что он непригоден для правления.

Ярость внутри Яромира продолжала расти. Он доверил здоровье Антона этой дряни... и даже не подозревал.

— Ты сообщил Дамеку об убийствах здесь?

Фёдор быстро вздохнул.

— Да.

— А о недавнем ухудшении здоровья Антона?

— Ещё нет.

Яромир отступил назад, задумавшись. Если он оставит Фёдора в живых до официального слушания, есть возможность, что Дамек найдет какой-то способ вмешаться. Фёдор — умный малый. Даже в ходе процесса лекарь может найти способ доносить Дамеку информацию о том, что происходит в замке и городке.

Надо сделать так, чтобы он не мог и дальше вредить. Яромир пропустил шпиона и предателя. Такой проступок не может быть прощён. Но может быть изменён.

Потянувшись левой рукой, он выдернул второй кинжал из сапога и протянул его рукояткой вперёд:

— Возьми его.

В глазах Фёдора отразилось понимание. Он попытался отпрянуть, но забыл, что стена уже за спиной.

— Нет! Я не дам тебе повода убить меня.

— Возьми! Или я убью тебя и вложу его в твою руку, когда ты умрёшь. По крайней мере так у тебя есть шанс.

Ничего не происходило в течение нескольких секунд, потом Фёдор потянулся за кинжалом. Яромир молниеносным движением перехватил его руку, и запустил кинжал в горло Фёдора, перерезав его пополам.

Отступив, он наблюдал, как падает тело.

Готово.

Селин шла размеренным шагом рядом с Антоном. Воздух вокруг был промозглым, даже ступеньки лестницы влажно блестели. Потом они прошли через небольшую комнату, которая раньше была дежуркой. Тюрьма давила на девушку, и она задавалась вопросом, какие трагедии происходили здесь за последние сто лет или около того.

Амели шла позади них. Когда все трое миновали караульную будку, то оказались в большом мрачном помещении. На них смотрели шесть деревянных дверей с узкими щелями в нижней части. Они вели в камеры. Рядом с одной из дверей Селин увидела Павла, стоящего по стойке «смирно».

Дверь за Павлом открылась, и показался Яромир. При виде Антона он застыл в открытых дверях. Взгляд Селин спустился к кинжалу в его руке. Что-то вязкое и тёмное капало на каменный пол. Она похолодела.

— Я пришёл допросить его сам, — спокойно сказал Антон. — Есть проблема?

— Да, милорд, — ответил Яромир. — Я получил полное признание. Только вот когда я закончил, ему удалось вытащить кинжал из-за пояса и напасть на меня. Мне пришлось

защищаться.

— Он мёртв?

— Боюсь, что так. Я не думаю, что он был причастен к гибели девушек. Но он признался в своём предательстве.

Селин слушала эти отчуждённые реплики, произнесённые спокойным тоном, и в её ушах начал нарастать гул. Как будто Фёдор отважится напасть на Яромира. Ей стало тяжело дышать.

— Жаль, — сказал Антон, — но если он дал полное признание, ваши слова не подлежат сомнению.

Гул в ушах Селин набирал обороты, она бросилась мимо Яромира в камеру. Он повернулся, чтобы остановить девушку, но она уже смотрела на пол.

Мастер Фёдор лежал на влажном полу темницы с кинжалом, зажатым в правой руке. Его глаза всё ещё были открыты, на щеке глубокий порез. Кровь вытекала из раны у основания его горла, образуя лужу вокруг головы.

— Ты убийца! — закричала она, поворачиваясь к Яромиру.

— Селин! — Антон повысил голос.

Рёв в ушах стал почти нестерпимым, и её обед угрожал выплеснуться на мокрые камни камеры.

— Ты пришёл сюда и убил его! — продолжала она, не в силах остановиться. — Судья и палач. И твой хозяин и господин не скажет ни слова.

Стены камеры вдруг потемнели и запрыгали перед её глазами.

— Капрал Павел, — сказал Антон тихим голосом, — госпоже Фоу нехорошо. Пожалуйста, отведите её в покои.

Когда Селин увидела приближающегося Павла, она увернулась от его рук, чуть не поскользнувшись на луже крови.

— А ты! — бушевала она. — Ты просто стоял за дверью и слушал. Ты даже не попытался остановить это!

Тут Амели проскользнула мимо Павла, влетела в камеру и взяла Селин за руки. Она обняла сестру и взглянула на мужчин с выражением, от которого даже Яромир замер.

— У неё есть я, — сказала Амели. — Спасибо большое, но нам ваша помощь не нужна. Мы ни в ком не нуждаемся, кроме друг друга.

Что-то в этих словах заставило рёв в ушах Селин утихнуть.

— Селин, давай, — прошептала Амели ей на ухо. — Мы пойдём сами. Не позволяй Павлу вести тебя.

Мерзкое чувство тошноты не унималось. Но Селин позволила сестре подвести себя к двери. Мужчины отошли с дороги, пропуская их.

Амели отвела Селин в комнату и заставила её лечь в постель под одеяло.

К счастью, Хельга всё ещё была в комнате. Намочив тряпку, она мягко прижимала её ко лбу Селин. Девушка растерянно обводила комнату глазами, ни на чем не задерживая взгляд.

— Я больше не могу этого делать. Не хочу... — горячо шептала она.

— Я знаю-знаю, милая, — отвечала ей встревоженная Амели.

— Шшшшш, — сказала Хельга Селин. — Спи, моя девочка. Когда ты проснешься, тебе будет легче. Вот увидишь.

Амели так не думала, но промолчала. Сидя на краю постели, она пыталась придумать, как вернуть Селин душевное равновесие.

В дверь раздался негромкий стук.

О, какого чёрта им ещё надо?

Раздражённая Амели спрыгнула с кровати и распахнула дверь, желая неизвестному посетителю провалиться. За дверью стоял Павел. И он правда думает, что она его впустит?

— Что? — грубо спросила она, загораживая вход.

— У Селин всё в порядке? — он не попытался войти и выглядел искренне обеспокоенным, так что Амели немного смягчилась.

— Нет. Не в порядке.

— Вы застали нас врасплох. Всё произошло слишком быстро. Если бы не это, лейтенант никогда бы не позволил ей пройти мимо него и увидеть это. Я бы никогда не позволил ей увидеть это.

— Ну да! Если она не видела, значит, этого вроде как и не было?

Он вздрогнул.

— Чего ты хочешь, капрал? — вздохнула она.

Он протянул сложенный листок бумаги.

— Прочти это. Только прошу тебя, не отказывай.

Затем капрал повернулся и зашагал по коридору к лестнице, ведущей вниз. Амели вернулась в комнату и развернула листок.

Внутри было сообщение для неё:

Я наверху в портретном зале один. Пожалуйста, приходи.

Яромир.

Она бросила записку на туалетный столик и покачала головой.

— Что это? — Спросила Хельга.

— Его высокопревосходительство-милорд-лейтенант хочет, чтобы я пошла в портретный зал и увиделась с ним.

— Тогда тебе нужно идти.

Амели обернулась:

— Ты серьёзно?

На этот раз Хельга не смеялась и не болтала попусту:

— Ты не понимаешь. Здесь до его прихода было всё по-другому. Он действительно сделал это место безопасным. И безопасно было довольно долгое время, вплоть до недавних событий. Только этот человек всегда держится в стороне от других жителей замка. Он одиночка. И если он попросил помощи, значит это действительно серьёзно. Ты должна помочь ему.

— Я ничего ему не должна.

— Неужели?

Непрощенные воспоминания ворвались в сознание Амели. Горящий за спиной дом, её руки, уставшие в бою, который она не могла выиграть... и Яромир, сражающейся с солдатом в чёрной накидке.

Хельга повернулась к Селин:

— Иди к нему. Не волнуйся, я позабочусь о ней.

Амели мгновение стояла, глядя на кровать. Затем она повернулась и вышла из комнаты, направляясь в другой конец коридора к странной тёмной лестнице. Раньше она не поднималась туда, но Селин уже описывала эту дорогу.

Поднявшись по лестнице, она попала в длинный зал с высокими стрельчатыми окнами с

одной стороны и огромными портретами с другой. В глаза сразу бросилось пустое место, откуда сняли картину.

Яромир сидел на полу спиной к стене. Неожиданно для себя она почувствовала жалость. Вот только если Яромир позвал её сюда для утешения, то он будет разочарован. Она не знала даже, как успокоить Селин, а ведь они сёстры.

— Я здесь, — сказала она неуверенно, приближаясь к нему. — Зачем ты позвал меня?

Он не сводил глаз с противоположной стены.

— Я хочу, чтобы ты поняла, почему я убил его.

— Да знаю я всё. Чтобы защитить Антона. Я бы, наверное, сделала то же самое для Селин.

Он посмотрел на неё с облегчением. Может статься, ей всё же удастся немного утешить его. Ведь она поняла не только причину убийства лекаря. Она рискнула поверить, что он был прав, совершив такое.

— Садись, — сказал он.

Амели осторожно присела рядом. Ей не нравилось наблюдать за тем, как он играет роль беспринципного солдафона, но это было ещё хуже. Он как-то весь съёжился, и даже казался меньше в размерах.

— Нет, я действительно хочу, чтобы ты поняла, — устало продолжил он. — Я хочу показать тебе, почему я предан ему.

Она нахмурилась. О чём он говорит?

— Прочти моё прошлое, — попросил он.

Она начала подниматься:

— Вот уж нет.

Влезть ему в голову? Это было слишком интимно.

Он тут же схватил её за запястья и не позволил встать:

— Амели, не уходи!

Инстинктивно она дёрнулась несколько раз, но даже не смогла пошевелить руками. Сила его рук была ей слишком хорошо известна. Вместо того, чтобы пинать его, она сказала:

— Вот почему Селин так устала от этого места! Сначала ведёте себя как наши друзья, завоёвывая наше доверие. Но это только до тех пор, пока мы делаем то, что вам угодно. А потом розовая дымка рассеивается и... бац! Действуете как головорезы Дамека. Есть ли между вами разница?

Яромир резко отпустил Амели, будто её кожа жгла ему руки.

— Не уходи. Пожалуйста.

Это был уже третий раз за последние десять минут, в течение которых он или Павел использовали слово «пожалуйста». Пожалуй, если она не согласится, все гвардейцы в замке выстроятся в очередь просить за своего лейтенанта.

— Я никогда не был хорошим рассказчиком, — бросил он. — Ты — единственная, кто может увидеть, почему я готов на всё ради безопасности Антона. — Он помолчал. — Я хочу, чтобы кто-то знал.

Она выдохнула через нос и села на пол. Хельга права, говоря о его одиночестве. Яромиру нужна какая-то поддержка после ужасов последних нескольких дней. Но она не могла заставить себя коснуться его и попытаться взглянуть на его воспоминания. Она боялась, что после этого он станет ей ближе... гораздо ближе.

— Разве ты не можешь просто рассказать мне? — спросила она. Девушка чувствовала,

что так будет лучше.

Яромир некоторое время рассматривал её лицо. Поговорить с кем-то по-настоящему, без цели повлиять, надавить или заручиться поддержкой... А ведь это настолько гениально и просто, что граничит с мудростью. Яромир пытался вспомнить, когда он в последний раз говорил с кем-нибудь по душам. И вообще, может ли он позволить себе такую роскошь? Может, со временем она станет ближе настолько, что согласится прочесть его прошлое.

Амели прекрасно понимала, что нравится ему. И это больше, чем мимолётный интерес. Но была полна решимости держать его на расстоянии вытянутой руки.

Да, она считала его привлекательным мужчиной. Амели смогла наконец признаться в этом самой себе. Любая женщина подтвердит, что он красавчик! Он высок, силен и самодостаточен. Заботится о тех, кто рядом. И вообще Яромир — один из самых способных людей, которых она когда-либо встречала.

В то же время Амели видела его нынешнюю любовницу. А играя в карты с гвардейцами, слышала их разговоры о его предыдущих зазнобах. По всему выходило, что в его вкусе богатые, красивые миниатюрные женщины, которые подчиняются его приказам. А ещё он никогда не держал при себе одну женщину слишком долго.

Поскольку Амели была далека от его обычного типа, она могла предположить, что заинтересует лейтенанта на более продолжительное время. Вот только на сколько времени его хватит? Она не собиралась становиться просто очередной любовницей из списка.

Тем не менее она чувствовала его боль и хотела помочь. К чему приведёт эта помощь, неизвестно.

— Ну давай, поговори со мной, — проговорила она после длительной паузы. — Если хочешь, чтобы я поняла, ты должен рассказать мне. Читать прошлое пока ни к чему.

Устраиваясь на полу поудобнее, она спросила:

— Когда вы с Антоном познакомились?

Всё ещё глядя ей в лицо, Яромир ответил:

— Четыре года назад... в замке Пэлен.

Она сидела и слушала, пока он пытался как-то справиться с непривычной ролью рассказчика. Он рассказал, как отказался от места в доме Хиларона из-за лояльности к падшему княжичу, не имея ни малейшего представления, что такое жизнь в качестве наёмника на большой дороге.

— Ты не поверишь, что мне приходилось делать для выживания, — тихо говорил он. — Даже не хочу такое рассказывать.

Она молча слушала.

— Когда я услышал, что князь Ливен нанимает охранников для семейного собрания, то побежал, только пятки сверкали. Я уже не стеснялся выпрашивать, — продолжил он, — гордости вообще не осталось. Я был грязным и голодным... даже когда меня нанимали, мне пришлось просить пищу и бритву. Как только собрание подошло к концу, меня выгнали.

Мгновение он помолчал.

— Но потом Антон... он спас Лиззи от своего брата, а взамен я спас его от группы убийц Дамека.

Несмотря на решимость молчать и слушать, Амели не смогла сдержаться и выпалила:

— Что?

Он кивнул и продолжал говорить тихо, повествуя о грязной сделке Дамека с капитаном охраны:

— По-настоящему доверенных людей рядом с ним не было. Он был совсем один, — говорил Яромир. — В то время я не понимал этого, только позже.

— И он попросил тебя поехать в его замок?

Яромир глубоко вздохнул. Его глаза были направлены в одну точку, как будто он мог смотреть сквозь стены в прошлое.

— Да. К тому же мы стали друзьями, для меня это было странно. Ты только подумай: кто он и кто я?.. Я думал, он даст мне должность какого-нибудь караульного или что-то вроде того. И вот когда мы приехали, он представляет меня лейтенантом, начальником охраны. Поселил в той части замка, где живут приближённые придворные. Скоро почти никто не называл меня по имени. Либо «сэр», либо «лейтенант». — Он прислонился к стене. — Можешь ли ты представить, каково это? Ничего не было и в один прекрасный день... Да! Когда был никому не нужным бродягой, а потом вдруг становишься кем-то большим, чем мог вообразить?

Амели положила подбородок на руки:

— Да, я могу представить, каково это.

Было уже за полночь. Хельга уже ушла, и сёстры остались одни. Селин лежала под одеялом и слушала историю Яромира, которую Амели обстоятельно пересказывала. Против воли Селин была тронута злоключениями бывшего наёмника. Но даже это не могло полностью оправдать лейтенанта в её глазах:

— Всё это очень увлекательно, но не оправдывает убийство человека.

— Он защищал Антона.

— Во время предварительного следствия?

Амели не ответила. Селин было любопытно, почему сестра так упорно встаёт на защиту Яромира. Но она так устала! Да ещё дело об убитых девушках зашло в тупик. Возможные линии расследования пресеклись. Все подозреваемые и жертвы, кому сёстры прочитали прошлое или будущее, были мертвы.

Хельга была права, и после целого дня сна она успокоилась.

— Я до сих пор не уверена, что смогу продолжать, — прошептала Селин.

— А лавка?

— Не знаю.

Прежде чем Амели смогла ответить, громкий стук в дверь заставил их обеих подпрыгнуть. Стук не прекращался, и Амели поспешила к двери.

Яромир обеспокоенно заглянул внутрь. Его лицо так осунулось, что выглядело постаревшим:

— Селин, ты должна поспешить. Антону хуже.

Она села в кровати:

— Насколько хуже?

— Я думаю, он умирает.

В спальне Антона Селин вытирала пот с его лица. Он был без сознания, но телс сотрясала непрерывная дрожь. Амели присела рядом с ней, Яромир притулился на краю кровати, сам почти больной. Кажется, он в самом деле был напуган. Павел стоял у двери, скрестив руки. Он выглядел чуть лучше, чем его лейтенант. Рядом с ним К стене был прислонён портрет женщины в чёрном.

— У него была рвота, прежде чем он упал без сознания? — спросила Селин. Испорченные отношения не имели значения в этот момент.

— Да, — ответил Яромир. — Я думал, что это хорошо. Думал, если Фёдор ухитрился дать ему тот яд, прежде чем был арестован... то Антон очищался. Это возможно?... Чёрт! А если Фёдор отравил его чем-то пострашнее?

Селин в задумчивости пожевала губы изнутри. Она знала, что случилось с Антоном. Она знала это уже днём. Но люди его статуса — и люди вокруг них — не хотели признавать зависимость от эликсиров, вина или чего-то другого, кроме собственной власти. Такое заявление может быть истолковано как оскорбление. Вот почему она ничего не сказала раньше. Она надеялась, что княжичу не станет хуже.

— Селин! — Настаивал Яромир.

В комнате был полумрак, горело только несколько свечей. Антон застонал от боли, потая на простынях.

— Нет, — сказала она, как ни в чем не бывало, насколько могла. — У него совсем другая проблема. Мастер Фёдор давал ему опиаты в течение долгого времени. Его тело стало зависимым от опиума, и теперь наступает ломка. Его органы больше не могут функционировать без него, и я боюсь, что зависимость настолько серьёзная, что состояние может продолжать ухудшаться.

Павел напрягся в дверях, Яромир выпрямился.

Но затем, к её великому облегчению, лейтенант спросил:

— Что-нибудь можно сделать?

— Да, но тебе это не понравится.

— Просто скажи мне!

— Ему нужны маленькие, ослабленные дозы опиата на какое-то время. Дозы нужно уменьшать в количестве до тех пор, пока тело не отвыкнет от него. На это понадобится несколько недель. Одновременно можно давать тоник из кожевенника, чтобы помочь печени очистить организм от токсинов.

Она понимала, что Яромиру не понравится идея снова давать княжичу наркотики. Лейтенант рассматривал Антона как нечто большее, чем средство для сохранения положения и власти.

— Ты можешь сделать эти зелья? — спросил он.

Селин не думала, что маковый сироп или очищающий тоник — это зелья, но кивнула:

— Да, но мне понадобится полный доступ к аптечному магазину и его травяному саду. И если вы хотите, чтобы всё было сделано быстро, будет нужна помощь.

Её слова оказали на него почти магическое действие. Лицо сразу прояснилось, некоторые измождённые складки исчезли. Яромир был человеком, которому нужен план, действие. По-настоящему несчастным его делало именно чувство беспомощности.

— Какая помощь? — без промедления спросил лейтенант.

— Для начала нам понадобятся несколько фонарей, если мы будем собирать маки прямо сейчас. И много дров, чтобы развести огонь в очаге и поддерживать его.

Посмотрев на Антона, Яромир помедлил несколько секунд, а потом сказал:

— Я остаюсь здесь с ним. Павел, ты соберёшь фонари и дрова. Иди с Селин и Амели в аптеку. Позаботься об их безопасности и окажи Селин любую помощь.

Павел побыстрее распахнул дверь. Он обрадовался, что может заняться хоть каким-то делом:

— Да, сэр.

Уходя, Селин бросила через плечо Яромиру:

— Я думаю, надо отправить кого-нибудь разбудить леди Карину.

На этот раз приготовить флакон с ослабленным маковым сиропом нужно было ещё быстрее. Павел оказался полезным. Он помог ей и Амели собрать самые лучшие маки и развёл огонь, пока они подготавливали компоненты.

Во время этого процесса Селин осенила поразительная мысль: она же изменила видение! Накануне, пребывая в будущем Инны, она ясно видела, как женщина положила двойную дозу порошка в вино Антона. Селин разоблачила Инну, не давая ей опаивать отравленным вином Антона.

Да, княжичу сейчас приходилось нелегко. Но не было никаких сомнений, что Селин изменила будущее. Значит, такое возможно.

Это было откровением.

Она вытерла пот со лба и ещё энергичнее принялась за дело.

Селин закончила даже раньше, чем ожидала. Почти бегом она добралась до комнаты Антона, неся ложку и флакон. Амели и Павел семенили позади. Селин постучала, и Яромир открыл дверь.

Леди Карина была в комнате. Выражение её лица было непроницаемым.

— Как он? — спросила она сразу.

Селин понятия не имела, что ответить. Вместо этого она поспешила к кровати:

— Яромир, приподними его. Он должен сидеть, чтобы не поперхнуться.

Лейтенант двигался быстро. Положив одну руку под спину Антона, он помог принять телу сидячее положение.

— Открой ему рот, — поручила Селин. Она надеялась, что Антон их понимает, и сможет немного помочь.

— Антон, — сказала она, коснувшись его лица двумя пальцами. — Вы должны проглотить это. Вы слышите меня?

Она влила ложку макового сиропа ему на язык, а затем аккуратно закрыла рот руками. Он дёрнулся в очередной судороге, но проглотил.

— Ещё, — сказала она Яромиру. — Ещё одну.

Когда они закончили, Селин сидела рядом с Антоном, всё ещё держа ложку в руках.

— Как скоро мы узнаем, сработает ли это? — спросил Яромир.

— Это сработает. Я видела такое раньше... с солдатами в Шетане. Моя мать научила меня, что делать.

Леди Карина подошла и присела на кровать. Её прекрасное лицо оставалось спокойным, но глаза выдавали тревогу за племянника. Амели и Павел топтались в дверях. Яромир начал расхаживать взад-вперёд по комнате. Примерно полчаса спустя Антон перестал стонать от боли. Его лоб уже не покрывали мелкие бисеринки пота. Селин проверила температуру и прислушалась к дыханию:

— Теперь всё в порядке. Он просто спит, а не без сознания. Ему не больно и он сможет поест, как только проснётся.

Леди Карина опустила голову и закрыла глаза, позволив себе выказать усталость.

Яромир прерывисто вздохнул и наклонился, положив руки на колени:

— Селин, я не знал, что ты можешь... Я понятия не имел, что ты врач. Ты должна была сказать мне.

— Я не врач. Я травница и аптекарь.

Амели подошла ближе к кровати:

— С ним всё будет в порядке?

— Я так думаю.

Амели, Яромир и Павел переглянулись. Селин это заметила. Она подумала о том, что даже предположить не может, сколько сейчас времени:

— Вы все должны пойти отдохнуть. Я сегодня днём спала, так что могу посидеть с ним.

— Я тоже останусь, — вставила леди Карина. — Яромир, Селин права. Вы все сейчас разойдётесь по комнатам и поспите немного. — Последнее предложение прозвучало как приказ.

Яромир устало кивнул:

— Пошлите за мной, если что-нибудь изменится.

Селин и леди Карина остались наедине со спящим Антоном. Селин продолжала размышлять о том, что её предсказание не является роковым. Что можно исправить будущее, если очень нужно. Вспомнила о том, с какой любовью сегодня вечером она работала в магазине. Возможно, даже с большей любовью, чем должна была. Огород, даже заброшенный, обещал богатую жизнь, и лавка очень хорошо оборудована. Похоже, она не утратила желания пожить в городке. Селин устыдилась своих невольных расчётов. Какие отвратительно мелочные мысли.

— Спасибо, — сказала Карина, нарушая молчание. — Я кое-что понимаю в травах... вчера мне сообщили, чем его потчевал мастер Фёдор. Но я понятия не имела, что так могло случиться. — Её губы сжались. Она встала и стала нервно расхаживать по комнате. — Я должна была давно отослать Фёдора, раз состояние Антона только ухудшалось. Я должна была насторожиться.

— Не вините себя, миледи. Яромир — настоящий сторожевой пёс, но и он не заподозрил Фёдора. Лекарь был отправлен отцом Антона. Как вы могли догадаться?

Карина остановилась и взглянула на Селин.

— Я не могу выразить, насколько я рада, что вы оказались здесь. Я наблюдаю, что Антон изменился с момента вашего приезда, даже несмотря на болезнь. Как будто он снова обрёл интерес к жизни. Мой племянник готов бороться с братом за право княжения. Как же мне было больно наблюдать за Антоном все эти годы! Повторный брак был бы ужасной ошибкой, это я говорила тогда и сейчас уверена в этом не меньше. А с тобой, милая моя, подобных проблем не возникнет.

Селин напряглась: её застали врасплох. Вот это откровенность! Она была обижена и даже оскорблена. Значит, эта высокородная мадам считает, что она — любовница Антона? А если не является таковой в настоящий момент, то обязательно станет ею. Игрушка для отвлечения княжича от повторного брака. Как удобно! Селин никогда не думала, что в леди Карине она встретит снобизм благородных аристократов. Но слова «с тобой подобных проблем не возникнет» явно указывали на это.

Со всей своей приветливостью леди Карина рассматривала Селин как очередного бедолагу, обслуживающего прихоти высокородных господ.

— Вообще-то я думала по-другому, — сказала Селин, пытаясь сдержать гнев в своём голосе, — Яромир и Павел привезли нас сюда, чтобы помочь Антону разобраться с убийствами этих несчастных молодых женщин. А также поддержать его как лидера перед лицом отца. И мы с сестрой согласились, потому что нам безразлично это место. Если Дамек будет назван наследником, то в наших родных краях никому не будет спокойной жизни.

Карина отмахнулась:

— Дамек никогда не станет наследником. Печально, но смерть нескольких девочек ничего не значат для князя Ливена. Я встречала его и знаю, в каком направлении работают его мысли. К тому же я много лет слежу за ситуацией. Нет, Ливен просто ждёт, когда Антон будет готов. Вам не нужно беспокоиться, мой племянник скоро станет главой Дома Пэлен, а затем великим князем Древинки.

Возможно, леди Карина слишком переутомила или потрясена опасениями за жизнь княжича. Но слова, исходящие из её уст, были поразительны. Селин не предполагала, что она так амбициозна. Была ли она настолько корыстна, выискивая хотя бы частичную возможность управлять через него? Павел ясно выразился, что за неимением хозяйки леди Карине доверили решение всех вопросов управления замком.

Хозяйка замка остановилась у кровати:

— А эти бедняжки... Я боюсь, что убийства не будут до конца расследованы даже с вашей помощью.

— Должны быть, — раздался разбитый голос с кровати.

Глаза Антона были открыты, и он слушал. Выглядел он слабым, как щенок, но уже не потел и не трясся. Племянник смотрел на свою тётю:

— Убийцу необходимо найти. Миледи, устройте ещё один банкет завтра вечером. Селин должна продолжать читать будущее молодых женщин. Сейчас у нас нет других вариантов.

Мысль о предсказаниях неприятно кольнула Селин. Но сейчас у неё были другие заботы.

— Вы не встанете на ноги к завтрашней ночи, милорд, — настаивала она.

Его тихий голос звучал непреклонно:

— Встану.

Уставшая до смерти, Амели всё равно не могла уснуть. Покрутившись с боку на бок около часа, она выбралась из кровати и встала на холодный пол. Может, присоединиться к Селин и леди Карине? Наедине с собой у неё оставалось много времени для размышлений. Слишком много.

Её мысли постоянно возвращался к истории Яромира. Трудно признаться, но теперь её отношение к нему поменялось. Она понимала его лучше.

Амели не хотела его понимать.

Она не собиралась стоять у камина и думать о нём.

Вздыхнув, она потянулась к своим бриджам. Взгляд упал на туалетный столик, и Амели с удивлением заметила на нём миниатюру Леди Бетани, прислонённую к зеркалу. Да что это такое? Как эта вещь продолжает возвращаться из ящика?

Подойдя, она взяла её в руки. За всеми событиями они совершенно забыли вернуть портрет Антону. Помедлив, она взглянула на красивое лицо Леди Бетани. Бедная женщина! Умерла такой молодой, оставив своих сыновей без матери.

Овал лица леди Бетани был более мягким и округлым, чем у её сестры. Глаза немного крупнее и тоже более круглые, будто распахнутые. Густые каштановые волосы очень похожи. Даже причёска одинаковая — высоко собранный узел с несколькими свободно спадающими локонами.

Несмотря на разведённый огонь, Амели вдруг стало холодно. Она подняла глаза. Белый туман окружил её. Она снова посмотрела на миниатюру, и тело содрогнулось от внезапного

толчка.

— Нет! — произнесла Амели вслух, будто разговаривая с портретом.

Она отпрянула назад в коридор клубящегося тумана, не желая верить в происходящее. Путешествие было долгим: она стала невесомой и бестолково сражалась с густыми туманными клубами, стараясь вернуться в свою комнату.

Туман рассеялся, но Амели оказалась не в комнате, а в зелёном саду. Вокруг был белый день, солнце ослепительно сияло с безоблачного неба. Над головой Амели повисли ярко-красные плоды раскидистой яблони.

Обернувшись, она увидела, что стоит всего в нескольких шагах от молодой женщины. На вид ей было лет шестнадцать, не больше. Женщина опустилась на колени на влажную почву под яблоней. На ней было светлое муслиновое платье, которому грозило быть испачканным садовой землёй. Несмотря на яркое солнце, за пределами сада Амели могла видеть лужи стоячей воды.

Эверфен?

— Бетани! — раздался ровный голос. — Ты здесь?

Молодая женщина подняла голову. Это была мать Антона, только моложе, чем на миниатюре. Та, что звала Бетани, была немного старше.

Сначала девушка не отвечала на зов, но после всё же крикнула:

— Я здесь, Карина, здесь!

Ответом был звук шуршащих юбок. Обладательница сдержанного голоса подошла к яблоне. Амели ахнула. Леди Карина стояла перед ней. Она выглядела точно так же, как и час назад, когда Амели видела её в комнате Антона.

— Ты что, прячешься здесь? Отец ждёт, чтобы попрощаться, — сказала Карина, останавливаясь. — Глупышка! Посмотри, ты испортила платье.

— Мне всё равно.

— О, перестань изображать мученицу и встань.

— Я не хочу идти. — голос Бетани дрожал. Казалось, она сейчас расплечется. — Разве ты не можешь поехать вместо меня? Тебе бы это подошло гораздо больше!

— Ты знаешь, что я без колебаний бы сделала это, — холодно ответила Карина. Затем её лицо смягчилось. — Прости меня... я... Дело не в тебе, милая. Князь Ливен намерен расширить свои территории на юге, и он хочет невесту из дома Егора. Ты же знаешь, глава любого южного дома будет прыгать от счастья за шанс объединиться с кем-нибудь из Пэлен. Вот отец и написал, предложив ему дочь с хорошим куском земли в качестве приданого. Князь Ливен согласился. Вот и всё.

— Я это понимаю. Но почему именно я? У отца четыре дочери.

— Из-за твоей молодости, хорошая моя. Потому что такие князья, как Ливен, предпочитают шестнадцатилетних девочек. Отец говорит, что я слишком стара. Он боится, что князь Ливен отправит меня обратно, как только увидит. А вот тебя он точно не отправит. — Последнее заявление было произнесено с горечью.

— Да, но ты отказывала каждому, кто звал тебя замуж.

— Да потому что не было никого из великого дома! Вот почему отец никогда не пытался заставить меня... А теперь оказалось слишком поздно. — Она приблизилась к сестре. — Но у тебя есть шанс. Ты только подумай: влияние князя Ливена и его земли растут. У тебя будут сыновья. Ливен, возможно, не был великим князем в своё время, но, если влияние фамилии Пэлен продолжит распространяться, ты можешь стать матерью

великого князя. Будешь наслаждаться властью через него. Попытайся представить, что ждёт тебя в будущем, Бетани! Ты станешь влиятельной, как никто из нас.

Бетани уставилась на влажную землю.

— Отец утверждает, что любит меня. Но он ничего не знает об этом князе Ливене. Он отсылает меня на запад, чтобы я поделила постель с человеком, которого он никогда не встречал. И это он называет отцовской любовью, Карина?

— Да, — ответила Карина. — Это именно так. И я что угодно отдала бы за то, чтобы стать на несколько лет помладше. Я бы от души благодарила за такую отцовскую любовь. — Она наклонилась к Бетани. — Так что не ной. И соберись, дорогая сестрёнка, тебе ещё нужно сменить это платье перед отъездом каравана.

Бетани сжала руку сестры:

— Ты напишешь мне? Ты расскажешь обо всём, что происходит дома?

Карина кивнула:

— О, да. Я буду обстоятельно пересказывать наши нудные однообразные будни. Но тогда уж и ты обещаешь делиться подробностями своей блистательной жизни.

Бетани поднялась на ноги, всё ещё держа руку Карины.

Сцена в саду исчезла, и Амели вернулась к горящему камину в своей комнате. На неё глядели распахнутые глаза леди Бетани. Как так получилось? Как прикосновение к миниатюре смогло отправить Амели в прошлое?

Но более важное откровение волновало её. Если видение было реальным... тогда леди Карина не постарела ни на один день за двадцать пять с лишним лет с тех пор, как княжич Дамек и его брат даже не родились.

Глава 13

Яромир лежал на кровати, безуспешно пытаясь уснуть. Он не мог перестать думать о тех ужасных часах, проведённых рядом с Антоном этой ночью. Он смотрел на то, как его друга рвёт и корчит в конвульсиях. Потом Антон упал без сознания.

Лейтенант ругал себя за то, что не догадался об истинной причине плохого самочувствия княжича. Когда Селин деликатно объяснила происходящее, он обозвал себя идиотом. Лейтенант повидал достаточно мужчин, которые злоупотребляли крепкими напитками. Если не было возможности выпить хотя бы глоток джина, их начинало буквально трясти. Он видел лихорадку, потливость и тошноту.

Невозможно выразить то облегчение, которое он испытал, когда за дело взялась Селин со своим лекарством. И теперь дело пошло на поправку.

Сон всё не шёл.

Раздался стук в дверь. Сев в постели, он помедлил. Только бы не Бриджит! Он не собирался впускать бывшую любовницу. Но и прогонять её было неловко. В любом случае проигнорировать визитёра, кем бы он ни был, Яромир не мог себе позволить. Поэтому он встал и подошёл к двери.

В коридоре стояла Амели, бледная и дрожащая.

— Что? — спросил он, думая, что пришли вести об Антоне. — Ему стало хуже?

— Князю? Нет. Я думаю, он... Я не слышала ничего нового.

Яромир отошёл в сторону, открывая дверь шире:

— Тогда входи и расскажи, что случилось.

Она покачала головой и не пересекла порога:

— Нет, я только хотела уточнить... о том, что произошло раньше... И о том, что Павел

рассказал мне и Селин.

После сегодняшней ночи ему не хотелось говорить о прошлом.

— О чём именно? — прерывисто спросил он. Голос звучал взволнованно, но Яромир ничего не мог поделать.

Она не обратила внимания на его тон:

— Леди Карина была рядом с Антоном до того, как ты прибыл сюда?

Он нахмурился:

— Да, она появилась как раз перед этим.

— Как хорошо Антон знал семью своей матери?

Это воистину становилось странным. Озадаченный, он сказал:

— Я не думаю, что он знал её вообще. Из того немногого, что мне известно, брак между семьями его родителей был устроен через доверенное лицо, и его мать прибыла с караваном из южных земель, чтобы выйти замуж за князя Ливена. Достаточно распространённая вещь среди великих домов. Я не думаю, что князь Ливен когда-либо встречал её семью.

— Но много лет спустя после смерти сестры леди Карина каким-то образом узнаёт, что жена племянника умерла. Затем она прибывает сюда, чтобы предложить ему свою помощь. Как она узнала, что он нуждался в помощи? И почему он её принял?

— Амели, я устал. К чему все эти вопросы?

— Антон и леди Карина поддерживали переписку после смерти матери? — спросила она. — Может быть, она написала ему однажды, допустим, когда он получил во владение замок Сеон или даже раньше. А после поддерживала связь между ними...

— Я не знаю. Возможно. Антон всегда охотно отвечает на письма, к тому же, леди Карина — сестра его матери.

Он шагнул вперёд:

— К чему ты клонишь?

Девушка отстранилась от него, да и ему не хотелось притрагиваться к её руке после откровенности в портретном зале.

— Я не знаю. Мне нужно поговорить с Селин...

Она повернулась:

— Доброй ночи, лейтенант.

Амели как ни в чём не бывало направилась вниз по коридору.

Яромир чувствовал, что лучше не следовать за ней.

Вернувшись в свою комнату на рассвете, Селин полагала, что наконец-то сможет поспать. К несчастью, она ошибалась.

Переступив порог, она обнаружила сестру, которая расхаживала по комнате и выглядела как безумная.

Амели бросилась к Селин и с горящими глазами поведала невероятную историю. Рассказ начался с того момента, когда сестра подобрала миниатюру леди Бетани, и завершился её визитом к лейтенанту Яромиру в поисках любых дополнительных сведений. К концу повествования Селин была настроена более чем скептически, но понимала, что ей нужно действовать осторожно.

Отведя Амели к кровати, Селин усадила её:

— Ты уверена, что это был не сон? Мы многое пережили за последние дни и ночи.

Возбуждение Амели быстро трансформировалось в злость:

— Это был не сон! Как бы я узнала, о чём спросить Яромира? Он подтвердил, что князь

Ливен ничего не знал о семье леди Бетани.

Внезапно до Селин начал доходить смысл сказанного:

— Ты действительно видела шестнадцатилетнюю леди Бетани... и леди Карину в том же возрасте, что и сейчас?

— Да!

— Но это было, по меньшей мере, двадцать шесть лет назад.

Амели энергично закивала:

— Даже прежде, чем родился Дамек или Антон.

Селин опустила на кровать рядом с сестрой:

— Сегодня ночью она говорила о том, будто уверена — Антон будет назван наследником дома Пэлен и затем станет великим князем. Ты думаешь, она хочет получить власть через него?

— Возможно, но вот только почему она не состарилась?

— Я не знаю.

Селин начала перебирать все возможные варианты:

— Так. Мы не можем пойти с этим к Антону или Яромиру. Всё, что у нас есть — твои слова, которые основаны на видении прошлого. Ты коснулась портрета, которого и быть-то не должно в этой комнате. И даже если отбросить факт того, что видение было вызвано прикосновением к миниатюре: что мы ей предъявим? То, что она выглядит моложе, чем должна была бы?

— Она должна выглядеть где-то на пятьдесят пять.

— Мы не можем этого доказать.

— Тогда что ты предлагаешь?

Селин оглядела комнату: серебряные щётки на туалетном столике, платье в открытом шкафу и деревянная ширма.

— Устроить ловушку, — ответила она.

Следующим вечером Амели стояла перед большим зеркалом в полный рост и начинала сожалеть о том, с какой лёгкостью она согласилась с планом сестры:

— Селин... Я не уверена.

— Ох, да перестань! — ответила ей Селин. — Ты выглядишь очень мило. И это единственное, что я смогла придумать, чтобы заманить её сюда одну. Неужели ты не можешь надеть платье на один час?

Но Амели не была так уверена. Ей было не по себе. Селин зашнуровала на ней шёлковое тёмно-синее платье, которое принесла Инна в день их приезда в замок. Оно было тесным на талии, а юбка оказалась тяжёлой. В зеркале перед ней стояла незнакомка.

— Готова поспорить, Яромир отдал бы своё годовое жалованье за возможность увидеть тебя в этом, — скромно улыбаясь, сказала Селин, раскладывая щётки на туалетном столике.

Гневное возражение готово было сорваться с губ Амели, но она прикусила язык. Будет лучше, если Селин перестанет её дразнить упоминаниями Яромира. Её отношение к лейтенанту и так достаточно противоречиво.

— Я сомневаюсь, что у него вообще есть жалование, — ядовито усмехнулась она. — Вероятно, он просто идёт в сокровищницу замка и берёт столько, сколько хочет.

В очаге ярко горел огонь, но весенняя ночь и так была необычно тёплой, так что в комнате было жарко и душно. Подойдя к окну, Амели открыла ставни и вдохнула ночной воздух, поглядев вниз на двор.

— Хорошо, — сказала Селин из-за туалетного столика. — Я полагаю, что мы готовы.

— С чего ты взяла, что она придёт сама? — спросила Амели. — Она может отправить одну из своих горничных.

— О, она придёт. Поверь мне.

Незадолго до этого Амели под диктовку сестры написала записку с такими строками:
Дорогая леди Карина!

По случаю банкета нынешним вечером я, дождавшись ухода Селин, надела одно из платьев, которые вы отправили нам. Из-за предыдущих отказов мне было неловко просить сестру о помощи. Не будете ли вы так любезны зайти ко мне ненадолго и помочь с причёской? Я буду вам очень благодарна.

Глубоко уважающая Вас и неизменно преданная Вам
Амели Фоу.

Они отдали записку замковой горничной и велели отнести её прямо в покои леди Карины.

Амели сильно возражала против такой формулировки послания, потому что всё это была на неё непохоже.

Но Селин продолжала настаивать, что это заинтересует леди Карину, и она непременно явится сюда.

— Несмотря на все её вежливые манеры, я подозреваю, что твои штаны и кинжал оскорбили её. Женщины, подобные ей, принуждены исполнять свою роль из-за своего происхождения и положения, и большинство из них не может даже помыслить, что другая женщина избегает этой участи. Я уверена, что она умирала от желания одеть тебя в платье и причесать твои волосы с тех пор, как мы впервые приехали сюда.

— Но мои волосы слишком короткие, чтобы сделать с ними что-нибудь, — сказала Амели, отворачиваясь от открытого окна.

— О, ты удивишься, узнав, что такая женщина, как Карина, может сотворить с...

Раздался тихий стук в дверь, и Селин на мгновение застыла. Потом она поспешила присесть за деревянной ширмой, полностью скрывшись с глаз.

Это тоже было частью их плана.

Всё ещё сомневаясь в выбранной стратегии, Амели пересекла комнату. Отступить было слишком поздно. Она открыла дверь.

Интуиция не подвела Селин. За порогом стояла леди Карина и улыбалась при виде платья цвета ультрамарин:

— О, моя дорогая, как вы прекрасны! Позвольте мне заняться вашими волосами, и мы вместе спустимся в зал.

Она устремилась в комнату, одетая в изумрудно-зелёный шёлк, который мягко шелестел при движении. Её собственные волосы были искусно уложены... но они были такими длинными! Амели подумала, что, если их распустить, волосы достанут ей до поясницы.

— Я захватила несколько шпилек, — мягко сказала Карина. — Подойдите и присядьте.

— Как Антон? — спросила Амели, подходя к туалетному столику и садясь.

— Утомлён, но на ногах. Я возражала против этого банкета нынешним вечером, но он непреклонен, — она посмотрела на столик. — Вы не передадите мне эту щётку?

Глядя в зеркало, Амели изучала отражение Карины: блестящие волосы, сияющая кожа. Она выглядела точно так же, как и в видении из далёкого прошлого.

Это просто невыносимо!

Селин посоветовала Амели подождать, пока Карина не закончит с её причёской: довольство своей работой усыпит её бдительность. Но Амели решила не дожидаться подходящего момента.

Повернувшись на стуле, она схватила руку Карины и крепко стиснула её.

Раскосые зелёные глаза женщины расширились от удивления, и она попыталась вырваться. Амели была сильнее и действовала быстро. Она сосредоточила всю свою внутреннюю энергию на прошлом Карины, чтобы узнать, как ей удалось не состариться.

Она почувствовала искру духа Карины.

Толчок сотряс её, как и прежде, но в этот раз ощущения были другими. Карина боролась, пытаясь освободиться, Амели сдерживала её. Через несколько мгновений дух Амели начал одолевать дух Карины, и в результате этого противоборства она могла чувствовать, как их духовные сущности смешиваются и соединяются вместе.

Комната вокруг них исчезла. Ещё один толчок прокатился по телу Амели, и она устремилась назад сквозь туман. Дух Карины всё ещё был с ней. Оба духа двигались всё быстрее, соединяясь вместе, так что Амели не могла разделить их. Она думала о том, о чём думала Карина, и видела то, что видела она.

Она была Кариной.

Туман начал рассеиваться.

Глава 14

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ПРОВИНЦИЯ. ЭВЕРФЕН. ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД.

Летом после отъезда Бетани печаль и разочарование собственной жизнью тяжёлым грузом легли на плечи Карине. Сестра уехала к новой блестящей жизни в роли жены влиятельного князя западных земель. Сама Карина старалась не думать о замужестве. Никто достойный не просил её руки.

Она сожалела, что отец не смог найти для неё великолепную партию, как для младшей сестры. О, он был занят тем, что устраивал «достойные» браки для двух других её сестёр. Стоит упомянуть, что ни один из этих браков не мог сравниться по грандиозности с замужеством Бетани.

А Карина бы на меньшее не согласилась.

Для женщин их круга молодость, красота, богатство и земли были единственным, что они могли предложить для сватовства. Её отец владел богатыми землями, и Карина прекрасно знала, что до сих пор красива. Но ей было двадцать девять лет. Скоро молодость начнёт увядать, если уже не начала.

Отец был честен с ней. Он предлагал устроить брак с вдовцом из нобилей, если она пожелает. Мужчина в годах, потерявший свою жену, мог согласиться взять Карину, если за неё будет предложено достаточно заманчивое приданое.

Но ей этого было не нужно.

Карина желала управлять огромным хозяйством. Она хотела иметь под своим началом вотчины с большим доходом. И представляла себя прекрасной госпожой в одном из самых могущественных домов Древинки, чтобы крестьяне почитали её за добро и великодушие, а супруг считал её незаменимой помощницей в принятии государственных решений. Она хотела быть матерью князей.

Осознание того, что её глупая младшая сестра получила прекрасную возможность для всего этого только потому, что была так молода, резало её, как ножом.

Карина считала себя умной женщиной. Как же она раньше не понимала, насколько

важна молодость для женщины?

Глядясь в зеркало каждую ночь, она видела, как на неё смотрит красивое лицо с гладкой кожей, раскосыми зелёными глазами и блестящими волосами. Нобили, посещавшие её родителей, люди из деревень, подвластных её отцу, и домашние слуги всё ещё смотрели на неё с восхищением, когда она входила в комнату или проезжала по улицам. Но как долго это продлится? В следующем году ей исполнится тридцать.

Тридцать лет.

Как много времени пройдёт, прежде чем сияние её кожи угаснет и волосы потускнеют, как у матери? Однажды утром она проснётся и обнаружит морщинки вокруг глаз... Такая перспектива наполняла её ужасом, которого она не могла вынести. Когда это случится, она не сможет ничего предложить женихам, кроме отцовских земель.

Хуже того, никто больше не посмотрит на неё с восторгом, когда она впорхнёт в комнату. Как она сможет жить без этого? Это всё, что у неё есть.

Её печаль и страх перед будущим росли с каждым днём.

К счастью, у неё было утешение, тайное убежище от своих мыслей. Её отец считал, что воспитание его дочерей не должно ограничиваться хорошими манерами и утончённым вкусом в нарядах и причёсках. Поэтому он поддерживал их в стремлении развивать свои таланты и интересы. Бетани показала себя достаточно умелой в игре на лютне и выбрала учиться музыке.

Карина же нашла радость и вдохновение в живописи. Она любила делать наброски предметов и людей, а потом превращать их в картины, написанные маслом. Отец сказал, что она обладает мастерством, а он не расточал похвалу понапрасну.

Он выставил некоторые из её лучших работ, и все ими восхищались.

Карина нуждалась в восхищении.

Теперь, после отъезда Бетани в новый дом, где её ждала жизнь, полная власти и почитания, Карина всё чаще поднималась в свою комнату с мольбертом и кистями.

Однажды днём она была в своих покоях и работала над цветочным натюрмортом, композицию которого составила сама: коротко срезанные розы и белые фиалки. Она была так поглощена картиной, что позабыла сменить новое платье.

Отец немало заплатил за наряд из небесно-голубого сатина. С некоторой тревогой она отметила, что испачкала рукав в белой краске. После секундной паники Карина решила спуститься в кухню и узнать, сможет ли Марта, их главная кухарка, помочь ей. Однажды Марте удалось вывести все до единой капли красного вина, пролитого на светло-розовый шёлк. Вполне возможно, кухарка сможет что-нибудь сделать и с несколькими пятнышками краски.

Карина понятия не имела, что эта досадная случайность изменит весь ход её дальнейшей жизни.

Когда она подошла к кухне, то услышала несколько женских голосов и знакомое слово «Мондьялитко». Она остановилась у открытого арочного прохода так, чтобы её никто не заметил.

Краска на рукаве уже высохла, так что несколько минут ничего не изменят. Ей нравилось слушать кухонные сплетни, но она знала, что стоит ей только войти внутрь, как женщины смолкнут.

— Дома построены прямо на повозках? — спросил кто-то. — Хотела бы я увидеть это.

Карина не узнала голос, но она была знакома лишь с несколькими кухонными

работницами.

— Да, они устроили стоянку прямо за деревней.

Этот голос она знала. Эвета, красивая судомойка шестнадцати лет. У неё были рыжие волосы и очаровательные веснушки в области декольте.

— Обязательно сходи туда! Можно узнать свою судьбу, купить пару безделушек или посмотреть на представление, — продолжала Эвета. — Я была там. Видела человека, который может глотать огонь. Если заплатить ему полпенса, конечно. О, ещё в их компании есть одна из Прозревающих Туман!

— Прозревающие Туман? — спросила Марта.

— Ну, знаешь, одна из их женщин, которые рождаются с даром, — доверительно понизила голос Эвета.

Марта фыркнула:

— Милостивые боги, девочка, ты готова поверить во что угодно. Ты не должна полагаться на то, что рассказывают тебе эти Мондьялитко. Они с рождения обманщики и лжецы.

Болтовня продолжалась, но Карина повернула назад от арочного прохода, позабыв об испорченном рукаве. Впервые с тех пор, как уехала Бетани, она заинтересовалась чем-то за пределами комнаты.

Мондьялитко.

Истории об этом диковинном народе были известны и Карине. Например о том, что их женщины частенько добиваются влиятельного положения в обществе с помощью своего мастерства. Кроме того, они были окружены тайной. Правда, Карина допускала, что эта тайна могла быть создана ими самими же.

Карина хотела их увидеть.

Пожалуй, она отправится к ним и узнает свою судьбу.

Через час после заката Карина в сопровождении четырёх всадников из числа людей отца прибыла в лагерь Мондьялитко.

Её свита проехала мимо причудливых повозок с ярко раскрашенными домами, построенными прямо на их основании. Казалось, костры горят перед каждым фургоном. Когда она спешила, то услышала музыку и огляделась. Перед небольшой толпой под заводную музыку пела женщина, похожая на прекрасную нимфу.

Чёрные вьющиеся волосы певицы тёмным облаком обрамляли её сияющее лицо цвета слоновой кости. Она была не просто привлекательной: её красота была иноземной и чарующей. Никто не мог отвести от неё глаз. Карина почувствовала вспышку зависти, которая была сильнее всего, что она испытывала к Бетани, но не могла объяснить её причину.

Почему она завидует какой-то цыганской девчонке?

— Чем мы можем вам служить, моя госпожа? — спросил голос позади неё. — Возможно, любовное зелье? Или желаете узнать свою судьбу?

Карина обернулась и увидела совсем другую женщину: пожилая, с лицом, изборождённым глубокими морщинами, на котором оставили свои следы горести и время. Если её волосы и были когда-то были длинными и блестящими, то это время осталось далеко позади. Теперь с головы старухи свисали сухие седые пряди.

— Кто это? — спросила Карина, оглядываясь назад на поющую девушку, окружённую восхищенными поклонниками.

Старуха долго не отвечала, но в конце-концов произнесла сквозь зубы:

— Моя сестра, Джаэлль.

Её голос сочился ненавистью и злобой.

— Твоя сестра? — Карина не сумела скрыть удивление в своём голосе.

Эта женщина выглядела такой старой, что могла быть бабушкой девушки.

— Она — Прозревающая Туман, — просто ответила старуха, как будто это всё объясняло.

Карина вспомнила, как Эвета упоминала что-то такое... что-то о цыганке, родившейся с даром. Джаэлль была такой милой и свежей, с безупречной кожей и сердечной улыбкой, которая появлялась, когда она пела.

— Как тебя зовут? — спросила Карина у старухи. Её желудок завязался в узел. Вот и настал поворотный момент её жизни. Откуда у неё такая уверенность, она не знала.

— Я — Лукреция.

— И эта девушка — твоя сестра?

— Да.

— Но как?

Лукреция снова ответила не сразу. Её взгляд излучал злобу и зависть:

— Она не стареет. Её тело черпает молодость понемногу от любой девушки рядом с ней. Совсем чуть-чуть, но это даёт ей не состариться ни на день.

От этих слов Карина почти перестала дышать. Она старалась сохранить свой благовоспитанный вид.

— Это правда? — потребовала она. — Это не просто какая-то девица, которой твои люди увлекают деревенских жителей? И не лги мне. Я узнаю, если ты лжёшь, и мой отец прогонит всю вашу компанию из этих земель.

Лукреция не отреагировала на угрозу:

— Это правда, моя госпожа. Она перестала стареть более тридцати лет назад. Дар из рода Прозревающих Туман.

— Но почему ты, её сестра, не получила такого дара?

Выражение лица Лукреции стало непроницаемым, но Карина могла видеть следы едкой зависти в глубине её глаз. Она слишком хорошо знала это чувство, чтобы ошибаться.

— Так могу я вам чем-нибудь служить? — спросила Лукреция.

Но Карина колебалась: ей было нужно время подумать. Окликнув стражников, она отправилась назад в поместье отца.

Там она провела бессонную ночь.

На следующий день она вернулась в цыганский лагерь.

Когда она спешила, красивый молодой мужчина со скрипкой в руках оглядел её сверху вниз с неприкрытым интересом.

— Могу я быть полезным, прекрасная госпожа? — спросил он.

Его тон был дерзким, почти неприличным, но в душе Карина была польщена столь явным подтверждением её красоты.

— Какой фургон принадлежит Лукреции? — спросила она холодно.

Взмахнув смычком, он указал:

— Вот этот.

Не потрудившись поблагодарить его, она отошла от сопровождавшей её стражи к повозке.

— Здравствуйте! — позвала она.

На основании повозки располагалось нечто, выглядевшее как маленький дом. Дверь отворилась, и Лукреция посмотрела вниз в удивлении.

— Моя госпожа... что вы... Вы пришли узнать своё будущее?

Желая поговорить наедине, Карина кивнула, а затем повернула голову.

— Подождите здесь, — сказала она своей страже.

Она поднялась по ступенькам и вошла в крохотное жилище с двумя двухъярусными кроватями, прибитыми к стенам, и мягкой скамьёй за столом. Кристаллы свисали с потолка, а шарики из цветного стекла были сложены в импровизированное окно.

— Пожалуйста, садитесь, — сказала Лукреция.

Но Карина не сдвинулась с места. Вместо этого, она запустила руку в свой плащ, вытащила изумрудное ожерелье и бросила его на стол. Лукреция не смогла скрыть своё потрясение. Для неё изумруды в украшении означали целое состояние.

— Моя госпожа?

— Я здесь не для того, чтобы узнать своё будущее. Я ищу сведения... которых у тебя, возможно, нет, но ты можешь их раздобыть.

К радости Карины, Лукреция хитро прищурила глаза в свете открывающихся возможностей:

— Чем я могу помочь, моя госпожа?

Карина не тратила времени, подбирая слова:

— Дар твоей сестры. Ты говоришь, что она уже родилась с этой силой. Может ли её украсть или забрать другой человек?

И снова Лукреция не смогла скрыть удивление в глазах:

— Украсть? Передать другому? Нет, — сказала она решительно. — Сила Прозревающей Туман священна и неприкосновенна. Никто другой не может ею воспользоваться.

— Ты уверена? — продолжала Карина. — У вас должны быть женщины с тайными знаниями... колдуньи, как их называют наши деревенские жители. Может быть, ты одна из них? Найди способ забрать силу у твоей сестры и передать её мне, и тогда это изумрудное ожерелье станет всего лишь малой частью твоего вознаграждения. Назови свою цену, и я гарантирую оплату.

Лукреция медленно протянула шишковатую руку к столу.

Карина схватила её за запястье:

— Неужели тебя никогда не посещала мысль о том, чтобы оставаться вечно юной как твоя сестра?

Потрясение Лукреции усилилось:

— Украсть у Прозревающей Туман? Даже если такое возможно, то меня проклянут люди... не только отсюда, но вообще все Мондьялитко.

Она выглядела такой напуганной от этой перспективы, что Карина начала понемногу смягчаться. Эта Лукреция завистлива и алчна, но, вероятно, она не посмеет добыть то, что нужно Карине.

— Ты займёшься этим для меня? Разведает у старух-колдуний?

Глаза Лукреции были прикованы к изумрудам:

— На это может потребоваться время, моя госпожа. Могу я взять это ожерелье сейчас?

— Забирай. — Карина без лишних прощаний направилась к выходу из палатки.

Неделей позже Карина получила послание от Лукреции, в котором она просила

встретиться с ней в полумиле от мельницы, вниз по руслу деревенского ручья.

В назначенное время она незаметно выскользнула из поместья. Карина знала, что в одиночку небезопасно, но награда стоила риска. Она знала, почему Лукреция выбрала такое уединённое место встречи. Их не должны были видеть вместе.

Миновав здание мельницы, она направила свою лошадь вниз по ручью, пока не отъехала от деревни достаточно далеко. Теперь её окружали только деревья, ручей и вскрикивающие птицы.

Земля была влажной, и лошадь под ней увязала в жидкой грязи. Вскоре Карина заметила Лукрецию, стоящую между деревьями и стремительно бегущим ручьём. Она спешила.

— Я не была уверена, что ты придёшь, — сказала Лукреция.

— Ты что-нибудь узнала? — потребовала Карина, обходясь без приветствий.

Во взгляде Лукреции снова появилось хитрое выражение. Теперь, когда у неё было время обдумать просьбу гордой госпожи, стало ясно, что её разум занимают мысли о собственной выгоде. Но Карину это не беспокоило. Ей была на руку корысть старухи.

— Всё можно устроить, моя госпожа, но это дело непростое.

Она развернула свиток в своей руке; он был написан на языке, которого Карина не могла прочитать.

— Я украла это у одной из наших старейшин, — сказала Лукреция. — Сила Прозревающей Туман может быть отнята у неё и передана другому, только если убить её, а дух поймать в ловушку. Заклинание поработит дух... но он должен быть видимым для своего хозяина.

— Видимым?

— Да, дух должен быть помещён куда-то, где его можно увидеть и откуда им можно управлять.

В мозгу Карины начал зарождаться план. Возбуждение её возрастало.

— Кроме того, — продолжала Лукреция, — сила покорённой души может проявляться иначе, чем у самой Прозревающей Туман. Ты можешь заставить её использовать силу для тебя, но это может работать совсем по-другому. Например, исходить от рук призрака и передаваться тебе... Я не уверена, как всё будет происходить. Тебе потребуется время, чтобы наловчиться правильно использовать способности духа.

Это не имело значения. Карина была уверена, что разберётся с этим. На первом месте стояло порабощение Джаэлла.

— Ты можешь прочитать нужные заклинания?

При этих словах морщинистое безобразное лицо Лукреции исказилось алчным выражением.

— Возможно, мы должны обговорить условия нашего договора.

— Во всех деталях. Какова твоя цена?

— Свобода от необходимости пресмыкаться за гроши, предсказывая будущее. Я хочу собственный дом, собственных слуг. Быть сама себе хозяйка.

— Договорились, — незамедлительно сказала Карина.

Столь быстрое согласие заставило Лукрецию насторожиться:

— Где будет мой дом?

— В процветающей деревушке Гóра. Моя бабушка завещала его мне, и я могу им распоряжаться. Я дам тебе больше драгоценностей для продажи, но даже того изумрудного ожерелья хватит на годы безбедной жизни.

— Значит, ты сделаешь это, не так ли? Ты не похожа на этих испорченных аристократок, желающих поиграть в колдунью.

— Не оскорбляй меня. Ты сможешь наложить нужные чары?

— Я могу... но, моя госпожа, если ты та, кто поработит дух Джаэлль, то ты должна быть и той, кто оборвёт её жизнь. Сможешь ли ты своей рукой вонзить кинжал прямо ей в сердце? За вечную молодость? Да Карина готова убить половину деревни.

— Не беспокойся на этот счёт.

— Тогда нам остаётся только найти вместилище, куда будет заключён дух.

Карина кивнула:

— У меня есть одна идея.

Спустя неделю Карина была готова.

Она работала день и ночь, рисуя довольно больших размеров задний план для портрета в натуральную величину. Идея пришла к ней, когда она думала о Джаэлль у ночного костра в окружении огромных вечнозелёных деревьев. У того огня она выглядела очень довольной собой.

Карина оставила бы её в таком окружении навсегда.

Около полуночи она вышла из комнаты и спустилась в небольшой розовый сад своей матери. Лукреция уже была там. Над костром кипел подвешенный на крюке котёл.

Вся сцена была похожа на ожившую мрачную сказку.

Карина волокла за собой холст. Он был величиной с неё, так что это вызывало некоторые трудности. Лукреция подошла, чтобы помочь ей прислонить картину к каменной стене сада:

— Масло полностью высохло?

— Да.

Карина выбрала это место, потому что оно было рядом с домом, но в отдалении от жилых помещений. Она рассчитала, что не сможет унести картину далеко, а попросить о помощи означало вызвать нежелательные расспросы. Сад пустовал и днём, за исключением времени, когда слуги приводили в порядок кусты. Ночью кроме гуляющих кошек здесь тоже никто не появлялся. Слуги для своих тайных встреч предпочитали большой сад с множеством укромных местечек и резными лавочками, находившийся с другой стороны замка.

Лукреция из складок бесформенной юбки незаметным движением вытащила кинжал.

— Стой спокойно, — предупредила она.

Подойдя к Карине, старуха отрезала прядь её густых волос. Зажав локон в руке, она протянула кинжал:

— Возьми. Остёр, как бритва.

Карина взяла его:

— Когда придёт твоя сестра?

— Скоро. Я сказала ей, что нам хорошо заплатят за представление для господской дочери. Надо только помочь ей навести любовные чары здесь, в этом саду. Мы проделывали такое раньше много раз. Большинство женщин получает удовольствие, когда изображают колдунью.

Посмотрев искоса на кинжал в руке Карины, цыганка добавила:

— Но большинство молодых женщин не похожи на тебя.

— Нет, они не похожи.

Лицо Лукреции слегка дрогнуло, и Карина слегка забеспокоилась.

— Ты должна поклясться мне, что мой народ не услышит ни слова о моём участии в этом деле.

Карина облегчённо вздохнула. Она с лёгкостью могла пообещать это:

— Клянусь.

Несколько мгновений спустя за стеной послышались шаги, и в воротах показалось милое лицо. Карина не смогла сдержать тихий вздох от охватившей её зависти. Что заставляло всех смотреть на Джаэлль с восхищением? Оно таилось в её сияющей коже? Во вьющихся чёрных волосах? Или же это была её абсолютная уверенность, что она заслуживает такого поклонения?

— Моя госпожа, — сказала она, улыбаясь и кивая сначала сестре, а потом на розовые кусты. — Какая прекрасная обстановка. Вы принесли личную вещь человека, любовь которого вы хотите получить?

Она была одета во всё чёрное, даже перчатки были такого же цвета. Карине стало интересно, одевалась ли она так всегда или это было частью «представления», которое она собиралась разыграть сегодня вечером.

— Да, — сказала Карина, показывая Джаэлль кинжал. — У меня здесь кое-что есть.

Сжав рукоять, она выступила вперёд и вонзила острое лезвие прямо в грудную клетку Джаэлль. Лицо девушки исказилось ужасом, её тело дёрнулось.

— Быстро! — закричала Лукреция.

Карина выдернула клинок и смотрела, как падает тело. Лукреция выхватила кинжал из её руки и занесла окровавленное лезвие над котлом, уронив в него три капли. Затем она бросилась обратно к телу и отрезала прядь волос Джаэлль, метнулась к котлу и бросила в него чёрные волосы вместе с каштановым локоном Карины.

— С кровью из сердца Прозревающей Туман, — прошептала она, — этот дар покорён.

Карина заморожено наблюдала, как Лукреция взяла черпак от котла и погрузила его в кипящее варево. Затем она плеснула полный черпак на картину и смотрела, как жидкость растекается по поверхности.

— Внутри! — провозгласила она. — Навеки внутри!

От тела Джаэлль исходило сияние. Оно вихрилось над мёртвым телом и обретало форму, пока не стало точной копией девушки.

— Что вы наделали? — воскликнул призрак, но его уже влекло к каменной стене сада внутрь картины. На фоне вечнозелёных деревьев появилась чёрно-белая фигура прекрасной молодой женщины.

Карина учащённо дышала, с её правой руки капала кровь. Тут её охватили сомнения. Да, она убила Джаэлль, и Лукреция заключила дух сестры в картину. Но что теперь?

— Ты должна приказать ей, — сказала Лукреция, нарушая тишину. — Тебе нужно добиться, чтобы она использовала свою силу, вытянув жизнь из живого тела и передав её тебе. Теперь она твоя раба и не может тебе воспротивиться.

Так просто? Сердце Карины забилось ещё быстрее. Ей не исполнится тридцать. Она не состарится ни на день.

Лукреция подошла к ней:

— Но сначала ключи от моего дома и право на собственность. Ты обещала.

Карина краем глаза посмотрела на неё и снова вернулась к картине.

— Нет никакого дома, — спокойно сказала она. — Всё, что я наследую, немедленно

переходит к отцу. Те изумруды, что ты взяла, являются семейными реликвиями, хорошо известными во всей провинции. Если ты попытаешься их продать, тебя повесят.

Луcreция зашипела и отступила назад.

— Нет!

Карина не обратила на это внимания. Впиваясь глазами в картину, она указала на старуху:

— Джаэлль, возьми эту жизнь для меня.

Чёрно-белый образ расплылся внутри портрета, и дух Джаэлль полетел к сестре. Картина стала просто пейзажем. Луcreция закричала и попыталась убежать, но Джаэлль быстро настигла её, коснувшись обеими руками.

Старуха завизжала, когда её морщинистая плоть начала съёживаться, проваливаясь к костям.

Она упала на землю не более чем сухая шелуха.

Дух Джаэлль стоял рядом с телом, выглядел он целым и плотным.

Карина помнила, что Луcreция сказала об овладении навыком использовать силы Джаэлль.

— Ты передашь мне её жизнь, — не медля, приказала Карина.

Но Джаэлль посмотрела на неё со смущённой печалью:

— Не получится, — сказала она так тихо, будто ей было трудно говорить. — Она должна быть молодой. Должна быть красивой.

Молодая и красивая?

— Пойдём со мной, — сказала Карина.

Она пробралась в кухни, где было тихо и темно, и продолжила свой путь в комнаты слуг. Она знала, какая комната принадлежала Эвете. Дверь была не заперта. Карина молча вошла и посмотрела на спящую девушку. Джаэлль парила в нескольких дюймах над землёй позади неё.

— Её, — приказала Карина тихо. — Возьми только то, что нужно.

Джаэлль с отвращением на лице поплыла вперёд и прикоснулась к лицу Эветы затынутыми в чёрные перчатки руками. Нежная кожа Эветы утратила своё сияние, но лишь на малую толику.

— Передай молодость и красоту мне, — прошептала Карина.

Джаэлль поплыла назад к Карине и прикоснулась к ней. Ничего не произошло.

— Что не так? — потребовала Карина.

— Этого недостаточно.

Посуровев, Карина снова указала на Эвету:

— Тогда заberi её жизнь. Возьми всё.

Джаэлль приблизилась к Эвете, коснувшись её лица и горла. Гладкая кожа начала сморщиваться и втягиваться в череп. Вскоре Эвета, как и Луcreция, обратилась в мумию.

Джаэлль вернулась назад и коснулась Карины.

В этот раз в неё потекли тепло и жизнь, наполняя всё её существо чувством эйфории и невероятного благоденствия. На стене висело небольшое треснувшее зеркало, и когда Джаэлль закончила, Карина бросилась к нему. Она выглядела не моложе своих двадцати девяти лет, но её лицо сияло, а волосы были необычайно блестящими. Она была прекрасна. Карина снова чувствовала себя красивой, достойной восхищения.

Необычайная радость охватила её.

— Возвращайся в картину, — сказала она Джаэлль.

Дух девушки исчез. Карина как во сне прошла по дому и вышла в розовый сад. Надо было завершить дело. Она обнаружила, что Джаэлль вернулась обратно в картину, обернувшись портретом. Как и полагалось, цыганка находилась на своём месте у костра. Карина наклонила холст и подхватила его, чтобы унести обратно в дом. Все три тела она оставила там, где они и лежали. Пусть над этой загадкой поломают головы стражники отца. Никто не свяжет мёртвые тела двух цыганок и кухонной судомойки с прекрасной леди Кариной.

В первые десять лет никто не замечал ничего необычного в Карине. По крайней мере, никто не говорил этого вслух. Некоторые женщины с возрастом выглядят лучше остальных. Хотя тело её больше не менялось, она отпраздновала своё тридцатилетие, а потом тридцать один год... и тридцать два... и далее.

Годы шли, постепенно Карина привыкла к всеобщему восхищению. Постепенно её внимание стали занимать только две вещи.

Первой была Бетани. Как сёстры и обещали друг другу, они регулярно переписывались. Карина стала одержимой всем, что было связано с домом Пэлен. Она не удивилась, когда узнала, что у младшей сестры практически нет никаких отношений с князем Ливеном, и даже была немного довольна этим. Эти двое редко разговаривали и мало знали друг о друге. Тем не менее, после первого года брака Бетани родила здорового сына, которого назвали Дамеком. Эта новость стала ударом для Карины. А ещё два года спустя Бетани родила второго сына, названного Антоном.

Так Карина обнаружила, что пустые, многословные письма Бетани стали недостаточным источником информации. Она стала нанимать шпионов и посылать их в Древинку.

Вскоре ей удалось подкупить служанку в замке Пэлен, которая отправляла ей регулярные доклады. Через эту прислугу Карина многое узнала.

Ещё маленьким мальчиком Дамек проявил себя хитрым и жестоким, мучая замковых собак и досаждая слугам при любом возможном случае.

Антон рос добрым и тихим, любил читать.

Однажды утром, когда Дамеку было десять, а Антону восемь лет, Бетани сделалось плохо, и она умерла в тот же день. Со дня её смерти минул почти месяц, когда Карина узнала об этом от своих шпионов.

Князь Ливен остался без жены, а оба мальчика без матери.

На какой-то миг, всего лишь миг, Карина позволила себе увлечься фантазией, что она сможет найти способ занять место покойной сестры. Эта мысль исчезла так же быстро, как и появилась. Князь Ливен не проявил желания обзавестись новой супругой. К чему она ему? Он заявил права на все земли своей почившей жены и имел в наследниках двух здоровых сыновей.

Карина начала уделять своё внимание Антону, который, по её сведениям, скучал по матери. Он чувствовал себя одиноким и покинутым в обществе жестокого брата и вечно занятого отца.

Она дождалась, пока ему исполнится двенадцать, прежде чем написать ему:

Мой дорогой племянник! Я — младшая сестра твоей матери, и я сопереживала тебе все эти годы. Представляю, как тебе не хватает её! Я бы написала много раньше, но посчитала, что только теперь тебя будут занимать письма от тётки...

Она продолжала деликатно предлагать ему сочувствие и материнское плечо, на которое можно опереться, не зная, чего ожидать в ответ. Её интуиция оказалась безошибочной. Он написал ей длинное письмо, в котором благодарил её и рассказывал о своей повседневной жизни и интересах. Письмо глубоко тронуло её, и она перечитала его четыре раза. В нём слышался голос мальчика, нуждавшегося в любви и опеке взрослого, которого заботили бы его мысли и чувства.

Между ними наладилась связь, и она была рада.

В то же время второй предмет, занимавший её мысли, обернулся проблемой. Как бесконечно оставаться молодой и красивой и избежать клейма колдуньи? Методом проб и ошибок она узнала, как лучшим образом использовать дар Джаэлль. В первые дни Карина жаждала испытать ощущение эйфории, поэтому заставила Джаэлль осушить ещё пять девушек и передать их молодость ей. Разумеется, смерти вызвали некоторую тревогу в окрестностях, и хотя Карина не боялась, что её уличат, она остановилась... Решила подождать и посмотреть, как долго будет продолжаться действие проведённых ритуалов.

Этого хватило на пять лет.

И пять лет она не замечала ни малейшего изменения, ни в сиянии кожи, ни в блеске волос.

Но однажды она уловила перемену, всего лишь намёк на тусклый цвет лица. Тогда она призвала Джаэлль и велела ей забрать только одну жизнь. К ужасу Карины, подпитки хватило меньше, чем на месяц.

Решив попробовать то, что сработало в прошлый раз, она использовала Джаэлль, чтобы забрать шесть жизней за несколько недель и быстро поглотить их в себя. Действие ритуала продолжалось ещё пять лет. Карина не могла объяснить, почему дар работает таким образом. Она не пыталась вникнуть в причины.

К тому времени, как Антону исполнилось двенадцать лет, и началась их переписка, на юго-востоке люди вокруг Карины начали поговаривать, что ей пошёл уже пятый десяток.

Она обдумывала, как ей лучше всего поступить.

То был насыщенный событиями год для неё: оба её родителя скончались. Поскольку её отец не оставил после себя наследника мужского пола, его титул и семейное поместье перешли к его младшему брату. Впрочем, Карина получила свою долю наследства, и она была значительной. Она сообщила своей семье, что не желает оставаться в поместье и жить с дядей, а отправится путешествовать.

Карина арендовала виллу вдали от дома и наняла слуг издалека, проследив, чтобы никто из них не был связан с жителями родных мест. После этого единственной неизменной частью её жизни стал Антон, но только посредством регулярного обмена письмами. Тем не менее она чувствовала, что хорошо знает его. Пока он был всего лишь подростком, так что она не предпринимала попыток навестить его, как и не приглашала его к себе. Она ждала нужного момента. Если он увидит её в своей юности, а позже встретится с ней вновь, его удивит, что она не изменилась внешне.

Её переполняла гордость, когда он получил в распоряжение замок Сеон. Потом сдержалась от неодобрения в его адрес, когда он разрушил планы отца и женился на небогатой девушке из мелких нобилей по имени Джозелин... из-за любви. Вскоре он написал ей, что его молодая жена ждёт ребёнка. Это известие наполнило Карину странной тоской, будто она упустила какую-то важную часть жизни, хотя она не вполне понимала, какую. Незадолго до того, как Джозелин должна была разрешиться от бремени, Антон

написал Карине письмо, в котором сообщал, как ему не хватает помощи и материнского совета. В этом письме он спрашивал, хочет ли дорогая тётя приехать и пожить с ними?

Сама идея сначала ошеломила её, но потом... она начала раздумывать над представляющимися возможностями. Это и мог быть подходящий момент. Ей было хорошо известно, что Ливен не назвал Дамека своим преемником и теперь находился в процессе выбора между двумя сыновьями. Могла ли она повлиять на выбор? Вскоре она обнаружила, что наслаждается картиной, которую рисовало её воображение: она входит в замок Сеон на правах приёмной матери Антона.

Написав ему в ответ, она спросила о его соображениях, когда и как лучше всего осуществить переезд.

Он не ответил.

Карина ждала.

Один из её шпионов прислал сообщение с известием, что Джозелин умерла при родах и Антон, кажется, сошёл с ума от горя. Он заперся в покоях и отказывается от пищи.

Она отправила весточку в замок, сообщив, что приедет.

Через несколько дней Карина начала своё путешествие на запад. Из-за трагичной смерти Джозелин Антон сейчас ещё больше нуждается в матери. Карина приедет, чтобы одарить его сочувствием и помочь ему. Он будет назван преемником князя. Она станет его сильной правой рукой и воплотит свою мечту быть хозяйкой великого дома, а потом и владычицей народа.

Отправившись в путь с караваном, как и её сестра много лет назад, Карина в один пасмурный осенний день въехала во двор замка Сеон. Когда она спешила, её встретила высокая седовласая женщина в переднике.

На лице женщины отразилось глубокое облегчение:

— Моя госпожа, — выдохнула она, — я не могу передать, как мы благодарны, что вы приехали. Я управляю горничными и кухонными служанками. Но как хозяйка... умерла, а молодой князь впал в траур, дом начал приходить в упадок.

Карина пожала её руку:

— Я сделаю всё возможное, чтобы помочь вам и князю.

— Благодарю, моя госпожа. Мы подготовили комнаты. Есть ли что-нибудь, что нужно отнести прямо наверх?

— Пока только несколько маленьких сундуков. У меня есть ещё кое-что. — Карина указала на большую картину, тщательно завёрнутую в парусину. — Я привезла с собой семейную реликвию, портрет. Но я бы предпочла не вешать его в моих покоях. И для родового портретного зала он недостаточно хорош. Может быть, здесь есть зал поменьше, где-нибудь в стороне, где можно выставить картину?

Она хотела спрятать вещь на виду, но там, где она может оставаться незамеченной. В конце-концов портрет будет позабыт всеми, кроме неё самой.

Если престарелая экономка и нашла эту просьбу странной, то она не подала виду. Напротив, она на минутку поджала губы и сказала:

— О да, есть маленький зал над гостевыми комнатами в северной башне. Там выставлены несколько старых портретов. Я могу повесить картину там.

Карина улыбнулась:

— Благодарю вас. Это было бы замечательно!

Глава 15

Белый туман исчез, и Амели обнаружила, что всё ещё сжимает руку леди Карины. Она отпустила её и вскочила со стула, отступая назад. Амели пыталась очистить голову от многих лет и событий, которые ей пришлось пережить вместе с Кариной.

Ощущение дурноты затопило её сознание, и она задохнулась от отвращения, когда сделала шаг назад.

— Ты... ты убила этих девушек... Сибил... Инну. Ты забрала их жизни!

Карина смотрела на неё дикими глазами. Она выглядела скорее ошеломлённой, чем разгневанной или виноватой.

— Ты знаешь! — выдохнула она. — Никто и никогда даже не догадывался. Никто не мог меня заподозрить.

Разум Амели немного прояснился, она поняла, что Карина считала себя неприкасаемой. Она не возражала против того, чтобы Антон прибег к помощи Селин в этом расследовании, поскольку никогда не верила, что кто-нибудь узнает её секреты и свяжет с убийствами.

— Ты сумасшедшая, — сказала Амели, качая головой. — Все эти смерти только ради смазливового личика.

Её рука инстинктивно потянулась к боку, но меча там не было. Только дурацкое тёмно-синее платье.

Карина выпрямилась:

— Гораздо больше, чем красивое лицо. Ты бы поняла это, если бы пережила в своём видении всё, что чувствовала я.

Хотя выражение её лица всё ещё оставалось диким, она почти с удовольствием говорила об этом. Амели горячо надеялась, что Селин и дальше будет укрываться за деревянными панелями, слушая их. Ещё неизвестно, какую опасность представляет Карина.

— Антон будет назван великим князем, — Карина гордо подняла голову, — и когда это случится, я буду рядом с ним.

— Как долго? — парировала Амели. — Даже если все твои планы исполнятся, ты уже рядом с ним четыре года. Что, если он станет преемником Ливена, а будет объявлен великим князем только на следующем избрании? Что будет через следующие девять лет, когда ты не состаришься ни на день? Ты думаешь, что всё ещё будешь рядом с ним?

Карина успокоилась.

— А ты не такая уж близорукая, какой кажешься, — она сделала паузу. — Да, я всё ещё буду рядом с ним, потому что состарюсь. Сейчас моё место рядом с Антоном, и наградой мне станет власть, которую я разделю с ним. В настоящее время мне нужна моя красота, чтобы склонить других князей на его сторону... после я смогу прожить и без этого. Я решила, что через пять лет, когда действие ритуала исчерпает себя, я не прибегну к помощи картины. И буду довольствоваться тем, что имею.

Амели не поверила ей. Но это было и не важно.

— Ты не приблизишься к Антону. Никогда больше. Как только Яромир услышит об этом, считай, что тебе крупно повезёт, если тебя всего лишь запрут в тюремной камере.

Амели пыталась усыпить её бдительность, внушив миледи ложное чувство, что обе они увлечены словесной перепалкой, весьма свойственной всем женщинам. Сама же она в это время искала подходящий момент, чтобы выбраться из комнаты.

— Яромир ничего не услышит, — ответила Карина.

— О да, он всё узнает.

Амели двигалась с быстротой молнии, как и всегда полагаясь на элемент внезапности.

Она бросилась вперёд и выставила правый кулак, намереваясь одним ударом выбить из Карины дух. Но каким-то образом Карина угадала, что сейчас должно случиться, и сумела отступить назад, так что кулак Амели едва скользнул по её щеке.

— Джаэль! — призвала Карина. — Приди ко мне!

Антону было стыдно за себя.

Он стоял в большом зале с Яромиром и Павлом. Караульный Рюрик тоже был здесь. Рана на его голове достаточно зажила, чтобы он смог вернуться к своим обязанностям.

Антон ждал, когда сможет поприветствовать своих гостей. Ждал, когда увидит Селин, входящую в арочный проход.

Но она не появлялась.

Ему стало интересно, что задержало её, но источником его стыда было вовсе не нетерпение. Его рука зудела. Кисти мелко тряслись. Антон не мог заставить себя не вспоминать, как он чувствовал себя, когда принял небольшую дозу макового сиропа. Вся боль тогда ушла, ощущения, словно его кожу раздирают когтями, не было и в помине.

Бутыль с маковым сиропом находилась наверху в его комнате. Селин сказала ему не принимать его больше до завтрашнего дня, так что ночь обещала быть долгой. Он повторял себе, что должен быть полон сил этим вечером, а не казаться слабаком с трясущимися руками.

Его людям нужно видеть в нём лидера.

Повернувшись к Яромиру, он сказал:

— Ни Селин, ни леди Карина до сих пор ещё не спустились, и я вспомнил, что оставил на столе недописанное письмо к моему отцу. Я бы предпочёл, чтобы слуги, пришедшие для уборки, не увидели его.

Он добавил, поворачиваясь к выходу:

— Подожди здесь. Я скоро вернусь.

Яромир нахмурился, но не стал задавать вопросов:

— Да, мой господин.

Испытывая смятение, Антон поспешно вышел из зала и поднялся по лестнице западной башни. Он почти вбежал на лестничную площадку второго этажа и устремился по коридору к своим покоям. Он старался не думать о том, что делает. Княжич уверял себя, что это единственный раз, когда он не соблюдает наставления Селин. С завтрашнего дня он начнёт отучать себя от опиума, как и было задумано.

Завтра.

Открыв дверь своей передней комнаты, которая служила ему кабинетом и библиотекой, он торопливо направился в свою спальню. Нервно облизывая пересохшие губы, Антон подошёл к ночному столику и взял бутылку с маковым соком. Он ненавидел себя, но знал, что не остановится.

Затем в голову пришла дурацкая мысль, что он должен хотя бы соблюдать осторожность и воспользоваться ложкой, а не пить прямо из бутылки. На ночном столике ложки не оказалось. Повернувшись, он огляделся кругом, чтобы найти, где Селин оставила... и его взгляд упал на портрет, что висел на стене рядом с дверью.

Он был пуст. Бледнокожая женщина исчезла. Остались только тёмный задний фон, вечнозелёные деревья и костёр.

И Селин так и не пришла на банкет.

— Селин.

Выронив бутылку с маковым сиропом, он выбежал из своих покоев и бросился обратно к лестнице.

К тому времени, когда Антон достиг главного Яруса, он задышался от истощения. Он проклинал себя за то, насколько слабым он позволил стать своему телу. Когда-то он был сильным и быстрым, искусно орудовал мечом. Ничего, скоро он снова будет таким. Только бы не случилось непоправимого.

Он остановился прямо за арочным проходом, ведущим в большой зал. Положив руки на колени, Антон смог выкрикнуть:

— Яромир!

Селин присела за деревянной ширмой и наблюдала за происходящим в щель.

Она увидела, как Амели схватила Карину за руку, а потом они обе замерли, когда их разумы затерялись в тумане прошлого.

Когда же они вышли из состояния оцепенения, ни одна из них не сказала ничего, что имело бы смысл... за исключением того, что Амели считала Карину убийцей.

Первым порывом Селин было броситься вперёд и защитить свою сестру. Вот только она не была воительницей и не знала точно, что сможет предпринять. К тому же она так часто видела, как Амели берёт верх в бою, полагаясь на свою скорость и внезапность.

Эти размышления удержали Селин на месте. Карина не знала, что она была в комнате, и элемент неожиданности был на их стороне.

Обмен репликами и атмосфера между Кариной и её сестрой накалялись.

— Ты не приблизишься к Антону, — сказала Амели. — Никогда больше. Как только Яромир услышит об этом, считай, что тебе крупно повезёт, если тебя всего лишь запрут в тюремной камере.

— Яромир ничего не услышит.

— О да, он всё узнает.

Силуэт Амели стал размытым, когда она ринулась вперёд и ударила правым кулаком. В последнюю секунду Карина отклонилась назад на какой-то дюйм, и Амели не удалось зацепить её с нужной силой.

— Джаэль! — прокричала Карина, обезумев. — Приди ко мне!

Селин напряглась, но что-то подсказывало ей не двигаться с места. Пока не двигаться.

Чёрно-белая фигура внезапно материализовалась из стены прямо над очагом, и бледнокожая женщина с портрета поплыла по воздуху. Завитки её чёрных волос колебались вокруг лица.

Карина указала на Амели.

— Осуши её.

Амели повернулась, чтобы бежать, но призрак полетел прямо ей наперерез.

Селин уже достаточно видела, чтобы понять, на что способен эта не упокоенная душа. Также стало ясно, что призраком управляет Карина. Меньше, чем за секунду в уме Селин сложились два обстоятельства. Первое — оконные ставни были открыты, и второе — Карина стояла прямо напротив окна.

Селин атаковала.

Она не раздумывала и не колебалась. Вполне вероятно, что Карина так и не увидела её приближения. Селин выбежала из-за деревянной ширмы и пересекла комнату так быстро, как только смогла. Обеими руками она толкнула Карину со всей силой, на какую была способна.

Карина выпала в окно, пролетела три этажа и разбилась о булыжники двора. Селин остановилась. Она высунулась из окна и убедилась, что Карина мертва. Она лежала неподвижно, её конечности изгибались под неестественными углами. Факелы на дворовых стенах освещали тёмную лужу, растекавшуюся вокруг её головы.

Провидица обернулась.

Сестра лежала на полу, её глаза были закрыты. Призрак положил одну руку на её лицо, а другой потянулся к горлу.

— Остановись! — приказала Селин.

Призрачная женщина замерла, посмотрев на неё в смятении. Больше всего, кажется, её удивил тот факт, что она вообще могла остановиться.

— Карина мертва, — резко сказала Селин. — Ты больше ей не служишь. Убирайся от моей сестры.

Замешательство в глазах призрака только росло, и она вскрикнула один раз, словно раненый зверь.

Дверь распахнулась настежь, и в комнату вбежал Яромир, пытаясь как можно быстрее оценить обстановку. Его взгляд сначала метнулся на вопящего призрака. Потом он увидел Амели, распростёртую на полу в своём аквамаринном платье.

— Амели! — он бросился к ней.

Антон вошёл следом, бледный и измотанный. Он тоже увидел призрака. Призрачная женщина взмыла выше, посмотрела на мужчин в комнате с неясным опасением, а затем исчезла в стене над очагом, оставив после себя звенящую тишину.

Яромир опустил на колени и подхватил плечи Амели одной рукой. Он осторожно встряхнул её:

— Амели?

Её кожа не выглядела сморщенной или хоть как-то изменившейся. Селин надеялась, что смогла предотвратить возможный урон вовремя. Амели открыла глаза:

— Яромир?

— Ничего не говори, — сказал он.

Антон смотрел на Селин с непроницаемым лицом, будто задавался вопросом, что она делает у окна. В то время, как он неровной походкой приближался к окну, до Селин стало доходить, что она сделала.

Княжич высунулся в окно и посмотрел вниз на булыжники.

Селин только что убила его тётю, и у неё не было ни единого доказательства вины леди Карины.

— Антон, это была она, — поспешила сказать она. — Карина управляла призраком.

Он стоял неподвижно и ничего не отвечал. Теперь она испугалась по-настоящему.

— Где призрак? — спросил Яромир. Как всегда, в первую очередь он думал о возможной угрозе для замка.

— В картине, — прошептала Амели.

Яромир стоял перед картиной в спальне Антона. Амели поведала им ужасную историю череды убийств и нездорового тщеславия, растянувшуюся на двадцать шесть лет.

Бледнокожий призрак с тёмными волосами вернулся обратно в картину и находился в том же положении, будто никогда не покидал холста.

Амели тихо продолжала свой рассказ.

Антон и Селин слушали в молчании. Выражение лица Антона всё ещё оставалось

непроницаемым. Он любил свою тётю. Более того, он зависел от неё.

Но история Амели...

Если бы это рассказывала Селин, Яромира бы мучили сомнения. Повествование становилось всё более трудным для восприятия. Несмотря на то, что он считал Селин по сути своей хорошим человеком, он также знал, что она очень умелая лгунья.

Он в последние дни долго размышлял над характером Амели и был убеждён, что она мало способна на открытый обман. Да и столь потрясающим воображением не обладает. По всей видимости, Антон тоже всё это знал, поскольку не прерывал её и не пытался отрицать её слова. Он просто слушал.

Когда она закончила, то добавила:

— Я подумала, что Джаэлль скорее всего вернётся на картину, как только Карина перестанет управлять ею, но сейчас не могу понять, почему. Холст так долго служил ей тюрьмой. Неужели Джаэлль что-то связывает с картиной, кроме проклятия Карины?

Антон ответил безжизненным голосом:

— Когда я жил отцом, то временами видел, как выпускают мужчин после многих лет тюремного заключения... Эти мужчины умоляли, чтобы им позволили вернуться назад в их камеры. Это было всё, что они знали.

Яромир тоже был свидетелем этому явлению, но в настоящий момент его больше беспокоило то, что Антон собирается делать дальше. Селин была напугана. Она скрывала это, но недостаточно хорошо. Чутьё Яромира подсказывало ему, что Антон поверил рассказу Амели.

Подробности были очень точными: возраст Антона, когда Карина начала писать ему, отдельные строки из её писем, его приглашение тёти в Сеон на последних месяцах беременности Джозелин. Яромир ничего об этом не знал, и он подозревал, что такие вещи были известны только Антону и самой Карине. Если бы что-то из слов Амели оказалось неверно, Антон перебил бы её.

Он этого не сделал.

Но чувства Антона будут противиться правде. Сможет ли он принять, что его прекрасная и любимая молодая тётя была престарелой убийцей?

Был ли он настолько привязан к Карине, чтобы закрыть глаза на правду и наказать Селин?

Выждав довольно долгое время, Яромир повернулся к Антону и спросил:

— Что вы прикажете, мой господин?

Антон помедлил мгновение, глядя на картину:

— Вынеси эту вещь во двор и сожги её.

Глава 16

Во дворе все стояли мрачные.

Получилось что-то вроде торжественного молчаливого собрания. Тело Карины тихо перенесли, на месте падения осталась только лужа крови.

Несмотря на то, что Селин стояла рядом с Антоном, она терялась в догадках, что он думает о ней. Княжич выглядел натянутым, как струна. Из-за его нынешней борьбы с зависимостью от опиума и смерти Карины вкупе с другими откровениями этой ночи Селин почти физически ощущала исходящие от него волны боли.

Караульный Рюрик вышел во двор вместе с ними. Он принёс дрова, которые сложил в продолговатую кучу. Также он прихватил флягу с ламповым маслом, которую поставил на

землю во время работы. Яромир и Амели держали портрет между собой. Сестра выглядела оправившейся после краткого прикосновения призрака к ней. Уже кое-что.

Она до сих пор была в тёмно-синем платье. Селин отметила, что Яромир бросает на сестру озадаченные взгляды. Но у него хватило здравого смысла не задавать вопросы.

Селин могла слышать напряжённое дыхание Антона. Ей хотелось, чтобы он заговорил. Сказал хоть что-нибудь. Это дало бы ей возможность утешить его. Селин не могла заставить себя говорить первой, опасаясь, что в ответ на оказанное сочувствие он обвинит её в событиях нынешнего вечера. Она не выдержит этого.

— Аптечная лавка ваша, — внезапно сказал он.

Неужели он думал об этом?

— Ты выполнила свою часть уговора, — продолжал он. — Ты... ты нашла убийцу, а я всегда держу слово. Лавка твоя.

— Антон, — прошептала она.

— Только если вы не хотите поступить так, как говорит Хельга. Можете отправиться на поиски вашего народа, уехать далеко и жить с цыганами.

Теперь она поняла, почему он упомянул магазинчик. За исключением Яромира, каждый, о ком заботился Антон, покинул его. Неужели он боялся, что и Селин тоже уйдёт?

Было бы ложью утверждать, что Селин не думала о таком варианте. Этот мир был за пределами её понимания. Мир людей, ищущих положения и власти. Они способны на огромную жестокость, когда им что-то угрожает... и большую доброту, когда деяниями руководит сердце. Антон и Яромир не были ни злодеями, ни святыми. Всего лишь мужчины, которые делают то, что считают правильным в данный момент. Как и любой другой человек. Во всяком случае, они доводят дело до конца, совершив всё возможное. Антон потерял свою мать и свою супругу, потерял тётю, которая, как он считал, любила его. В жизни ему не очень-то везло с женщинами.

— Вы хотите, чтобы я осталась? — спросила она.

— Да.

— Тогда я останусь.

В тот момент, когда он просил её, она могла бы поклясться остаться навсегда.

Рюрик закончил сооружать кучу из дров. Поленья были сложены в форме прямоугольника. Яромир с Амели уложили на дерево портрет фронтальной стороной вверх. Яромир поднял флягу с ламповым маслом и разлил немного горючей жидкости на картину.

— Я возьму факел, — сказал он.

Яромир сражался с мучительным чувством вины из-за того, что не смог обнаружить ещё одного опасного человека в замке. Он ни секунды не подозревал Карину. Лейтенант испытал облегчение, занявшись хоть каким-то делом. Он хотел сжечь портрет ещё несколько дней назад: с того самого момента, как Селин описала настоящего убийцу из её видения.

Самобичевание можно оставить на потом. Сейчас надо покончить с этим делом.

Вылив половину масла из фляги на портрет, он переложил бутылку в левую руку, подошёл к дворовой стене и подхватил факел из скобы.

Вернувшись к картине, он опустил факел и поднял взгляд на Антона, ожидая окончательного приказа.

Антон кивнул:

— Начинай.

Амели и Рюрик отошли на несколько шагов назад, и Яромир поджёг картину, наблюдая,

как разгорается огонь. Он испытал сильное облегчение, когда бросил факел в костёр и отошёл от набирающего силы пламени.

Карина мертва, и портрет скоро тоже исчезнет. Ни одна девушка больше не обратится в мумию во сне.

Всё кончено.

— Яромир... — сказала Амели, стоявшая рядом. — Что это?

Прищурившись, он посмотрел в пламя и увидел нечто, поднимавшееся от картины. Неясная смесь чёрного и белого.

Душераздирающий вопль разорвал ночной воздух. Не веря своим глазам, Яромир наблюдал, как чёрно-белое пятно материализуется над портретом, принимая форму призрака.

Фигура снова взвыла и вскрикнула:

— Нет!

Её лицо было обезумевшим от ужаса. Она дико озиралась по сторонам, пока её взгляд не остановился на Селин. Яромир беспомощно наблюдал, как призрак полетел по воздуху прямо к провидице и растворился в ней.

Привидение исчезло.

— Селин! — вскрикнула Амели.

Лицо провидицы приняло то же паническое выражение, которое Яромир только что видел у бесплотной женщины. Её рот исторгал те же стоны и взвизги.

Антон схватил Селин за руки, крича:

— Убирайся! Прочь из неё!

Растерянный Яромир понятия не имел, что предпринять. Тут Селин, взревев, ухватила обеими руками за лицо Антона. Тот судорожно вздохнул, и его кожа начала сереть.

Яромир обнажил свой меч.

Амели побежала в тот момент, когда рука Яромира потянулась к оружию. Она понятия не имела, как далеко он может зайти, защищая Антона... и у неё не было намерения выяснять это.

Обогнав его по пути к Селин, она пролетела последние шаги и со всей силы врезалась в сестру, отбросив её от Антона и повалив на землю. Сестра кричала и боролась, пытаясь впиться пальцами в лицо Амели. Но та сгребла её запястья, удерживая их у земли, и постаралась уловить искру духа. Что-то, что могло остаться от Джаэлль.

Она почувствовала искру души.

Это был дух Джаэлль.

Амели знала, что делать. Она сосредоточилась на прошлом: на последнем воспоминании, когда Джаэлль была по-настоящему счастлива. Двор исчез.

Амели и Джаэлль устремились назад по коридору из белого тумана, всё дальше и дальше. Ясновидящая крепко удерживала другой дух рядом с собой. Туман исчез. Она обнаружила, что стоит в лагере Мондьялитко рядом с Эверфеном. В этот раз она не смотрела на всё глазами Джаэлль. Она была всего лишь наблюдателем, а призрак Джаэлль стоял рядом с ней.

— Где мы? — спросила девушка.

— Дома, — ответила Амели. — Дома, в безопасности.

Её составленный в спешке и панике план заключался в том, чтобы успокоить Джаэлль

на достаточное время, позволив Яромиру успеть уничтожить картину. Это всё, что она смогла придумать.

В видении настоящая Джаэлль стояла у костра в окружении небольшой группы поклонников. Она была прекрасна с сияющей кожей и вьющимися блестящими волосами. Девушка начала петь, и её весёлый, пробирающий до глубины души голос поплыл в ночи.

Призрак вздохнул:

— Это была я.

Оставив Амели, она направилась к толпе, но никто не увидел её. Подойдя к себе живой из прошлого, она вошла в тело. Призрак исчез, а песня не прервалась ни на мгновение.

Яромир затормозил, когда Амели отбросила Селин от Антона. Сёстры начали бороться. Антон упал на землю, но глаза его были открыты. Княжич изо всех сил старался подняться на колени. Внезапно Амели во время противоборства с сестрой смогла перехватить руки Селин и прижать её к брусчатке. Обе женщины замерли.

— Что происходит? — задыхаясь, спросил Антон.

Яромир не знал ответа. Он стоял с мечом наготове, ожидая любого развития событий.

Рюрик встал рядом с ним, держа клинок.

— К Селин не прикасаться! — приказал Антон, всё ещё стоя на коленях.

Яромир не знал, сможет ли он подчиниться этому приказу, знал только то, что должен быть решительным. Ситуация складывалась очень противоречивая. То, что призрак овладел Селин, бесспорно. Его первоочередная задача — защита Антона. Что, если она станет угрожать жизни княжича?

Но вот чёрно-белое пятно поднялось из тела Селин, и перед ними снова предстал призрак Джаэлль. Никаких всхлипов и стенаний — девушка была на удивление спокойной, её взгляд излучал светлую грусть. Она прошлась по двору, словно была живой. Потом остановилась возле костра и, к изумлению Яромира, начала петь. Как же красив был её голос!

Когда он посмотрел на костёр, то взгляд его упал на картину. Она сгорела где-то наполовину. Тут только Яромир понял, чего добивалась Амели: она удерживала призрак в стороне, пока портрет не будет полностью уничтожен. Он вспомнил, что всё ещё сжимает в левой руке полупустую флягу с ламповым маслом.

— Оставайся с князем, — приказал он Рюрику.

Выронив меч, он развернулся и побежал к огню. Джаэлль не видела его. Она вела себя так, будто находится где-то в другом месте. Но он не медлил. Снова схватившись за флягу, он расплескал всё, что мог на картину и отбросил сосуд. Затем он начал топтать холст сапогами, загоняя его в огонь. Даже помогал себе руками, отрывая небольшие куски, чтобы ускорить сгорание.

Пение разносилось над пламенем.

Он опалил руки и ногу, но продолжал топтать холст, пока последний его кусок не был предан огню.

Джаэлль перестала петь.

Она медленно повернулась к нему.

Лагерь Мондьялитко вокруг Амели исчез. Она снова была во дворе: стоя на коленях, Амели сжимала руки сестры. Отпустив руки Селин, она оглянулась назад как раз вовремя,

чтобы увидеть, как Яромир ломает и топчет последний фрагмент портрета в пламени. Зрелище было ужасным. Одну его штанину охватил огонь, но он не обращал внимания и всё продолжал втаптывать остатки портрета в пламя.

Голос Джаэлли затих, и она тоже посмотрела на Яромира.

— Нет, — сказала она, когда последний кусок холста поглотил огонь.

Она снова взвыла, издав оглушительный вопль. Её ступни начали рассеиваться в воздухе, исчезли лодыжки. Она таяла: всё выше и выше от ног к талии.

Яромир выпрыгнул из огня, обожжёнными руками сбивая языки пламени с штанин.

Джаэлли растворялась в воздухе, пока от неё не осталась одна голова. Вскоре исчезла и она. Джаэлли ушла. Только эхо её плача задержалось на мгновение...

Потом наступила тишина. Антон подполз к Селин, которая кашляла и пыталась подняться, и помог ей сесть. Но Амели не могла отвести взгляд от Яромира.

Он точно знал, что делать.

Каким-то образом он знал.

Глава 17

Селин работала в саду на заднем дворе аптечной лавки. Она обрезала кусты лаванды: отсекала жёсткие сухие ветки, давая возможность прорасти новым нежным побегам. Амели отправилась к пекарю за хлебом и свежими булочками.

Прошло около двух недель после поспешного отъезда сестёр из замка. Обе они по-разному приходили в себя от событий, произошедших там. Время пролетело быстро, а погружение с головой в работу помогло излечить некоторые душевные раны. В первую очередь Селин и Амели вычистили дом и проверили всё, что могло пригодиться для работы: горшки, кувшины, флаконы и инструменты.

Они спасли все растения в саду, какие смогли. После того, как девушки привели клумбы с травами и цветами в порядок, то принялись за огород. Было ещё не поздно посадить картофель, морковку и лук.

Покидая отведенные им покои, сёстры не взяли с собой ничего, кроме вещей, с которыми прибыли туда. Исключением стали деньги, которые Амели выиграла в карты. Лавка рядом с замком Сеон была обещанной платой, и ни одна из сестёр не имела намерений требовать что-то ещё. Когда монеты стали подходить к концу, это вызывало беспокойство. Но Селин смогла собрать достаточно трав и цветов, чтобы изготовить простые сиропы от кашля и мази от порезов и боли в мышцах. Нехитрые снадобья быстро раскупили, поскольку в Сеоне уже некоторое время не было аптекаря.

Селин договорилась с Хельгой, чтобы та незаметно вернула миниатюру леди Бетани в спальню Антона. Сам этот портрет так и оставался загадкой. Прежде всего, как он оказался в их комнате? Каким образом перемещался из выдвижного ящика на туалетный столик, словно дожидаясь, когда Амели возьмёт его в руки?

У Селин не было ответов, и она решила не гадать понапрасну. Достаточно того, что они столкнулись с призраком Джаэлли.

Сёстры подружились с ближайшими соседями, и Амели вскоре узнала, какой мясник предложит куски говядины посвежее и какой пекарь продаёт самые свежие и хрустящие булочки.

Селин и Амели чувствовали себя желанными гостями.

У сестёр Фоу произошло ещё одно событие — прибавление в семье.

Это случилось после визита Эрин на прошлой неделе. Когда Селин посетовала на

мышинное засилье в лавке, пышнотелая дочь кузнеца отправилась домой и вернулась назад с огромным рыжим котом по кличке Оливер. Эрин настояла, чтобы Селин оставила его у себя, поскольку кошек в кузнице и так было хоть отбавляй благодаря сердобольной хозяйке.

Оливер тут же приступил к своим обязанностям, и мыши притихли. Сёстры не могли нахвалиться на своего усатого кавалера. Только одна дурная привычка их огорчала: кот постоянно приносил свои мёртвые трофеи к порогу, чтобы хозяйки могли похвалить его за охотничье мастерство.

Временами Селин с грустью вспоминала о жизни в своей родной деревушке. Травница скучала по некоторым жителям Шетаны, оплакивала сгоревшую лавку матери. Но она любила новый магазинчик, и ей с Амели нравилось чувствовать себя в безопасности. У сестёр сложились хорошие взаимоотношения с солдатами Антона.

Несколько человек из городка подходили к Селин с просьбой сделать предсказание, но она вежливо отказывалась. Пока. Провидица ещё недостаточно оправилась, чтобы взять на себя смелость прикоснуться к тайнам чужой жизни. Возможно, со временем она сможет вернуться к этому.

Обрезая очередной погибший стебель лаванды, Селин заметила, что Оливер играет с червяком, извивающимся на рыхлой земле. Кот ударил несчастного лапой, с большим увлечением наблюдая за тем, как червяк задвигался.

— Прекрати, — строго сказала ему Селин. — Оставь червя в покое.

Внезапно Оливер повернулся и вскочил на лапы. Не отрывая настороженного взгляда от чего-то позади Селин, кот зашипел. Шерсть на его спине вздыбилась как наэлектризованная.

— Оливер! Да что с тобой?

Она обернулась и увидела в открытом дверном проёме лейтенанта Яромира. Он стоял там, держа в руках большой деревянный ящик. Должно быть, мужчина вошёл в переднюю дверь и прошёл через всю лавку. Селин заметила, что он в перчатках. Как лекарю ей стало любопытно, как заживают его ожоги на руках и ноге.

— Кажется, у вас появился новый защитник, — с усмешкой сказал Яромир. — А вот я пока низведён до роли посыльного мальчишки.

Селин неторопливо поднялась:

— Оливер, перестань шипеть. Всё в порядке.

Она не видела Яромира и Антона с тех пор, как покинула замок. Сразу после отбытия она приготовила запас разбавленного макового сиропа для Антона. Затем отыскала листья дикорастущей кислицы, которые сварила и смешала с гусиным жиром. Из полученного снадобья, добавив ещё пару ингредиентов, травница сделала мазь, чтобы облегчить боль от ожогов Яромира и ускорить заживление. Потом она принялась за очищающее и тонизирующее средство из листовой капусты для Антона. Всё это Селин отправила в замок с местным мальчишкой, не желая тревожить обитателей замка.

— Как поживает княжич? — спросила она.

— Лучше, — сказал он неопределённым тоном. — У Антона есть всё необходимое, чтобы поправиться.

Да, она это понимала.

— Подойди и взгляни на это, Селин, — Яромир поставил ящик на землю. — Хельга довела до моего сведения, что вы многое оставили в комнате. Старая перечница была совсем не любезна и настояла на том, чтобы я всё принёс сюда.

Селин подошла и заглянула в ящик. Всё, что подарила им леди Карина: платья, чулки,

сорочки и новые штаны Амели — было уложено внутри вместе с серебряными щётками. Кроме того, на дне ящика оказались два аккуратно сложенных тёплых плаща, которых в гардеробе сестёр никогда не было.

— Яромир, ты же знаешь, что эти вещи не наши.

Он пожал плечами:

— Возьми. Никто больше ими не пользуется. Может быть, тебе удастся уговорить Амели ещё хоть раз надеть синее платье.

— О, это был бы настоящий подвиг!

Ультрамариновое шёлковое платье здесь, в сельской местности, вряд ли пригодится. А вот плащи, чулки, брюки и лавандовое шерстяное платье могут значительно облегчить их жизнь следующей зимой. А таких красивых вещей, как серебряные щётки, у Селин никогда не было.

— Просто возьми их, — сказал лейтенант, пододвинув ящик. — Это хорошие вещи.

— Спасибо. Ты пришёл только для того, чтобы доставить одежду? Может, княжичу нужно больше тоника?

— Нет, я пришёл с приглашением, — он сделал паузу. — Завтра вечером в замке состоится пир.

— Пир? — тихо спросила Селин.

— Не беспокойся, ты и Амели всего лишь приглашённые гости. Никаких предсказаний не предвидится. Вы будете сидеть за главным столом со мной и Антоном как почётные гости княжича.

Селин растерянно повернула голову в сторону: её положение было неопределённо, и находилось где-то между жителями городка и обитателями замка.

— Так... я буду представлена как травница князя? — спросила она.

— Нет, как его провидица.

Девушка молчала.

— Вы придёте? — спросил он.

Селин ещё некоторое время раздумывала, но потом кивнула:

— Да, Яромир. Конечно, мы придём.

Продолжение следует...